

Институт истории АН РТ
Институт международных отношений, истории и востоковедения –
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В.А. Воронцов

ИСТОКИ ГЕОГРАФИИ
В СВЕТЕ ГЕНЕРАЛИЗОВАННОЙ
ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ
АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗА

К а з а н ь
Центр инновационных технологий
2 0 1 8

УДК 910
ББК 26.8г
В75

Научный редактор:
доктор философских наук, руководитель Казанского филиала
Санкт-Петербургской академии истории науки и техники *Н.М. Солодухо*

Рецензенты:
доктор философских наук,
кандидат географических наук *О.А. Лавренова*,
доктор географических наук, профессор *Ю.Г. Тютюнник*,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент АН РТ *Ф.Ш. Хузин*

Воронцов В.А.

В75 Истоки географии в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза: науч. изд. / В.А. Воронцов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2018. – 284 с. ISBN 978-5-93962-860-0

В данной книге истоки географии рассматриваются в контексте генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза, позволившей согласовать (генерализовать) традиционные учения о природе человека, общества, культуры с данными современной науки и пролить свет на широкий спектр феноменов человеческой культуры. На обширном антропологическом, лингвистическом, фольклорном, психологическом, педагогическом материале впервые вскрыты рефлекторные формы топофилии, топофобии, топонимики и топографии, а также установлены причины, побудившие ввести их в культуру. Выявлены инициаторы этого процесса, а также методы, посредством которых рефлекторные топофилия, топофобия, топонимика и топография стали феноменами культуры. Показана роль первых карт, исходных географических представлений в становлении мифологического мировоззрения, ландшафтной архитектуры и других феноменов человеческой культуры.

Адресуется специалистам в области истории географии, антропологии, археологии, культурологии, этнографии, архитектуры, лингвистики. Книга может быть полезна исследователям, преподавателям, студентам, соискателям, а также всем, кто интересуется истоками географии и её ролью в жизни наших предков.

ISBN 978-5-93962-860-0

© Воронцов В.А., 2018
© Центр инновационных технологий (оформление), 2018

ВВЕДЕНИЕ

География – мировоззренческая наука, которая призвана комплексно изучать природу, население и хозяйство в их пространственном и функциональном взаимодействии. История географии прослеживает процесс развития географии с целью осмысления настоящего и предвидения будущего этой науки. Актуальность истории географии обусловлена также её тесными связями с другими науками. Так, например, изучение истоков географии требует решения широкого комплекса предельно сложных и актуальных проблем, связанных с изучением процесса перехода наших предков к наземному обитанию и начала осмысленного взаимодействия с окружающей средой. Системно решать эти проблемы можно только в контексте учения об антропосоциокультурогенезе. Немецкий географ **А. Геттнер** (1859 – 1941) в своей книге «География, её история, сущность и методы» с полным основанием писал: *«У географии связь с общей историей человечества выступает яснее, чем у большинства наук»* [24, с. 7].

История географии *«изучает развитие географической науки на всём протяжении истории человеческого общества»* [6, с. 13]. Следует заметить, что исследователи весьма скептически оценивают возможность проследить весь путь, который прошла география от своих истоков до современного состояния. Известный исследователь древней географии **Дж.О. Томсон** писал: *«До того, как появилась письменность, человечество прошло несравненно более длинный путь, чем в исторический период, и это прошлое потеряно для нас безвозвратно; кое-какое представление о далёком прошлом человечества, в лучшем случае, мы можем себе составить*

*по дошедшим до нас орудиям труда и другим немым памятникам» [39, с. 19]. Авторитетный российский историк географии **В.Т. Богучарсков** утверждает: «Одним из важнейших изобретений древних было умение изображать местность в форме планов и карт. Кто первый освоил графический способ передачи информации, ответить невозможно» [4, с. 13].*

Согласно культурно-исторической концепции развития высших психических функций советского психолога **Л.С. Выготского** (1896 – 1934) [19-22], которая представляет синтез учения о природе и учения о культуре, психические, данные природой, натуральные функции в процессе развития могут становиться культурными: механическая память становится логической, ассоциативные представления преобразуются в творческое воображение, мышление. При осмыслении истоков географии исследователи игнорируют тот факт, что от древних предков нам достались инстинкты, которые играли и играют огромную роль в процессе взаимодействия с окружающей средой. В живой природе широко распространены рефлекторные формы топофилии и топофобии, которые обеспечивают ориентацию в пространстве без её геометризации даже низкоорганизованным существам. Широко распространена в живой природе и инстинктивная разметка границ используемых территорий. Поразительна инстинктивная способность многих живых существ находить места своего изначального обитания после миграций в весьма удалённые места. Предки человека, подобно другим живым существам, располагали естественной способностью ориентации в пространстве, а также маркировки, структурирования, измерения пространственных объектов. Переход к наземному обитанию предков человека породил ряд проблем, решение которых невозможно в рамках чисто инстинктивного поведения, что вызвало к жизни феномен,

который советско-российский физикогеограф **В.С. Преображенский** (1918 – 1998) назвал «*бытийным географизмом*», связанным с пребыванием человека на земле [37]. Есть все основания полагать, что именно инстинкты, будучи введёнными в культуру, породили «бытийный географизм». Между тем до сих пор инстинктивные формы поведения, стоящие у истоков «бытийного географизма», а также процесс введения в культуру этих инстинктивных форм, не стали объектами пристального внимания исследователей.

Следует отметить, что изначальные формы топофилии, топофобии, маркировки, структурирования, измерения, оценки пространственных объектов не могут исчезнуть или трансформироваться по мере становления географии и геометрии, поскольку имеют рефлекторный характер. Есть все основания полагать, что именно рефлекторные формы топофилии, топофобии, топонимики и топографии, присущие каждому человеку от рождения, способны пролить свет не только на первые планы, карты, но и на другие знаковые (моделирующие) системы, имеющие самое непосредственное отношение к истокам «бытийного географизма».

В наследство от предков нам достались не только инстинкты, но и телесность, система естественных органов (орудий, инструментов), которая древнее любых механических поделок. Осмысление взаимодействия человека с природой предполагает прежде всего осмысление телесности человека, его потребностей, его естественной системы орудий, а также чувств, которые определяют отношение человека к окружающей действительности. **К. Маркс** был глубоко прав, когда писал: *«Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих*

индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе» [32, с. 14]. Следует заметить, что телесность матери является средой, с которой связана сама возможность появления человека на свет. Есть все основания считать, что именно она породила представление о Матери-природе, о колыбели человечества, исходной среде обитания, сказочных царствах, где человеку обеспечено беззаботное существование, а также об исходном социуме. Именно с телесностью матери, с инстинктивными формами её констатации, структурирования, измерения и разметки её стана надо связывать истоки топонимики и топографии. Телесность матери, её инстинкты позволяют продемонстрировать и первые карты, и процесс их использования, и процесс их введения в культуру.

При изучении истоков географии крайне важно учитывать антропоморфизм, антропоцентризм, психологизм архаичного мировоззрения, «бытийного географизма», которые позволили не только описать, но и прочувствовать окружающий мир. Мысленно очеловечивая окружающую действительность, наши предки создали теоретическую базу для её окультуривания. Поскольку мысленное окультуривание всего и вся произошло в глубокой древности, все новые достижения человеческой культуры оказываются хорошо известными нашим предкам.

Соотнося с матерью, очеловечивая окружающий мир, человек научился сочувственно относиться к природе, беречь её. В этой связи глубоко ошибочными являются взгляды исследователей, которые полагают, что антропоцентризм противопоставляет человека, общество природе. Подобное видение антропоцентризма свойственно, например, советскому географу **В.А. Анучину** (1913 – 1984). В своей книге «Географические факторы в развитии общества» он писал: *«Представления антропоцентристского характера, абсо-*

лютно противопоставляющие общество природе, без учёта ответного воздействия природы на общественное развитие, вырывавшее общество из природы как якобы совершенное “особое” целое, ошибочно» [3, с. 324].

Для современного состояния географической науки характерно отсутствие единообразного подхода при освещении естественного и техногенного, природы и человека, что весьма негативно сказывается на системности географических знаний, приводит к распадению географии на ряд дисциплин, интеграция которых представляет серьёзную проблему. Вот что пишет по этому поводу **В.Т. Богучарсков**: «География накопила огромный фактический материал, трудно усваиваемый во всём его разнообразии. Появились специализированные направления, детально исследующие географическую информацию: метеорология, климатология, гидрология, геоморфология и т. д. А ещё раньше из географии вышли ботаника, зоология, геология и др. направления науки. Возникла иллюзия расползания в стороны, распада и упадка прежней географии» [4, с. 4-5]. Ускоряющаяся дезинтеграция географии наблюдалась на протяжении всего XX в. Вопреки неоправданно оптимистичным заявлениям некоторых современных теоретиков о якобы нарастающих интеграционных тенденциях в географии это ускорение наблюдается и сейчас. Наиболее серьёзным методологическим барьером на пути интеграции географии служит различие между естественной и общественной географией в подходах к предметам своих исследований и к географии в целом. Всё это актуализирует обращение к истокам географии, когда всё (человек, небо, земля, растения, животные, орудия, предметы) рассматривалось в рамках единой парадигмы, что обеспечивало целостность и убедительность первобытного мировоззрения.

Надо сказать, что за рубежом уже давно прослеживается интерес к гуманитарной географии, призванной стать своеобразным мостом между естественной и социально экономической географией. Так, например, в Великобритании выходит научный журнал «Human Geography». Сравнительно недавно гуманитарная география нашла отражение и в трудах российских географов: *Д.Н. Замятина* [27], *Ю.Н. Гладкого* [25], *Ю.И. Голубчикова* [26].

Истоки географии неразрывно связаны с генезисом знаковых (моделирующих) систем, давших возможность описывать окружающую действительность, её обитателей, их формы существования. При осмыслении истоков географии огромный интерес представляют естественные знаковые (моделирующие) системы, позволяющие описывать и оценивать пространственные объекты. Широко известно следующее высказывание *Г. Галилея* (1564 – 1642): *«Книга природы написана на языке математики, её буквами служат треугольники, окружности и другие математические фигуры, без помощи которых человеку невозможно понять её речь; без них – напрасные блуждания в лабиринте»*. Если *Галилей* прав и язык математики является естественным, нет оснований говорить о его изобретении. Можно говорить только о времени и методах введения его в культуру, а также о целях, которые при этом преследовались. В работах [7-18] автором данной книги впервые показано, что природа человека также говорит на языке математики, что у нас есть данная нам от природы книга, в которой записаны все сокровенные тайны человеческого бытия, а также приведены самые актуальные топографические карты, поэтому нет оснований говорить о бесписьменном периоде в истории человечества, а также полагать, что язык бытийного геофизма изначально не был математизирован.

Математическое моделирование вплетено в нашу практику самым естественным образом. «Наша конституция позволяет производить измерения и строить геометрические модели разного уровня сложности чисто механически. Так, например, при переносе таза с водой или охапки дров наши руки независимо от нашего сознания воспроизводят и манифестируют размеры этих объектов. Сильная боль побуждает нас рефлекторно **сетовать**: наносить координатную или **мерную сетку** из пальцев рук

Рис. 1. Рукотворный универсум (космос, матрица, маска). Реконструкция В.А. Воронцова

(рис. 2) [см. рис. 1 – **В.В.**] на больное место, чтобы **умерить боль**» [13, с. 7]. Умеряя боль, мы рефлекторно или сознательно определяем эпицентр боли, её границы, размеры. Это свидетельствует о предрасположенности нашего организма к геометрическому моделированию, а также о глубочайшей древности естественной системы координат, которая позволяет моделировать психические состояния и разметать свой стан даже маленьким детям.

Естественная система координат являлась и является вместилищем всего и вся. В ней находит своё место и психическое, и физическое. Она содержит широкий спектр выразительных средств. В её состав входят первые кисти, дудки, трещотки, свирели, органы. **Сеть у раны** породила представление о **струнах, арфах, нервах, арифметике**. Естественная

система координат нашла детальное отражение в мифологизированном сознании и получил бесконечное количество названий: хаос, космос, ящик Пандоры, бандура, панацея от всех бед, философский камень, магический кристалл, чаша терпения, маска смерти и т. д., в которых отразились диагностическая и лечебная функция этой системы, её связь с нашими страданиями и надеждами, топофилией и топофобией.

Накладывание координатной **сети (сетование)** на человеческий **стан** играет фундаментальную роль при культивировании сочувствия, сострадания, сознания, человечности. Оно лежит в основе медицинской семиотики, у истоков топографической анатомии, без которых невозможна самая древняя и самая мудрая наука, которая по широко известному утверждению выдающегося физиолога *И. Павлова* «*ровесница первого человека*».

Медицина является тотальной наукой, которая изучает и описывает всё, что воздействует или способно воздействовать на человека: все вещества, все поля, все организмы, все технологии, все продукты производства, все достижения и aberrации человеческого разума. Стремясь к аптечной точности и достоверности, она использует самые разные измерительные устройства и приборы. Именно медицина породила широчайший набор знаковых систем. В работах [12-14] впервые показано, что антропоцентризм, антропоморфизм первобытного сознания объясняются тем, что не творцы механических орудий, не охотники, не скотоводы и не земледельцы, а врачи впервые осмыслили и описали человека, его древнейшие орудийные системы (органы), а также окружающую человека действительность.

Изучение процессов введения в культуру различных биологических объектов привело к становлению теории цент-

ров происхождения культурных растений, домашних животных, в разработке которой большую роль сыграли труды советского генетика и селекционера **Н.И. Вавилова** (1887 – 1943). Может показаться, что обобщение этого био-культурологического подхода, его распространение на истоки орудийной деятельности, искусства, языка, словесности не представляется возможным, поскольку невозможно найти центры естественного произрастания первых резцов, зубил, палиц, лопаток, кистей, саней, снарядов, героев, божеств, небес, словес, музыкальных инструментов, театров, храмов, замков, героев и т.д., однако такая возможность существует, если ориентироваться на самую древнюю и мудрую науку, а также на нашу конституцию, на наши инстинкты.

Осмысление и описание естественной орудийной системы, её функционирования, а также геометрическое моделирование, введённые в практику врачевателями, оказало огромное влияние на культуру производства, сделало его осмысленным. В народе говорят: «Семь раз отмерь...», поэтому есть все основания считать измерение самой распространённой технологической операцией, лежащей в основе культуры производства. Предварительные геометрические построения, измерения позволяют различать осознанный (намеренный) и инстинктивный животный труд.

Без умения оценивать объёмы понятий невозможно логическое мышление, поэтому геометрия имеет фундаментальное значение не только для культуры чувств, культуры производства, но и для культуры мыслительного процесса. Мерить, намереваться, думать, показывать (сказывать) человек учится задолго до приобщения к звуковому языку, производству орудий. Детей учат сознательно сетовать, структурировать себя, различать большое и малое, а также оценивать и показывать размеры («вот такой ширины, вот

такой ужины...») задолго до приобщения к счёту, числу, хозяйственной деятельности.

Лечение, гигиена широко представлены в живой природе. Они являются важнейшими формами борьбы за существование. Медицину можно трактовать как введённую в культуру заботу о здоровье. Именно медицина обеспечила и обеспечивает осмысленное отношение человека к окружающей действительности, а также к производству. Чтобы пролить свет на истоки медицины, на осмысленные формы топонимики, топографии, увидеть первые карты, необходимо выяснить причины, которые вызвали к жизни потребность заботиться о здоровье осмысленно. Необходимо также конкретизировать социум, в котором зародилась врачебная деятельность, а также членов социума, которые обеспечили её зарождение и начали осмысленно обозначать и структурировать свой стан, а также побудили сознательно «сетовать» других. Существующие теории антропосоциокультурогенеза не позволяют ответить на эти вопросы.

Не теория, а интуиция побуждает историков медицины связывать её истоки с материнской заботой о чадах, а не с механическими поделками. Она также побуждает видеть у истоков духовного и умственного лидерства не каменотёсов, а врачей-спасителей. Задолго до **И. Павлова** немецкий историк медицины **Г. Гезер** (1811 – 1884) в своей книге «Основы истории медицины» писал: *«Начало медицины, без сомнения, совпадает с появлением человеческого рода»* [23, с. 1]. Связывая истоки медицины с заботой о человеке, советский историк медицины **М.П. Мультиановский** (1895 – 1972) писал: *«Одним из древнейших видов человеческой деятельности надо признать помощь при родах и уход за детьми, особенно новорожденными, лечение детских болезней и их предупреждение»* [36, с. 10]. Ссылаясь на народный эпос

о первых женщинах-врачевательницах, автор книги «История медицины» советский историк медицины **Ф.Р. Бородулин** (1896 – 1956) находил, что *«народное творчество правильно отразило их роль как первых врачей недугов человека»* [5, с.19].

В работах [7-14] автором данной книги вскрыты причины, которые привели к осознанной заботе о здоровье и обусловили её фундаментальную роль в антропосоциокультурогенезе. Эти причины становятся предельно очевидными, если мы сконцентрируем внимание не на обработке камня, не на охоте, а на воспроизводстве человека. Так, например, если *«мы вспомним об умственных и физических потенциях человеческих младенцев, которые так не похожи на мышлёных и ловких младенцев обезьян, то у нас появятся веские основания соотнести уход за подобными младенцами с уходом за больными, а исходные формы воспитания – с лечением, позволяющим преодолеть крайнюю умственную неполноценность. Бессловесность младенца даёт серьёзные основания видеть в медицинской семиотике исходное средство общения младенца с подателями всех благ, с творцами рукотворной Вселенной, с носителями Высших Сил, Высшего Разума, Святого Духа – родительского чувства. Именно эта семиотика отражает фундаментальные проблемы младенца и вводится в культуру изначально»* [14, с. 20-21].

Исследователи склонны игнорировать тот факт, что мать реально является материальным, а также духовным миром, который осваивается, структурируется, измеряется, размечается, описывается, оценивается, осмысливается людьми изначально и порождает широчайший спектр географических представлений и терминов. Именно телесность матери лежит в основе образа Матери Земли (лат. *Теллус*), в основе исходного мифологического (рационального) сознания,

неразрывно связанного с языком математики, математическим моделированием. Машины руки являются первыми машинами, биокомпьютерами, материнскими платами, палатами, в которых мы изначально обитаем, которые мы изначально изучаем. Рукотворный разумный космос, космический разум, исходные **миры, меры, камеры, размеры, примеры, номера, кумиры, химеры**, манифестируемые матерями в ходе обучения своих чад, неразрывно связаны с конституцией матери, а также с истоками математики. Они играют фундаментальную роль в становлении геометрии, «бытийного географизма», а также нашего интеллекта, который является **искусственным**, поскольку не дан нам от природы. Поскольку и человека, и его разум породила рука, отрицание креационизма современной наукой не имеет серьёзных оснований.

Нет также оснований отрицать у самых разных биологических видов экономических классов, коих всего два. Хозяиственные и бесхозяйственные существа присутствуют не только в басне *И. Крылова* «Стрекоза и муравей». Политэкономы, которые выдают профессии (рабочие, крестьяне, духовенство и т. д.) за экономические классы, всячески замалчивают тот факт, что бесхозяйственными могут быть и монархи, и президенты, и министры финансов, а хозяйственные люди попадают даже среди нищих. Фантазёры, пишущие о возможности построения бесклассового общества, также замалчивают этот факт. Миф о существовании в прошлом бесклассового общества создали люди, отрешённые от всяких жизненных реалий. В любом сообществе приматов можно обнаружить представительниц слабого пола, обременённых заботой о потомстве, а также представителей сильного пола, которых абсолютно не заботит судьба их потомков. Между тем именно родительский труд, воспитание

подрастающего поколения неразрывно связаны с развитием, прогрессом, причём не только человека. Ещё основоположник научной педагогики в России **К. Ушинский** (1823 – 1884) в своей книге «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» писал: *«Слово воспитание прилагается не к одному человеку, но также к животным и растениям, а равно к историческим обществам, племенам и народам, т. е. к организмам всякого рода, и воспитывать в обширнейшем смысле слова, значит способствовать развитию какого-нибудь организма посредством свойственной ему пищи, материальной или духовной»* [40, с. 92]. Игнорируя родительский труд, роль первых **мэтров – матерей**, игнорируя исходный социальный лифт – материнские руки, возносящие нас из животного царства в социум, невозможно создать подлинную трудовую теорию антропосоциокультурогенеза.

Пребывая на родительских руках, мы знакомимся с предельно содержательным и динамичным универсумом, с предельно сложной и универсальной орудийной системой, а также с фундаментальными основами предельно актуальной и предельно выразительной знаковой системы – математики, игнорируя которую невозможно постигнуть истоки мифологического (математизированного) мировоззрения, истоки географии.

Слова *орган, органон* означают орудие, инструмент. Ещё **Аристотель** (384 – 322 до н. э.) рассматривал человеческую руку в качестве орудия орудий. Древнеримский философ **Лукреций Кар** в своей поэме «О природе вещей» писал: *«Древним оружием людей были руки, ногти и зубы»*, а известный русский религиозный философ и учёный **П.А. Флоренский** (1882 – 1937) утверждал, что *«техника есть сколок с живого тела»*, что живое тело есть *«первообраз всякой тех-*

ники» [41, с. 149-150]. Игнорируя первообраз, можно сколь угодно заблуждаться относительно природы самых разных вещей и предметов, а также методов их познания, описания.

Полифункциональность руки, динамизм рукотворного космоса побудили наших предков дать детальное описание бесконечно разнообразных миров, существ, практик, которые не поддаются осмыслению в рамках механицизма, технократизма. Многими исследователями отмечается очередной бум ремифологизации сознания цивилизованного человека, нарастающее стремление осмыслить и усвоить древние учения, в которых описаны животные предки человека, динамичные модели Вселенной, путешествия в иные миры, говорящие самодвижущиеся орудия задолго до появления трудов **Ч. Дарвина**, **А. Эйнштейна**, **К. Циолковского**, **Н. Винера**. Интерес к мифу испытывают и географы. Это привело к появлению мифогеографии, концепция которой разработана в трудах (см. [33-34] и др.) российского географа **И.И. Митина**. Сакральной географии посвящены работы [28-30] российского географа, культуролога и философа **О.А. Лавреновой**.

Универсальная парадигма, а также предсказательная потенция древних мифов роднят их с высокоразвитой наукой, появление которой у первобытных народов представляет собой загадку, решить которую не одно столетие пытаются философы, а также специалисты самого разного профиля. Именно загадочность и прозорливость мифа привлекает к нему многих людей, а также порождает множество беспочвенных спекуляций о космических существах, «силах зла», «конце света» и т.д. Поставить предел подобного рода спекуляциям можно, если дискредитировать механистические предрассудки, которые искажают смысл древних учений. Такая дискредитация предполагает углублённое изучение

исходной культурной среды, исходных форм её отображения, исходных форм её использования. Всё это актуализирует проблематику, связанную с истоками географии.

Решающую роль в пропаганде антиисторизма, вещизма, механицизма, примитивизма, глубоко ошибочных взглядов на исконную среду обитания человека, на исходный культурный слой, на первые карты, на человеческие древности и ценности традиционно играет археология. Термин «археология» известен со времён *Платона*, однако до сих пор исходный культурный слой, исходное материальное производство оказываются вне поля зрения археологов. Общим для представителей абсолютно всех археологических школ является то, что они полностью игнорируют предметы, орудия труда, транспорт, жилища, утварь, знаковые системы, порождаемые руками без привлечения посторонних материалов и имеющие рефлекторные, предельно архаичные формы. Пренебрежение этими формами приводит к тому, что сверхъестественное для цивилизованного человека кажется противоестественным. Это исключает осмысление традиционных учений об истоках человеческого бытия, лишает человечество исторической памяти, понимания того, что подлинные человеческие древности, снасти, ценности, как и подлинная человеческая культура, подлинная человеческая среда неотделимы от человека, общества.

Отрицая существование чудесных разумных говорящих самодвижущихся орудий (людей), выдавая содержимое выгребных ям за подлинные человеческие снасти, ценности, древности, псевдоархеология культивирует не только амнезию, но и лишает человека самооценности, что придаёт исторической науке ярко выраженную антигуманную, антибиологическую (антижизненную) направленность. Известный австрийский психоаналитик, психиатр и невролог

3. Фрейд (1856 – 1939) находил, что *«сегодня древняя история в том виде, как её изучают наши дети в школе, представляет собой, в сущности, чреду геноцидов»* [42, с. 17]. Есть все основания утверждать, что наиболее опасным заблуждением цивилизованного человечества является слепая вера в то, что можно безнаказанно принижать человеческую конституцию, биологию, медицину, подменять гуманизм гуманитаризмом – культом придуманных благ. Служители этого культа обрекают человечество на служение идеалам, которые зачастую страшнее любого древнего идола, поскольку требуют непрерывных человеческих жертв.

В архаичных учениях нашла детальное отражение исходная действительность, с которой сталкивается человек на заре своего существования. Традиционно осмысление процессов становления исходного мира, человека, общества, и культуры осуществлялось в рамках религиозных доктрин, в которых фундаментальную роль играют «Мировой» или «Святой Дух» (родительский инстинкт, родительская любовь), обожаемые родители – податели всех благ, которые обеспечивают наше изначальное бытие, социализацию, инкультурацию в ходе пребывания нас в рукотворном разумном мире на отрезке нашей жизни, который древние греки называли «золотым веком». Пребывая на материнских руках, мы с огромным энтузиазмом показываем, как надо любить других, делиться с ними. С окончанием золотого века заканчивается и человеческая история. Отбиваясь от материнских рук, приступая к изготовлению оружия, использованию его, мы растрачиваем многие духовные и душевные качества, что грозит уничтожением всего живого на земле.

Современная наука не смогла убедительно объяснить причину стойкой веры народов в золотой век, в сказочные страны. Она категорически отрицает существование в про-

шлом таких времен, когда человеку всё доставалось даром, «когда деревья были большими», плоды – огромными, когда нас окружали исполины, «титаны мысли и духовности», возводившие титанические сооружения, «воздушные замки», летательные аппараты, с которыми связаны первые времена нашего бытия, первые путешествия, первые открытия.

В основе скептического отношения к древним верованиям лежит наша забывчивость. Отбиваясь от материнских рук – колыбели человечества и человечности, мы забываем о разумном «рукотворном космосе», космических существах, который нас учит считать, мерить, намереваться, думать, познавать добро и зло. Об этих факторах антропосоциокультурогенеза пытаются напомнить нам сказки, мифы, но предрассудки, которые культивирует целый комплекс наук (включая историю географии), не позволяют прислушаться к голосу предков, к «голосу разума».

Со второй половины XIX века получают распространение взгляды на происхождение человека и общества, игнорирующие духовный фактор – материнскую любовь, а также воспитательный, культурологический процесс, приписав не Матери-природе, не разумному рукотворному универсуму (материнским рукам), а стихии социализирующие и культурологические потенции и интенции. Многие особенности социальной и культурной эволюции первобытного человека не нашли отражения в подобных теориях.

Попытка учесть культурогенез была предпринята в весьма популярной до недавних пор орудийно-трудовой теории антропосоциогенеза, впервые изложенной **Ф. Энгельсом** в его статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», которая являлась одной из глав его книги «Диалектика природы». «Труд создал человека» – провозгласил **Энгельс**. В отличие от других креационистов, которые также

считают, что человека создал труд, *Энгельс* полагал, что человек является побочным продуктом (эпифеноменом) труда, связанного с фабрикацией механических орудий. Такова суть этой теории, которую с полным основанием можно назвать механистическим или технократическим вариантом трудовой теории антропосоциокультурогенеза. Идеологи и пропагандисты этой доктрины игнорируют тот факт, что фабрикация каменных рубил, топоров провоцирует кровожадность, людоедство, появление нелюдей. Существует множество фактов, уличающих владельцев подобных орудий в пристрастии к умерщвлению и поеданию себе подобных, что не характерно для других приматов. Великий русский писатель, мыслитель и публицист **Ф.М. Достоевский** (1821 – 1881) в своём романе «Преступление и наказание» очень убедительно показал деморализующую роль и топора, и технократических доктрин, способных превращать людей в нелюдей.

«Обезьяна, вооружённая каменным топором, способна произвести только УЖАС. Её в принципе невозможно социализировать, окультурировать, к ней опасно даже приблизиться. Ввести в культуру подобного рода орудия, да и саму обезьяну, не представляется возможным без предварительного введения в культуру альтруизма, техники безопасности, сознательной заботы о своей и чужой жизни» [15, с. 19]. Игнорируя технику безопасности, воспитательный процесс, сознательное очеловечивание обезьяны, предшествовавшие появлению и использованию искусственных орудий, невозможно постигнуть причины, которые побудили наших предков осмысленно относиться к окружающей действительности.

Технократизм способствовал реанимации мифа о каменном, медном (бронзовом), железном веках человечест-

ва, который был известен ещё древним грекам и китайцам. Истоки этого мифа вполне объяснимы, если учесть, что разграбление древних могильников, а также попытки выдавать механические поделки за подлинные человеческие древности и ценности насчитывают не одну тысячу лет. Без серьёзных оснований этот лишенный намека на научность и духовность миф, рождённый в мрачных раскопах предельно деморализованными субъектами, широко внедрился в науки, призванные изучать культуру человека, его историю, а не культуру камня, бронзы, железа.

«Африканские находки, а также достижения генетики опровергают существовавшие ранее представления о постепенном изменении организма вследствие трудовой деятельности. Новые открытия говорят о том, что прямохождение, увеличение размеров мозга и другие "человеческие" признаки появились за несколько миллионов лет до возникновения трудовой деятельности и о том, что человек появился не в результате постепенного поступательного развития, а в результате некоего скачка...» [2, с. 81]. Подобного рода суждения становятся хрестоматийными, поэтому археологическую мифологию вынуждены критически оценивать даже её горячие сторонники. Так, например, советский антрополог, археолог, специалист в области исторической антропологии **В.П. Алексеев** (1929 – 1991) вынужден был констатировать, что *«однотипные по уровню развития общества могут пользоваться или не пользоваться железом, бронзой, а в отдельных случаях и камнем. Археологическая периодизация лишилась общего признания»* [1, с. 8].

В рамках технократизма сложились глубоко ошибочные взгляды на материальное производство, на базовые формы трудовой деятельности, обеспечивающей воспроизводство видов. В работе «Антропосоциокультурогенез в свете гене-

рализующей теории» нами показано, что «материальное производство существует везде, где есть матери, поэтому нет оснований отрицать наличие животноводства у животных, птицеводства у птиц. В рамках животноводства, птицеводства осуществляются и добыча пропитания, и постройка жилищ, и воспитательный процесс. У истоков этих базовых, консолидирующих, генерализирующих (направляющих) форм трудовой деятельности лежит родительский инстинкт, который по своей природе социален, поскольку обеспечивает формирование естественного социума “мать-дитя”. Именно материнский инстинкт породил воспитание, исходные формы общения, культурологический процесс, поэтому нет оснований противопоставлять социальное и культурное биологическому» [16, с. 24].

Крах археологических мифологем вызвал идейный кризис во множестве наук, которые восприняли эти мифы, а с ними бездуховность, беспамятство, вещизм, культ внебиологических (внежизненных) ценностей, пропаганда которых провоцирует неменяемость, грозящую уничтожить всё живое на земле. Идейный кризис породил шквал критики орудийно-трудовой доктрины. Критически оценивают эту доктрину и философы, и специалисты самого разного профиля, поскольку пришло осознание того факта, что у многих насекомых, птиц, млекопитающих более развиты технические способности, более сложна преобразующая деятельность, чем у первобытного человека. Следует заметить, что производить посредством одних органов (орудий) принципиально иные органы (орудия) способны даже растения. По части выработки различного рода орудийных систем (шипов, ловушек, удавок, ядов, липучек) они зачастую превосходят первобытных людей. Это не привело к появлению у растений разума, культуры, духовности. В последние деся-

тилетия человеку отказали в уникальности его орудийной деятельности такие авторитетные отечественные и зарубежные исследователи, как *W.C. McGrew*, *F.B.M. de Waal*, *Л. Мамфорд*, *Т. Роззак*, *М.Л. Бутовская*, *Л.А. Файнберг* и др.

Ещё в первой половине прошлого века известный французский учёный-энциклопедист, этнограф и социолог *М. Мосс* (1872 – 1950) в работе «Техника тела» попытался преодолеть засилье механицизма в социальной антропологии. Он обосновал в качестве её главного предмета технику человеческого тела. *Мосс* отнёс выращивание и вскармливание ребёнка, отношение двух взаимосвязанных существ (матери и ребёнка) к техникам периода детства, причём отметил, что «*история ношения детей очень важна*» [35, с. 253].

Огромную роль в пробуждении интереса исследователей разного профиля к культурогенезу детства сыграли работы советского психолога *Л.С. Выготского* [19-22], вызвавшие революционный переворот во взглядах на специфически человеческие формы орудийной (инструментальной) деятельности, позволяющий абстрагироваться от механицизма в широком круге дисциплин, стремящихся пролить свет на природу человека, общества, культуры. Своё направление он предпочитал называть «инструментальной психологией», причём под орудиями, инструментами психогенеза, социогенеза, культурогенеза он подразумевал знаки, знаковые системы, а не механический инструментарий. Слова, указания, которые иницируются матерью, становятся средством организации психической деятельности и поведенческих программ ребёнка.

При изучении исходных выразительных средств, связанных с истоками географии, крайне актуально осмысление семиотических систем, которые органически присущи

человеку и понятны даже младенцам без предварительной договорённости, условности. Именно безусловные знаковые системы обеспечивают исходные формы показа, социализации, инкультурации. Не следует удивляться тому, что в последние десятилетия наблюдается всплеск интереса философов и специалистов самого разного профиля (*Е. Холл, У. Уайт, Р. Бирдвистел, К. Джиббинс, М. Кнапп, Р. Розенталь, К. Крейдер, А. Кендон, Д. Моррис, Р. Барт, А.А. Вежбицкая, Р. Баракат, Д. Блэртон-Джоунз, З.М. Волоцкая, Т.М. Николаева, Д.М. Сегал, Г.В. Колшанский, И. Горелов, В. Енгальчев, А.А. Акишина, Г.Е. Крейдлин, М.Л. Бутовская, С.В. Чебанов, М. Богутская, Д. Болинджер, В.П. Визгин, С.А. Лохов, С.С. Хоружий, А. Лоуэн, О.К. Румянцев, В.А. Подорога, Ф. К. Михайлов и др.*) к герменевтике телесности, языку тела, языку жестов, техникам тела, которые общепонятны без предварительной договорённости.

Герменевтика телесности – ключ к пониманию не только истоков топонимики и топографии, но и той действительности, которая сформировала мифологическое сознание, мифологическое мировоззрение. Наблюдая за материнскими руками, ладонями (**долоньями**), можно познакомиться с первыми материками и **долинами**, которые осваивает человек. Анализируя связанный с ними исходный культурный слой, можно увидеть скатерть-самобранку (рис. 2), ковёр-самолёт (рис. 3), которыми человек пользуется изначально. Антропоморфизм первобытного сознания побуждает соотносить с человеческой телесностью не только первозданный гумус (Мать-землю), из которого создан человек, не только чудесные транспортные системы (рис. 3, 4) и утварь, но и чудесных тварей (рис. 5-17), чудесные растения (рис. 18-20), помещения (рис. 21-23), горы (рис. 24), царства (рис. 25, 26), которые также не мыслимы вне нашей телесности. Учёт ан-

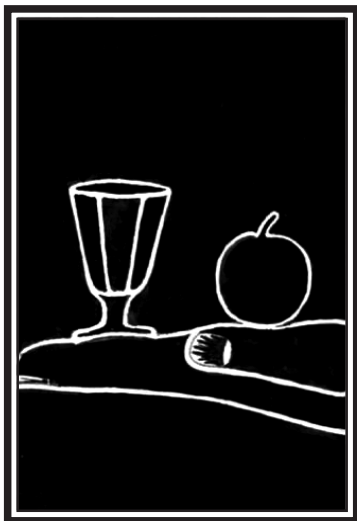

Рис. 2. Скатерть-самобранка.
Реконструкция В.А. Воронцова

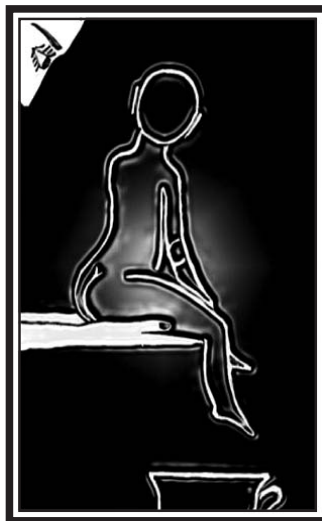

Рис. 3. На ковре-самолёте.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 4. Солнечная колесница.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 5. Мышка на ручке.
Реконструкция В.А. Воронцова

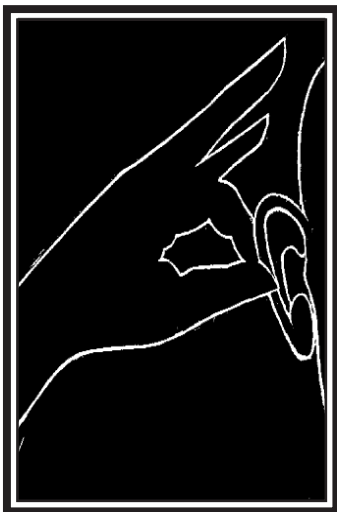

Рис. 6. Коза-дереза.
Реконструкция В.А. Воронцова

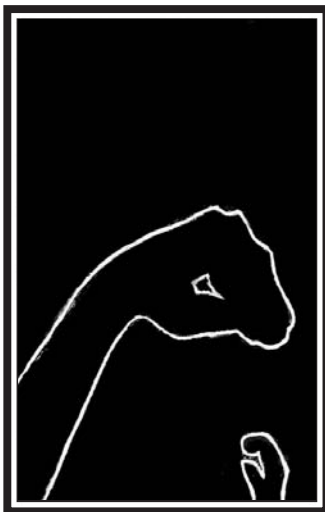

Рис. 7. Сказочный змей
и его жертва. Реконструкция
В.А. Воронцова

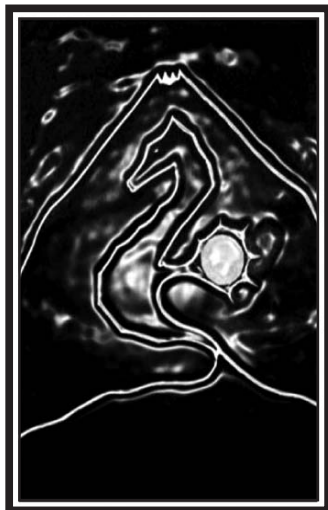

Рис. 8. Дракон похищает солнце.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 9. Жар-птица.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 10. Птица Рух затмевает солнце.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 11. Золотой телец, Минотавр.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 12. Кентавр.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 13. Царевна-лебедь.
Реконструкция В.А. Воронцова

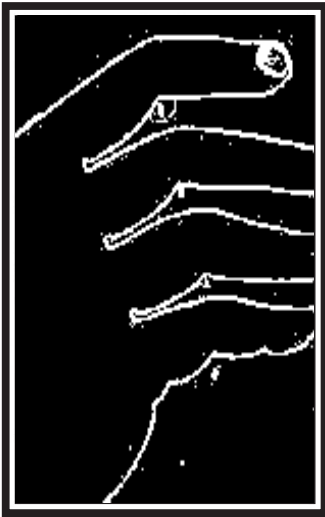

Рис. 14. Крокодиловы слёзы.
Реконструкция В.А. Воронцова

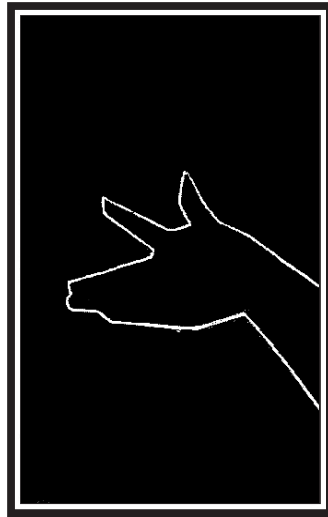

Рис. 15. Единорог.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 16. Паук и его паутина.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 17. Воспроизведение сказочных и мифических существ.
Из раскопок чуских могил в районе города Чанша.
Провинция Хунань. V-III в.в. до н.э.

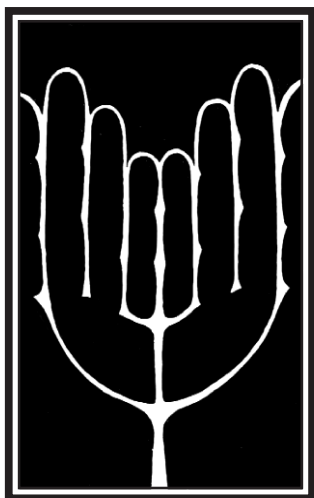

Рис. 18. Цветик-семицветик.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 19. Мировое дерево.
Реконструкция В.А. Воронцова

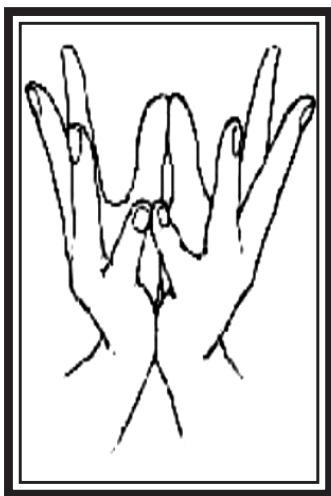

Рис. 20. Лотос-мудра

Рис. 21. Избушка Бабы-яги и её хозяйка. Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 22. Ума палата.
Реконструкция В.А. Воронцова

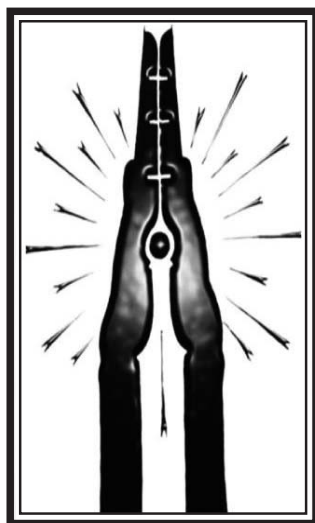

Рис. 23. Храм солнца.
Реконструкция В.А. Воронцова

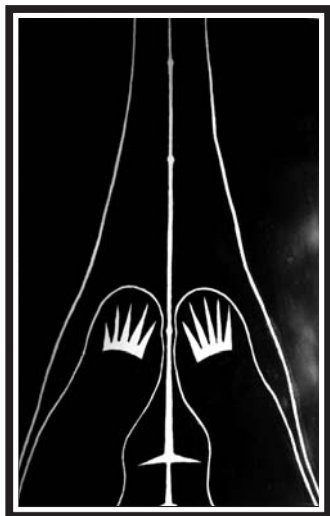

Рис. 24. Мировая гора,
Святогор и меч-кладенец.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 25. Сказочные царства.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 26. Кощеево царство.
Реконструкция В.А. Воронцова

тропоморфизма мифологического сознания делает понятным абсолютное большинство волшебных сказок и мифов.

Комплексное изучение исходного культурного слоя, исходной среды обитания, исходной знаковой системы человека дало возможность автору данной книги выработать генерализованную и генерализующую концепцию трудовой теории антропосоциокультурогенеза, которая позволяет согласовать архаичные учения о природе человека, общества, культуры и современные научные данные [16]. Генерализация – выбор ведущей, генерализующей формы трудовой активности, породившей человека, социум, культуру, – позволила пролить свет на истоки базовых феноменов человеческой культуры, включая широкий спектр знаковых (моделирующих) систем: маску, язык жестов, звуковой язык, сказку, миф, мифологизированный обряд, театр [7-18]. Предложенная концепция трудовой теории антропосоциокультурогенеза даёт возможность осмыслить и истоки географии, привлекая практически неисчерпаемый арсенал фактов.

Книга содержит четыре главы. В первой главе, которая называется «Исходная среда обитания человека и её отражение в мифологизированном сознании» показаны причины, которые сделали руки матери основной средой обитания человеческих младенцев. В этой главе также показано, что вследствие своей актуальности, именно исходная среда нашла детальное отражение в мифологизированном сознании и породила огромный пласт геометрических представлений, терминов, навыков.

Вторая глава книги называется «Исходный язык человечества и его роль в становлении топографии и топонимики». В ней показывается, что человеческая природа говорит на

языке начертательной геометрии, что именно начертательная геометрия сыграла фундаментальную роль в появлении первых карт, в становлении осознанных форм топографии и топонимики.

В третьей главе, которая называется «Процесс введения в культуру естественных форм топонимии и топографии», рассматриваются последовательные стадии приобщения детей к осмысленному использованию естественной координатной сетки для манифестации и структурирования болезненных мест. В этой главе также показано, все стадии процесса приобщения детей к топонимике и топографии нашли детальное отражение в мифе и сказке.

Четвёртая глава называется «Оцифровка микрокосма и его использование при обозначении, описании и обустройстве макрокосма». В ней показано, каким образом рукотворный микрокосм был оцифрован, спроецирован на макрокосм, а также использован при создании жилищ и при организации ландшафтов в далёком прошлом.

*Автор выражает глубокую признательность за помощь, оказанную при написании данной книги, руководству и сотрудникам Института языка, литературы и искусства АН РТ, Института истории АН РТ, Института археологии АН РТ, Казанского (Приволжского) федерального университета: доктору филологических наук, профессору, академику АН РТ **М.З. Закиеву**; доктору филологических наук, профессору **Ф.И. Урманчееву**; доктору исторических наук, профессору, академику АН РТ **Р.С. Хакимову**; доктору исторических наук, профессору, член-корреспонденту АН РТ **Ф.Ш. Хузину**; кандидату исторических наук, доценту **Р.Р. Хайрутдинову**, а также своему главному критику и сотруднику **Ю.А. Любимову**.*

Литература

1. *Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. – М.: Высш. шк., 1990. – 351 с.
2. Антропология: Хрестоматия // Авторы-составители: Л.Б. Рыбалов, Т.Е. Россалимо, И.А. Москвина-Тарханова. – М. Изд-во Моск. Психолого-социального инст-та. – Воронеж, МОДЭК, 2002. – 448 с.
3. *Анучин В.А.* О роли географического фактора в развитии общества. – М.: Мысль, 1982. – 336 с.
4. *Богучарсков В.Т.* История географии: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2006. – 360 с.
5. *Бородулин Ф.Р.* История медицины. Избранные лекции. – М.: МЕДГИЗ, 1961. – 254 с.
6. *Бусыгин Е.П.* История географии. – Казань: Унипресс, 1998. – 213 с.
7. *Воронцов В.А.* О природе вещей и педагогической археологии. – Казань: Intelpress+, 2009. – 235 с.
8. *Воронцов В.А.* Мировоззрение «золотого века» и его истоки // *Философия и общество.* – 2010. – № 3. – С. 130-148.
9. *Воронцов В.А.* Подлинные истоки волшебной сказки. – Казань: Intelpress+, 2011. – 268 с.
10. *Воронцов В.А.* Антропо-социо-культурогенез и техника тела // *Человек.* – 2012. – № 5. – С. 136-141.
11. *Воронцов В.А.* К вопросу о движущих силах антропосоциокультурогенеза // *Вестник экономики, права и социологии.* – 2012. – № 1. – С. 136-140.
12. *Воронцов В.А.* Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропосоциокультурогенеза. – Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. – 415 с.
13. *Воронцов В.А.* Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. – Казань: Центр инновац. технологий, 2015. – 252 с.
14. *Воронцов В.А.* Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе. – Казань: Центр инновац. исследований, 2015. – 264 с.

15. *Воронцов В.А.* Истоки протоархитектуры в свете генерализованной трудовой. – Казань: Центр инновац. технологий, 2016. – 284 с.
16. *Воронцов В.А.* Антропосоциокультурогенез в свете генерализующей теории // *Философская антропология.* – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 23-41.
17. *Воронцов В.А.* Естественные истоки математики и её роль в психогенезе // *Вопросы философии и психологии.* – 2016. – № 3. – С. 142-148.
18. *Воронцов В.А.* Природа первой маски и её роль в антропосоциокультурогенезе // *Философская антропология.* – 2017. – Т. 3. – № 1.
19. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. – М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1960. – 368 с.
20. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т.3. – 368 с.
21. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.
22. *Выготский Л.С.* Мышление и речь: Сборник. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 668 с.
23. *Гезер Г.* Основы истории медицины / пер. с нем. – Казань: Н.А. Ильяшенко, 1890. – 520 с.
24. *Геттнер А.* География, её история, сущность и методы / пер. с англ. – Л. – М.: ГИЗ, 1930. – 416 с.
25. *Гладкий Ю.Н.* Гуманитарная география: научная экспликация.– СПб: Филол. фак-ет СПбГУ, 2010. – 664 с.
26. *Голубчиков Ю.Н.* Гуманитарная география и стратегия выживания человечества. – М.: АНО «Диалог культур», 2014. – 328 с.
27. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 331 с.
28. *Лавренова О.А.* Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география // *Культурная география.* – М.: Институт Наследия, 2001. – С.95–126.
29. *Лавренова О.А.* Сакральная семантика пространства // *Наследие и современность. Информационный сборник.* – Вып. № 9. – М.: Институт Наследия, 2002. – С. 3-19.

30. *Лавренова О.А.* Сакральная география // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 2. – М.: Институт Наследия, 2005. – С. 365-370.
31. *Луcretий Кар Т.* О природе вещей / пер. с лат. – М.: ОГИЗ, 1933. – 210 с.
32. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.
33. *Митин И.И.* Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. – Смоленск: Ойкумена, 2004. – 160 с.
34. *Митин И.И.* Культурная, гуманистическая и гуманитарная география через призму мифогеографии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5 / Отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 87-110.
35. *Мосс М.* Техника тела // Общества, обмен, личность. – М.: Наука, 1996. – С. 211-226.
36. *Мультиановский И.П.* История медицины. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Медицина, 1967. – 272 с.
37. *Преображенский В. С.* Бытийный географизм и географическая наука // Изв. ИГ РАН. Сер. Геогр. – 1993. – № 3. – С. 40 – 53.
38. *Тимирязев К.* Чарлз Дарвин и его учение. – М.: ОГИЗ, 1935. – 199 с.
39. *Томсон Дж. О.* История древней географии / пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1953. – 592 с.
40. *Ушинский К.Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Максимова В.И. Педагогическая антропология. – М.: АСАДЕМА, 2001. – С. 76-196.
41. *Флоренский П.А.* Органопроекция // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 149-162.
42. *Фрейд З.* Мы и смерть. – СПб.: Вост.-Европ. ннст. Психоданализа, 1994. – 25 с.

Глава 1

ИСХОДНАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В МИФОЛОГИЗИРОВАННОМ СОЗНАНИИ

Нельзя изучать географию, не зная её истории. Это особенность данной науки. В других науках полезно знать её историю, в географии же это необходимо. Но история географии не есть просто история науки, а существенная часть всемирной истории.

Ф. Ратцель

1.1. Исходная среда обитания человека в свете генерализованной концепции антропосоциокультурогенеза

Установление и изучение исходной среды обитания человека, которая подверглась изначальному осмыслению, крайне актуально при осмыслении истоков географии. Решаться данная проблема может только в рамках теории антропосоциокультурогенеза, которая должна пролить свет и на истоки сознательного отношения к окружающей действительности, и на эпоху возникновения этого феномена человеческой истории, человеческой культуры. По современным представлениям эволюционные пути наших предков и предков ближайших родственников – современных африканских человекообразных обезьян – предположительно разошлись

в интервале от 8 до 4,5 млн. лет назад. В настоящее время принято выделять следующие основные этапы в эволюции человека: австралопитек – человек умелый – человек прямоходящий – неандертальский человек (палеоантроп) – неантроп (это уже человек современного типа, Homo sapiens sapiens). Уже образ жизни австралопитеков радикально отличается от образа жизни обезьян. Австралопитеки освоили прямохождение, наземный образ жизни. Это позволило им освоить обширные пространства Африки и Азии. Рядом с костями австралопитековых часто находят большое количество раздробленных черепов павианов, рогов и трубчатых костей травоядных. Факты свидетельствуют, что австралопитеки научились не только противостоять крупным хищникам и падальщикам, но и отбивать у них добычу.

Целый ряд специалистов считает, что карликовые шимпанзе (бонобо) могут считаться моделью общего предка австралопитеков (прегоминид), древнейших гоминид, а также шимпанзе и горилл. Вопрос о том, как миниатюрные существа, лишённые острых клыков и быстрых ног, ухитрились выжить в саванне, полной хищников, уже давно волнует исследователей. Наиболее эффективно данная проблема решается путем использования палки-копалки (копья). Именно естественные, а не искусственные орудия были изначально введены в культуру и стали использоваться осмысленно. **Ю.И. Семёнов** в своей книге «Как возникло человечество» с полным основанием пишет: *«По мере перехода к наземному образу жизни акты самозащиты с использованием естественных орудий из случайных становятся правилом и, наконец, необходимостью. За палкой, камнем и другими им подобными предметами постепенно закрепляется функция орудий труда, орудий самозащиты. Предлюди уже не могут без них обходиться»* [58, с. 125].

Пламя лесного пожара, лишая приматов традиционного убежища, традиционных средств существования, оставляет после себя огромное количество заострённых и закалённых на огне палок. Советский приматолог **Э.П. Фридман** пишет: *«Любопытно, что при лесных пожарах, когда случайно поджариваются плоды, орехи или дичь, шимпанзе правильно постигают пользу огня и лакомятся “приготовленной” пищей»* [73, с. 175]. Заостренные и закалённые на огне палки могли оказаться очень эффективными не только при разгребании пепла. Они позволяли преодолеть тот технологический Рубикон, который отличает процесс добывания пищи тасманийцем или австралийцем от добывания пищи обезьяной.

Палка-копалка (копье) является весьма эффективным средством защиты и нападения. Это грозное оружие способно обеспечить безраздельное господство на суше и на море. Оно сделало своего владельца царём природы уже на самом начальном этапе антропосоциокультурогенеза, задолго до появления каменной индустрии. Вот что пишет по данному поводу известный шведский зоолог, а также знаток образа жизни первобытных племен **Я. Линдبلاد** (1932 – 1987) в своей книге «Человек – ты, я и первозданный»: *«Вплоть до недавнего времени практически все народы первобытной культуры пользовались копьем, – и с каким успехом! Рассказывают, что пигмеи в одиночку убивали слона: бесстрашно и расчетливо они в сумерках леса подбежали сбоку к пасущемуся великану и вонзали ему копье прямо в сердце!»* [41, с. 181]. Против копья не выстоит даже кит. О достижении господства над внешними врагами уже древнейшими предками человека свидетельствует уже тот факт, что их становища чаще всего находят не в пещерах, которые могли бы иметь оборонительное значение, а на открытых местах –

в слоях песчаника, вулканического туфа, в глинистых отложениях на берегах рек. Именно в таких местах были сделаны почти все находки в Восточной и Южной Африке австралопитековых.

Поскольку оружие, которое сделало уже австралопитека царём природы, не придумано, а введено в культуру, глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки антропосоциокультурогенеза с процессом придумывания и изготовления орудий, а также видеть в австралопитеках беззащитных существ. Следует заметить, что долгое время и шимпанзе представляли в образе миролюбивых существ, которым глубоко чужда кровожадность, однако, английский этолог *Д. Гудолл* открыла их хищнические наклонности [38]. Жертвами шимпанзе, судя по многолетним наблюдениям в Танзании, были 15 видов животных и 9 видов пресмыкающихся. *Гудолл* уличила шимпанзе в каннибализме, в способности похищать даже человеческих детей [Там же. С. 185]. Исследователь отмечает, что мясо очень нравится шимпанзе, поэтому они жуют его долго с огромным наслаждением.

В процессе наблюдения за поведением обезьян (особенно обезьян Старого Света) в социальном контексте становится ясно, что психика этих животных способна инициировать непрерывные конфликты в стаде. Дело в том, что обезьян очень волнуют их положение в социальной иерархии и возможности повышения своего ранга. Для того чтобы способствовать продвижению «вверх» отдельных особей, формируются сложные альянсы и коалиции. В книге «Политика у шимпанзе» [84] нидерландский приматолог и этолог *Ф. де Валь* показывает, что самыми заядлыми политиками (в прямом смысле этого слова) среди всех животных и людей являются шимпанзе. Шимпанзе-самцы живут в мире непрерывных политических интриг. Они могли бы

потрясти самого *Макиавелли* хитростью, предательством и безжалостным стремлением к достижению и сохранению власти. Вспышки массовой жестокости у цивилизованных людей, возврат к кровожадности и политиканству отражают исконные свойства нашей психики, унаследованные от диких приматов.

Предки человека были не просто агрессивны, вероломны, властолюбивы, но и предельно жестоки даже к представителям своего вида. Проанализировав поведение более чем 50 видов, австрийский этолог *К. Лоренц* (1903 – 1989) в своей книге «Так называемое зло» [42] показал, что у сильно вооружённых видов эволюционный отбор выработал также сильную врождённую мораль – инстинктивный запрет применять все вооружение во внутривидовых стычках, в особенности, если побеждённый демонстрирует покорность. И наоборот, слабо вооружённые виды имеют слабую врождённую мораль, поскольку сильная врождённая мораль таким видам эволюционно ни к чему. Человек – это от природы слабо вооружённый вид. С обретением копья человек стал самым вооружённым видом на Земле, а врождённая мораль осталась на крайне низком уровне. Это и сделало его предельно жестоким существом, предрасположенным к канибализму.

Постоянно вооружённый копьём зверь, не имеющий естественных ограничений на его использование, предельно опасен прежде всего для ближайшего окружения. Появление эффективного оружия у обезьян могло иметь самые катастрофические последствия для них. *Ю.И. Семёнов* в своей книге «Как возникло человечество» с полным основанием пишет: *«Предлюди были хищниками, владевшими искусством убивать довольно крупных животных дубинами из дерева, кости и камня. Несомненно, что эти орудия они*

должны были пускать во время драк между собой. Использование дубин и камней в драках имело следствием серьёзные ранения и нередко вело к смертельному исходу» [58, с. 132]. Вопреки орудийно-трудовой теории антропосоциогенеза, которой **Семёнов** доверился и которую пропагандировал, он вынужден констатировать, что орудийная деятельность способствовала озверению наших предков, вела к расцвету зоологического индивидуализма и представляла реальную угрозу их существованию: «Непрерывные, непрекращающиеся драки в стаде предлюдей подрывали систему доминирования. Последняя не столько существовала в стае предлюдей, сколько ломалась, нарушалась, перестраивалась. Зоологический индивидуализм в стаде предлюдей достиг своего наивысшего развития и подрывал сам себя, ибо в большей и большей степени становился угрозой самому существованию предлюдей» [Там же. С. 133]. Историк медицины **А.М. Сточик** также считает, что обуздание зоологического индивидуализма «имело едва ли не решающее значение для коллектива формирующихся людей» [62, с. 5].

Вопреки заверениям **Ю.И. Семёнова**, зоологический индивидуализм не мог подорвать себя сам. Подорвать его мог только зоологический альтруизм, который был введён в культуру и породил сознательную заботу о своём и чужом здоровье. Эта забота и породила антропосоциокультурогенез, истоки которого коренятся не в способности производить оружие, а **в способности не использовать естественное и искусственное вооружение при дележе пищи, самок, выяснении отношений, во время игр и т. д.** Эту способность, без которой немислимо даже сообщество каннибалов, могли ввести в культуру только существа, которые от природы склонны делиться, сочувствовать, сострадать, воспитывать. Такими существами у приматов являются матери.

Именно матери способны одомашнить, очеловечить кроваж- жадных и могучих самцов-политиканов, которые в младен- честве находятся под их полным контролем.

Рассматривая в качестве главной движущей силы антро- посоциокультурогенеза родительский инстинкт, родитель- скую заботу, следует соблюдать принцип историзма и не преувеличивать роль отцовского чувства, отцовских рук в становлении медицины и других феноменов антропосоци- окультурогенеза. Глубоко права американский антрополог **М. Мид** (1901 – 1978), которая в своей работе «Отцовство у человека – социальное изобретение» писала: *«Мужчинам нужно прививать желание обеспечивать других, и это пове- дение, будучи результатом научения, а не врождённым, остаётся весьма хрупким и может довольно легко исчезнуть при социальных условиях, которые не способствуют его со- хранению. Женщины же, можно сказать, по самой своей при- роде являются матерями, разве что их специально будут учить отрицанию своих детородных качеств»* [47, с. 283]. Отцовство очень позднее женское изобретение, призванное увлечь самцов воспитательным процессом. Об этом сви- детельствует тот факт, что элементы промискуитета долго сохранялись в обычаях практически всех народов в форме религиозных праздников, законов гостеприимства и даже в брачных отношениях.

Исследователи уже давно заметили, что многие особен- ности воспроизводства нашего вида становятся понятны- ми, если вспомнить об особенностях образа жизни наших далёких предков. Жизнь на деревьях – это такой способ су- ществования, при котором сокращение числа одновремен- но рождаемых детёнышей повышает приспособленность к воспроизведению вида. Вот, что пишут по этому поводу авторы книги «Биология человека»: *«Забота о новорожден-*

ных представляет особые трудности для животных, постоянно обитающих на деревьях. Поэтому можно думать, чем меньше численность потомства, тем больше шансов его вырастить. У всех приматов существует явная тенденция производить на свет одновременно не более двух или трех потомков, а у многих рождается только один» [76, с. 51]. Трудности сохранения детёнышей на деревьях приводят к тому, что только заботливые и предусмотрительные матери имеют шансы сохранить потомство, однако бесконечно более сложные проблемы возникли у предков человека, которые лишились традиционного убежища, традиционной пищи. Родительский инстинкт в этих условиях должен был спровоцировать качественный скачок в заботе о потомстве.

К.Д. Ушинский в своём труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» пишет: «Что же касается до отличия инстинктивной материнской любви, общей всему живущему, от материнской любви женщины, то это различие заключается в том, что, тогда как инстинктивная любовь прекращается... материнская, чисто человеческая любовь не знает себе предела» [69, с. 139]. Причины, вызвавшие к жизни «абсолют материнской любви», «абсолют духовности», не следует отождествлять с движущей силой антропосоциокультурогенеза, поскольку они разнонаправлены. Хотя сила действия всегда равна силе противодействия, однако канавы, ямы трудно спутать с двигателем автомобиля. Между тем факторы, которые способствуют исчезновению вида с лица земли, очень часто рассматриваются в качестве движущей силы, обеспечивающей прогресс этого вида, а о родительском инстинкте и его роли в наиболее критический для человека период исследователи традиционно забывают.

Надо сказать, что не только материнская любовь, но и формы её проявления эволюционировали в ходе антропосоциокультурогенеза. Воспитание сливает социогенез, культурогенез и морфогенез в неразрывное целое. В воспроизводстве естественного социума, состоящего из кормящей матери и ребёнка, огромную роль играет не только материнское чувство, но и материнская телесность. В настоящее время в учениях об эволюции всё шире используется термин *коэволюция*, служащий для обозначения механизма взаимообусловленных изменений элементов, составляющих развивающуюся целостную систему. Возникнув в биологии, понятие *коэволюция* постепенно приобретает статус общенаучной категории. В широком смысле термином *коэволюция* обозначается совокупная, взаимно адаптивная изменчивость частей в рамках любых биосистем (от молекулярного и клеточного вплоть до уровня биосферы в целом). Примером таких отношений служат, например, взаимные изменения видов-партнеров в экосистемах «паразит-хозяин», «мать-дитя» и т. д. В ходе общения с ребёнком мать вынуждена адаптироваться к потребностям своего чада, а также адаптировать их к своим потребностям. Это даёт основание выбрать естественный социум (мать-дитя или паразит-хозяин) в качестве исходной экосистемы при рассмотрении антропосоциокультурогенеза. В рамках этой системы формируются и реализуются потенции «абсолюта материнской любви», а также потенции матери выступать в качестве исходной естественной и культурной среды для своего младенца. Учитывая антропоцентризм, антропоморфизм первобытного мировоззрения, изучение телесности матери в качестве исходной среды крайне актуально при осмыслении исходного мировоззрения, исходных геометрических и географических представлений.

Гармонизация отношений в экосистеме «мать-дитя», сформированной материнским инстинктом, в решающей степени обеспечивается не только путём адаптации органов матери к уходу за ребёнком, но и его надлежащим воспитанием, эффективность которого во многом зависит от уровня развития средств общения. Если до недавнего времени биологическая и культурная эволюции считались разделенными во времени (культурная эволюция началась тогда, когда закончилась биологическая эволюция), то в последние десятилетия начало осознаваться взаимодействие между биологической и культурной эволюцией. Генно-культурная коэволюция является сложным взаимодействием, в котором культура генерируется и оформляется биологическими императивами, в то время как одновременно в генетической эволюции в ответ на культурные нововведения изменяются биологические свойства.

Регулярное использование заострённой палки смертельно опасно не только для её владельца, но и для ближайшего окружения. Особую опасность острые палки представляют для младенцев, которые склонны использовать их без всякого разума во время игры, ссор, потому здесь на первый план выступает их воспитание, нацеленное на профилактику травматизма, на культивирование сочувствия, сострадания, сознания, человечности. Материнский инстинкт должен был совершить революцию в формах своей реализации и перейти к осмысленной заботе о здоровье детей, к культивированию человеческих начал в общезжитии, чтобы обезопасить малышей от стихийного использования столь опасного орудия. Именно эта революция вызвала переход от коэволюции к скачку в развитии наших предков и инициировала антропосоциокультурогенез.

Воспитание человека радикально отличается от воспитания животных. Животные побуждают своих детёнышей во время игры, демонстративного поведения пускать в ход зубы, когти, копыта, рога по всякому поводу и без повода. Дети животных оттачивают свои навыки владения оружием на своих близких: родителях, братьях, сестрах. Естественное вооружение используется животными во время ссор, при дележе добычи, самок, определении социального статуса. Совсем не сложно представить, чем закончится подобное воспитание, если животные попытаются освоить палку-копалку (копьё). Пострадает при освоении отнюдь не копьё. Есть все основания полагать, что вовсе не забота о механических орудиях, которые абсолютно безучастны к человеческим проблемам и провоцируют кровопролитие, побудила матерей разработать способы культивирования **людей** или **культурного социума** (общества), **в котором категорически запрещено свободное использование естественного и искусственного вооружения.** Есть все основания полагать, что уже первые антропоиды, которые регулярно использовали палки-копалки (копья), были вынуждены культивировать альтруизм и располагали весьма эффективной знаковой системой. Факты подтверждают мысль о том, что антропосоциокультурогенез носил не эволюционный, а скачкообразный, революционный характер.

Стадо поголовно вооружённых копьями антропоидов, ведущее полуголодное существование, нуждается в воспитательном процессе предельно высокого уровня. Ведущий российский специалист по педагогической антропологии **Б.М. Бим-Бад** пишет: *«В первобытно-родовых культурах ещё в доисторические времена, как свидетельствуют археология и этнография, возникло строгое образование»* [6, с. 198]. «Нигилисты» и «безбожники», воспроизводящие

«нигилистов» и «безбожников» в сытых обществах, не используют и сотой части дисциплинирующих и контролирующих приёмов, которые практиковались и практикуются в архаичных социумах.

Творец современной классификации растений и животных **К. Линней** (1707 – 1778) с полным основанием включил человека в систему животного царства. Все люди были причислены к одному роду с видовым названием ***Homo sapiens*** *nasee te ipsum* (человек разумный, познай себя самого). Судя по названию, **Линней** прекрасно знал о спорах, которые испокон веков ведутся по поводу сущности человека. Затрудняясь выделить родовой признак Человека, он лишь подчеркнул необходимость человечеству решить данную проблему и дать себе название. Без серьёзных оснований усечённая форма этого пожелания стала видовым названием человека – *Homo sapiens*. Следует заметить, что люди традиционно считают не блещущих интеллектом бессловесных существ братьями меньшими. Животные издревле обожествлялись, были главными помощниками человека. Зачастую они являются общими любимцами в семьях цивилизованных людей. Между тем далеко не все двуногие приматы, обладающие научными званиями, развитой речью, способностью производить и использовать высокоэффективное вооружение, терпимы в человеческом обществе. Среди осуждённых Хабаровским и Токийским трибуналами японских военных преступников были видные учёные. Чтобы осуждать преступления против человечности, общество вынуждено рассматривать подобного рода субъектов как **нелюдей**, а представителей своего вида – как ***Homo humanus***. Ужасы прошедшего века, экологический кризис подорвали у многих людей пиетет перед разумом, орудийной деятельностью и побудили искать при-

нципиально иные потенции человека, способные уберечь его от самоуничтожения.

Как показали недавние исследования [87], «общественного договора» и сознания долга вступили уже австралопитеки. Так, например, Ардипитек (*Ardipithecus ramidus*) – один из самых ранних австралопитеков, который жил в раннем плиоцене примерно 5,8 – 4,4 млн. лет назад. имеет много общего с африканскими обезьянами, шимпанзе и гориллами, однако у самцов этого вида клыки не крупнее, чем у самок, а значит, они взаимодействовали друг с другом менее агрессивно, чем, например, современные шимпанзе, то есть имели какие-то иные способы решения социальных проблем. Далее в линии, ведущей к человеку, клыки уменьшаются еще более. Очевидно, что «общественный договор», предотвращавший разного рода конфликты в социуме, был невозможен без совершенных знаковых систем, совершенных форм воспитательного процесса.

В начале 1980-х гг. в кенийском местонахождении Чесованья (Чесованджа, Chesowanja) в слое, надежно датированном возрастом в 1,4 млн. л. н., наряду с огромным количеством (1000 – 1500) орудий, были раскопаны десятки кусков обожженной глины вперемешку с костями охотничьей добычи. Исследование показало, что глина подвергалась термическому воздействию в 400 °С, что соответствует средней температуре обычного костра [77, с. 62]. Ввести в культуру огонь невозможно без эффективных форм знакового общения, высокой дисциплины, поскольку простое поддержание огня без наличия пил, металлических топоров и богатого древостоя является весьма трудоёмким процессом.

Воспитательный процесс позволил нашим предкам не только выжить, но и продемонстрировать высокий уровень духовной культуры. Известный австрийский психолог, пси-

хиатр и невролог **З. Фрейд** (1856 – 1939) в своей работе «Мы и смерть» писал: *«После успешного завершения свирепствующей ныне мировой войны победоносные немецкие солдаты поспешат домой к жёнам и детям, и их не будет удерживать и тревожить мысль о врагах, которых они убили в рукопашном бою или дальнобойным оружием. Но дикарь-победитель, возвращающийся домой с тропы войны, не может вступить в своё селение и увидет жену, пока не искупит совершённых им на войне убийств покаянием, подчас долгим и трудным»* [72, с. 20]. Традиционная культура побуждает замаливать не только пролитие крови человека или животного. Даже поломка сучка или порубка живого дерева в традиционных обществах считается большим грехом и требует добровольного покаяния и искупления.

Цивилизация огрубляет человеческие чувства. Известный российский этнограф **В.И. Иохельсон** (1855 – 1937), которому довелось изучать культуру юкагиров, считавшуюся самой архаичной на территории Российской империи, писал: *«Надо действительно удивляться стыдливости примитивного племени, семейная и общественная жизнь которого ещё протекала в условиях каменного века. От столкновения именно с более культурными народностями, якутами и русскими, стыдливость понизилась у юкагиров. Якут не знает стыда, говорят юкагиры»* [31, с. XIII]. Ни русские, ни якуты не смогли приобщить юкагиров к воровству, разбою, развить у них вкус к разбойным песням, богохульству и т.д. Перед подлинной человеческой культурой даже цивилизация бессильна.

Против плоского эволюционизма в культурогенезе выступал ещё американский лингвист, этнограф, основоположник современной антропологии **Ф. Боас** (1958–1942). В своей книге «Ум первобытного человека» он писал: «Одна

из существенных черт этой теории заключается в том, что вообще цивилизация развивалась путём перехода от простых форм к сложным, и что обширные сферы человеческой культуры развивались под влиянием более или менее рационалистических импульсов. В последние годы мы начинаем признавать, что человеческая культура не всегда развивается путём перехода от простого к сложному, но что по отношению ко многим сторонам перекрещиваются две тенденции, – одна к развитию от сложного к простому, другая – к развитию от простого к сложному.

Всего легче, быть может, прояснить это примером языка, представляющего во многих отношениях одно из важнейших свидетельств истории человеческого развития. Первобытные языки, в общем, сложны. Мелкие различия в точке зрения выражаются посредством грамматических форм; и грамматические категории латинского, а тем более современного английского языка, кажутся невыработанными по сравнению со сложностью психологических или логических форм первобытных языков, – форм, совершенно неизвестных нашей речи» [7, с. 108].

Забота о здоровье, о естественной орудийной системе (органах) в большей мере способствуют развитию человечности, интеллекта, форм общения, чем obtёсывание камня. Игнорируя этот факт, можно сколь угодно заблуждаться по поводу истоков языка, интеллекта. В настоящее время твёрдо установлено, что тип каменных орудий не имеет жесткой связи с эволюционным процессом. Так, например, олдувайские орудия делали и Homo habilis, и Homo ergaster и Homo erectus. Более того, есть основания считать, что «их творцами были австралопитеки» [78, с. 51]. Не связана фабрикация каменных орудий и с началом гоминизации челюстной системы, с переходом к бипедии (прямохождению) и т. д.

Против механицизма, плоского эволюционизма свидетельствуют факты, связанные с характером первых орудий, с помощью которых были изготовлены первые искусственные орудия. Лесные пожары случаются не часто, что побудило наших предков к искусственному воспроизведению заостренных палок-копалок и других изделий посредством своих естественных резцов, зубил, стамесок. **Я. Линдبلاد** в своей книге «Человек – ты, я и первозданный» свидетельствует, что современные индейцы окурио своими зубами *«очищают сучья от коры, обрабатывают заготовки для топорищ»* [41, с. 181].

Миниатюрная, подвижная, с рядами ровных зубов челюстно-лицевая система человека позволяет развивать огромные перекусывающие усилия и легко перегрызает грубые волокнистые материалы. Гипертрофию челюстно-лицевых органов антропологи не без основания рассматривают как дегенеративный признак. Также не без основания они связывают начальный этап в эволюции человека именно с гоминизацией челюстно-лицевых органов.

Уже у рамапитека челюсти отличаются от типично обезьяньей челюсти дриопитека укороченностью зубной дуги, имевшей, как полагают, параболическую, а не П-образную форму. Уменьшенные клыки не выступают из зубных рядов. Отсутствуют диастемы – промежутки в зубном ряду для захождения крупных клыков. Причины для столь радикальной перестройки челюстной системы до сих пор являются загадкой для исследователей, игнорирующих производственные функции наших естественных органов.

Преувеличивать естественный характер нашей наличной собственности нет серьезных оснований. Челюстно-лицевые органы обезьяны способны породить массу проблем при переходе к потреблению грубого подножного корма. Особые

проблемы должны были возникнуть у детей. Перегрызать волокна подножного корма им мешали не только выступающие клыки, но и смена зубов. Подобного рода проблемы не могли не породить заботу матерей о наружности (орудийности) своих чад. Именно матери были вынуждены, **переживая** за детей, **пережёвывать** грубый подножный корм. Всё это способствовало выработке широчайшего комплекса представлений о вкусе, прикусе, наружности (орудийности), красоте. Уже очень давно опытные мамы с помощью нехитрых технологий научились радикально влиять на форму черепа, челюстно-лицевых органов младенцев. Такая практика позволяет устранить неприемлемый оскал (волчье лицо), добиться прикуса, минимизирующего нагрузки на зубы. Именно древние обычаи менять с помощью тугих повязок, вкладышей наружность по своему усмотрению, побудила современных стоматологов развивать соответствующую технику.

В работах автора [11, 12] впервые показано, что забота о детях побудила матерей ввести в культуру наружность, разработать критерии красоты, которые, начав регулировать половую активность, вывели процесс эволюции из-под контроля естественного отбора. В этой связи глубоко ошибочны попытки рассматривать эволюцию челюстно-лицевых органов человека, игнорируя родительский инстинкт, родительскую заботу о наружности детей. Такие древние обычаи, как трансформация челюстей, выбивание, подпиливание резцов, клыков при инициации могут получить разумное объяснение в свете этих фактов.

У исследователей отсутствует единство взглядов на причины, которые вызвали к жизни у наших предков бипедию, редуцицию волосяного покрова, гоминизацию челюстно-лицевых органов. Большинство исследователей именно бипе-

дию связывают с истоками антропогенеза. Осмысление этих истоков породило массу гипотез, а также острую полемику между исследователями. Ориентируясь на одну из гипотез, историк медицины **Т.С. Сорокина** пишет: «*Прямохождение формировалось у австралопитеков в результате приспособления к жизни в открытой местности*» [60, с. 19]. Серьёзность данной гипотезы ставится под сомнение тем обстоятельством, что в открытой местности обитает великое множество четвероногих существ, которые даже не предпринимают попыток освоить бипедию.

При анализе истоков бипедии следует учитывать целый ряд обстоятельств, который до сих пор не попал в поле зрения исследователей. «*Когда у обезьяны рождается детёныш, он рефлекторно сжимает всеми четырьмя конечностями шерсть на теле матери и повисает под её грудью спиной книзу. В таком состоянии детёныш остаётся и тогда, когда спит, и тогда, когда бодрствует*» [22, с. 272]. **Таким образом, исходной средой обитания обезьян является грудь матери и растительность на этой груди.** Это оставляет руки обезьяны свободными при перемещении по деревьям и по земле. В работе «О природе вещей и педагогической археологии» нами показано, что «*перемещение на четырёх конечностях с зажатой в руке острой палкой требует крайней предусмотрительности и очень быстро приводит к трагическим последствиям. Больше всего на начальном этапе освоения заострённой палки-копалки страдали малыши, висевшие под грудными клетками матерей, держась за густую шерсть*» [14, с. 35]. Забота о детях должна была стимулировать прямохождение, которое должно было войти в культуру уже при первых попытках освоить заострённую палку. Переход к прямохождению произошёл за миллионы лет до появления каменной индустрии. По вполне объясни-

мым причинам этот переход носил не эволюционный, а революционный характер.

Беря острую палку в подмышку, можно заколоть младенца, который висит за спиной матери. Естественно, что более короткошерстные мамы имели больше шансов вырастить потомство. Это не могло не привести к редукции волосяного покрова. Таким образом, даже такие тайны антропогенеза, как гоминизация челюстной системы, редукция волосяного покрова, бипедия можно успешно освещать в рамках экосистемы «мать-дитя», сформированной материнским инстинктом. Выходить за пределы этой системы при решении проблем, связанных с истоками географии, также нет оснований. Дело в том, что переход к прямохождению отнюдь не освободил руки матери. **При этом переходе именно руки матери становятся исконной средой обитания младенцев.**

Уход за младенцем осложнялся тем обстоятельством, что младенцы у прямоходящих приматов лишены теплоизоляции и рождаются не ловкими «наездниками» и «акробатами», как у четвероногих приматов, а предельно ослабленными физически и умственно. Всё это превращает вынашивание младенца в весьма трудоёмкий и длительный процесс. Трудовые усилия матери должны быть продуманы, поскольку простой перенос орудий при наличии на руках ребёнка может иметь трагические последствия. Всё это побуждает считать, что именно материнский труд впервые стал разумным и побудил осмыслить проблемы, связанные с пребыванием ребёнка в исконной среде обитания. Учитывать это обстоятельство крайне актуально при изучении истоков сознания, самосознания, истоков «бытового геофизма».

В современной литературе высказываются самые различные взгляды на природу сознания, самосознания, а также о времени их становления. Так, например, известный советс-

ко-российский философ **А.Г. Спиркин** (1918 – 2004) в книге «Сознание и самосознание» пишет: «У родового человека самосознание находилось в зародыше и развернулось в действительное самосознание в период формирования классового общества» [61, с. 168].

Более аргументированы взгляды авторитетного советско-российского психолога **И.С. Кона** (1928 – 2011), который полагал, что «определённая степень самосознания присуща уже животным». В своей книге «В поисках себя: Личность и её самосознание» он пишет: «Высшие животные легко усваивают собственные имена, а шимпанзе, обученные языку глухонемых, могут даже говорить о себе в первом лице, используя знак “я” и в какой-то мере описывать свои эмоциональные состояния. Хотя это – результат обучения, многие учёные считают, что можно говорить о наличии у приматов зачатков или элементов самосознания» [33, с. 29].

Прежде чем говорить о сознании и языке приматов, включая человека, следует вспомнить о характере их познаний. Ситуативное знание как содержание стихийно складывающегося опыта свойственно всем приматам. Ситуативное знание – это исходное стихийно складывающееся знание, основанное на участии примата в различных ситуациях, которые укладываются в памяти в типичные или обобщённые ситуации.

Склонность животных общаться в рамках складывающейся ситуации позволяет им обходиться минимальным количеством знаков. **Б.В. Якушин** в своей книге «Гипотезы о происхождении языка» пишет: «Острая необходимость в развитой знаковой системе могла возникнуть лишь в том случае, когда потребовалось сообщить нечто о ситуации, которой не было в наличии, т. е. в условиях воображаемой ситуации» [82, с. 124]. **Якушин** глубоко прав, полагая, что

освоить орудийную деятельность наши далёкие предки могли молча. Гораздо сложнее приобщить детей к осознанию процессов, ситуаций, которых не должно быть в их жизни. Культивировать сознательную заботу об организме, профилактику травматизма, заболеваний возможно только при использовании знаковых систем, обеспечивающих моделирование широчайшего спектра опасных, губительных ситуаций, а также способов избежать их. Высокий уровень сознания, знакомство с техникой безопасности должны выступать в качестве предпосылок при освоении опасных орудийных систем. Это хорошо известно и врачам, и производственникам.

Забота о человеческих органах привела к появлению не только развитой техники безопасности, но и знаковой системы, способной отразить ценнейший и сложнейший объект, а также обезопасить его. В своей книге **Якушин** также отмечает: *«Вопрос о совершенстве языка малокультурных народов остаётся до сих пор одним из самых таинственных. Здесь едва ли можно говорить о вырождении таких племён, об упрощении форм их поведения и культуры при сохранении богатства языка»* [Там же. С. 35]. Очевидно, что это совершенство невозможно объяснить, ссылаясь на примитивные технологии, посредством которых фабрикуются примитивные орудия.

Предлагаемый нами взгляд на социогенез позволяет более конкретно говорить о сознании и самосознании наших предков. Образ жизни австралопитеков, их способность выжить в условиях саванны, кишащей хищниками, весьма сильный аргумент в пользу того, что они ввели в культуру копьё. Это возможно только при высоком уровне сознания и самосознания, а также при наличии эффективных знаковых (моделирующих) систем. *«Особенно важно для нашей темы,*

что на эндокранах австралопитеков (A.Africanus) намечаются выпуклости в некоторых из тех областей, где у людей находятся основные речевые центры» [59, с. 74]. Интересное возражение против мнения, что будто язык сложился лишь с переходом к верхнему палеолиту, выдвинут приматологом С. Сэвидж-Рэмбо. По её мнению, постулат, что орудийная деятельность предшествует языку, трудно совместим с тем фактом, что дети начинают говорить раньше, чем конструировать простейшие орудия [88, с. 15].

Материнский инстинкт подсказывает, что младенец должен стать человеком до того, как он освоит звуковой язык, сделает первый шаг и возьмёт в руки нож, вилку или палку-копалку, поэтому колыбелью человечества и человечности являются материнские руки, которые способны продемонстрировать и своё устройство, и свои функции. Поскольку именно рука создала и человека, и человечество, есть все основания видеть в ней исходную действительность, исходную культурную среду, лежащую у истоков антропосоциокультурогенеза. Исконная культурная среда породила не только широкий круг мифологем, связанных с истоками человеческого бытия, но и «бытовой географизм» с его антропоцентризмом, антропоморфизмом.

1.2. Отражение исходной среды обитания человека в мифологизированном сознании

В работах [13–20] нами показано, что именно родительская рука, родительская забота легли в основу традиционных учений о начале человеческого бытия, о рукотворном разумном Космосе, о носителях Высших Сил, Высшего Разума, Святого Духа, о процессе познания добра и зла, об истоках болезней и смерти. Игнорируя эти учения, а также про-

изволью толкуя их, можно составить глубоко превратное представление не только об умственном здоровье создателей этих учений, но и об исходной действительности, которая подверглась изначальному осмыслению и моделированию и породила «бытийный географизм».

В архаичных мифах в качестве предков, создателей рукотворной Вселенной, различных культурных ценностей часто фигурируют животные-предки, которые зачастую выкармливают людей, занимаются врачеванием и являются символом мудрости. Родительские **пяти** («**пасти**») способны пролить свет на природу тотемных существ, которые **пестуют** нас, когда мы абсолютно беспомощны, а также знакомят нас с «добром и злом», с профилактикой травматизма, с основами гигиены. Задолго до возникновения институтов отцовства, парной семьи, брака две материнские руки породили такие культурные, мифологические и сказочные архетипы, как **мать-животное, мать-земля, отец-животное, небо, небесный отец, мужчина, женщина, обручение, семья, брак, лево, право, низ, верх и т.д.** Всё это нашло отражение в самых разных семиотических системах, включая звуковые языки. Так, например, автор книги «Удивительный мир слов и значений», написанной на материале 100 языков, **М.М. Маковский** констатирует: «Значение “левый” соотносится со значением “женщина”, а “правый” – со значением “мужчина”; оба указанных значения могут восходить к значению “рука”» [44, с. 18]. Игнорируя первообразы представителей мужского и женского пола, невозможно постигнуть смысл древних верований, архаичных учений. Представители двух **полов** являются первой опорой, первым укрытием: первым **полом, первым куполом, первым небом и землёй**, которые со временем были спроецированы на макромир и т. д.

Способность сказочных и мифических животных создавать исходную культурную среду: первые гнёзда, убежища, гроты, города, а также выступать в качестве исходной орудийной, транспортной и знаковой системы не может вызывать сомнений. Именно с этими животными связаны исходные представления о жестах, божествах, творцах, подателях всех благ. Глубоко архаичны мифологические сюжеты о рождении Вселенной животными, о пребывании людей в чреве животных, о животных предках человека, о животных-творцах, животных-божествах. Видный советский этнограф **Л.Я. Штернберг** (1861 – 1927) в своей книге «Первобытная религия в свете этнографии» писал: *«Теротеизм (поклонение животным, зоолатрия) – некогда универсальная форма религиозного мышления, сохранившаяся до настоящего времени у всех диких и варварских племён и даже у некоторых более или менее культурных народов (браминистическая Индия, Египет). Свидетельствами всеобщего господства культа животных служат религиозные и поэтические памятники всех исторических народов, начиная с гимнов Вед, Авесты, храмов и мумий Египта, историков и поэтов Греции и Рима, эпоса германских, романских и славянских народов и кончая современным фольклором европейских масс. Самый богатый следами теротеизма – эпос славянский, в особенности русский»* [79, с. 191].

Мифические животные могут выступать в качестве тотемных предков, героев, божеств, демиургов, триксеров (обманщиков, ловкачей), ездовых животных богов, героев и т.д. Мифическое животное может выступать типологически в чистом виде, однако зачастую оно является человеческим предком и божеством, культурным героем и триксером. Ворон у ительменов – демиург, культурный герой, создатель рельефа местности и самой земли, изобретатель одежды,

лодки и т. д. Это не мешает им рассматривать Ворона в качестве трикстера. Сказочные и мифические звери могут заведывать, общаться между собой и с людьми, поскольку обладают особым языком, постигнув который герой становился необычайно мудрым и проницательным. Он может установить причину той или иной болезни, вылечить любую болезнь.

По вполне объяснимым причинам чудесные животные могут быть плачами. Так, например, в русских народных сказках в роли плачей выступают лиса [5, № 22], медведь [Там же. № 21], волк [Там же. № 22]. Чудесные животные могут быть и повитухами [Там же. № 1–8], и врачевателями [Там же. № 21–22]. Игнорируя антропоморфную природу этих плачей, повитух, этих врачевателей, осмыслить древние сказания, разобраться в истоках сознательной заботы о здоровье не представляется возможным.

Без всяких оснований древними мифами, сказками о животных, баснями и вообще герменевтикой древней словесности долгое время занимались не представители самой мудрой и древней профессии, а любители мудрости, любители словесности. Эти любители всерьез полагали, что характер мифических, баснословных, сказочных животных соответствует природе обычных зоологических видов и соответствующие произведения отражают жизнь в обычном лесу, а не в исходной среде, которая является и естественной, и рукотворной. Подобные взгляды не канули в вечность. Так, например, видный современный фольклорист и историк **Е.М. Мелетинский** (1918 – 2005) в своей книге «Палеоазиатский мифологический эпос» пишет: «...нам представляется, что миф о Вороне – культурном герое и трикстере в известной мере опирается на простейшие мифологические преобразования зоологических свойств ворона» [46, с. 196–197].

Надо сказать, что и облик, и поведение мифических и сказочных животных не дают оснований соотносить их с зоологическими видами. В этой связи получило широкое распространение мнение, что мифические, сказочные животные – это надуманные, условные фигуры. Так, например, немецкий филолог **А. Широкауэр** (1899 – 1954) полагал, что подобные образы и сюжеты являются чистой фикцией, причём настолько прозрачной, что даже ребёнку ясна метафоричность, иносказательность подобного рода рассказов [89, с. 183]. Считать культурные, сказочные, мифологические универсалии фикциями большинство исследователей в настоящее время не решаетя.

По мнению немецких языковедов и культурологов **Вильгельма** (1785 – 1863) и **Якоба** (1786 – 1859) **Гримм**, сказки о животных возникли из прамифа, а под личиной зверей скрываются божества. Причину обожествления животных, жертвенного отношения к ним **Я. Гримм** видел в животноводстве. Он пишет: *«Животная сага проистекает из непрерывного общения человека с животными и – благодаря этому – знакомства с их потаённой жизнью»* [85, с. 366].

Труды английской этнографической школы, собравшей богатейший материал по архаичной сказке и мифу, подорвали всякое доверие к поэтическим, романтически отвлечённым взглядам на взаимоотношение человека и животных в эпоху появления наиболее архаичных мифов о животных. В трудах английской этнографической школы, посвящённых этим мифам, начал широко использоваться термин «тотемизм». По поводу природы тотемных существ, наделённых всеми атрибутами человека, включая речь, у исследователей до сих пор отсутствует единство взглядов. К настоящему времени предложены десятки учений о природе тотемизма. С обзорами этих учений мож-

но познакомиться, например, в работах [75, с. 108–142; 66, с. 51–60, 564–576].

Мир тотемических предков поражает своим динамизмом, своими чудесными превращениями. В этом мире легко возникают и легко превращаются, во что угодно, животные, люди, предметы, планеты, светила и т. д. После работ французского этнографа, культуролога и социолога **К. Леви-Стросса** (1908 – 2009) получила широкое распространение трактовка мифов и сказок о животных как «кода» для классификации социальных и природных явлений. Разумеется, это не сняло вопросов, связанных со становлением этого кода.

Вопрос о причинах, которые побуждали создателей мифов выбирать животных на роль главных героев, предков до сих пор представляет для исследователей серьёзную проблему. **Леви-Стросс**, например, так попытался объяснить, почему у палеоазиатов таким героем стал Ворон, а у североамериканских индейцев – Койот. По его мнению, мифы являются продуктом первобытных софистов, которые пытались посредством умозрительных построений смягчить антиномии, связанные с человеческим существованием. Ворон смягчает одну из главных антиномий – антиномию жизни и смерти. Он ест падаль – и это компромисс между травоядными и хищниками (метафора жизни и смерти) [39, с. 201–202]. **Леви-Стросс** игнорирует хорошо известный факт: мифические существа охотятся и питаются совсем не так, как их лесные собратья. По этому поводу советско-русский этнограф, фольклорист, литературовед **Е.А. Костюхин** (1938 – 2006) своей книге «Типы и формы животного эпоса» пишет: *«Уже тотемические мифы показали, как резко расходятся манеры и поступки мифологических и реальных животных. В сказках о животных положение не*

меняется: фигуры триксеров предельно условны и несколько реальным фактам не соответствуют. Муравей не только убивает на охоте свинью, но и несёт её домой. Пауку для того, чтобы насытиться, нужны горы мяса (все триксеры архаичного фольклора вообще необычайно прожорливы). Он может съесть любого зверя, может унести человека» [34, с. 63]. В пасти подобных животных побывали все, кто читает эти строки. Способность чудесных животных транспортировать человека не может вызывать сомнений. В работах автора данной книги [13, 15, 17, 20] впервые истоки мифов о животных связаны с родительскими руками – исходными орудийными, транспортными и знаковыми системами. Если учесть, что первый язык был жестовым, то есть все основания соотнести **пяти** рук с первыми говорящими **пастями**. Язык зверей позволяет заверять и предельно наглядно демонстрировать даже то, что не имеет видимой формы: зверскую боль, зверский голод, зверский холод и т. д.

По вполне очевидным причинам чудесные существа могут трансформироваться друг в друга. Так, например, чтобы превратить сказочную собачку (согнутый крючком указательный палец) в козу, зайца или гуся, достаточно сменить позиции пальцев. При пальцовке наши естественные актёры – пальцы (палы, очки, палы-очки) превращаются в волшебные палочки, в бактерии, в богатырей, в сказочных и мифических существ. Чудесные палицы, богатыри могут выскакивать из кисета (кисти), принимать самый различный облик, а также наказывать обидчиков.

Наши пяти-пасти могут **скалиться**, поэтому сказочные богатыри могут превращаться в **соколов, скалы, каменные стены**. Так, например, широко известна русская былина «Камское побоище», которая повествует о том, как после битвы русские богатыри окаменели:

*А как они тогда же все богатыри,
Как подъезжали-то ко стенам да ко каменным,
А какой придёт-от тут да тут же окаменеет*

[10, с. 350].

Стены, порождённые естественной **сетью**, весьма и весьма архаичны. Они древнее стен из обычных деревьев и камней.

Звери и звероподобные существа традиционно выступают в качестве героев, а также в качестве наставников и помощников героев. Волки, кони и другие «инструкторы» общаются с героями на общепонятном языке. Так, например, в греческой мифологии кентавр Хирон выделяется мудростью и благожелательностью. Он является воспитателем героев (Тесея, Ясона, Диоскуров). В качестве лекаря он обучал врачеванию Асклепия. «*Имя Х. указывает на его искусные руки (греч. cheir «рука»)*» [48, II, с. 593]. Реконструкция кентавра, который также питал страсть к наставлениям, приведена на рис. 12.

Руками обладают и мифические, и сказочные животные. Так, например, Змей вызывает Покатигорошка на борьбу, но последний говорит: «*Дай руку, я подержу, – попробуем так: кто сильнее!*» [5, № 134].

По вполне объяснимым причинам герои могут транспортироваться в пасти сказочных животных. «*Джигит, недолго думая, в пасть забрался – и помчался Лев в далёкое ущелье*» [64, №. 47]. Предельно архаичное транспортное средство (родительские руки) даёт основание соотнести **пасть льва** с **пястью левой** руки. Транспортировка в чреве животных широко распространена в мифах и сказках.

Вспомнив про материнские руки, совсем не сложно понять природу Гаруды или сказочной птицы Рух, способной затмевать солнце, носить на себе героев, воспитывать их в

своём гнезде (рис. 10). Руки проливают свет и на других чудесных птиц: Ноготь-птицу, Ворона Вороновича, Жар-птицу и т. д. Птахи, пташки (пятаки, пятачки) изначально ассоциировались с нашими пальцами. Функции сказочных птиц и животных не поддаются перечислению.

При переносе на руках младенца сказочные птахи (пятаки) захватывают его шею, ляжки, икры. Не следует удивляться тому, что герои сказок при транспортировке зачастую вынуждены жертвовать транспортному средству свои органы. Так, обстоит дело и с Моголь-птицей, которой малолетний герой пожертвовал мясо со своих ног, но всё кончилось для него благополучно, поскольку Моголь-птица *«выхаркала икры»* [5, № 157]. Аналогично поступает и сказочный орёл, который транспортирует Ивашку. *«Вот орёл выхватил у Ивашки из холки кусок мяса, съел и вытащил его в ту же дыру на Русь. Когда сошёл Ивашко с орла, орёл выхватил кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла»* [Там же. № 128]. Люди с руками-крыльями широко представлены в изобразительном искусстве разных народов (рис. 27). Нет никаких оснований связывать истоки мотивов о сказочных и мифических птицах с наблюдениями за обычными птахами. **Пятеро дактилей** (пальцев) являются подлинными **птеродактилями**. Они начинают порхать, когда мы поперхнёмся. Язык пантомимы, язык сказочных птиц очень красноречив, а его слова – «крылаты».

Функции рук предельно многообразны, предельно многообразны и функции чудесных животных. Образ животных издревле был свойственен и различным божествам. В виде орла выступают Зевс и Дионис. В виде различного рода животных фигурируют и египетские боги. В ряду существ, образующих мифологический и сказочный bestiary, змей выделяется множеством своих ипостасей. Это дало осно-

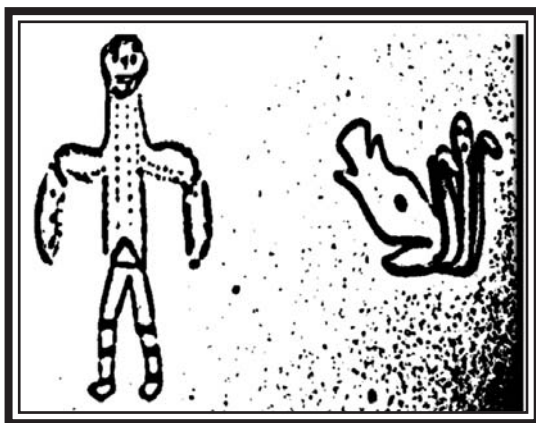

Рис. 27. Человек-птица.
Детали сибирского шаманского костюма

вание известному советскому фольклористу **В.Я. Проппу** (1895 – 1970) говорить о крайней загадочности этого образа. Он писал: «Змей очень сложное и многообразное явление. Всякие попытки дать ему единое объяснение заранее обречены на неудачу...» [52, с. 258]. На наш взгляд, именно многофункциональность мифического змея позволяет с высочайшей степенью достоверности произвести идентификацию его архетипа. Наши универсальные орудия, наши органы (уды) являются первыми удавами, ужами, образ жизни которых нам хорошо известен с самого раннего детства, поскольку без ужей, питонов мы не садимся ужинать, питаться. В татарской сказке змея поселяется на плечах человека и свисает с его плеч. Это вначале пугает героя, но мудрая старуха, которая знает язык змей, успокаивает его. «Ты ни сколько не бойся змеи. Что будешь кушать сам, тем же её корми. Может быть, это будет даже на пользу тебе» [64, № 35].

Мифические змеи являются хтоническими существами, порождёнными Геей – богиней земли. **Серия** из 5 (греч.

пέντε ` пять `) пальцев руки позволяет реконструировать изначальный **серпентарий** с математической строгостью. Эти многоголовые существа участвуют в формировании первозданного рельефа и владеют первозданными горами, впадинами, гротами, реками, озёрами, морями. *«Едут год они, едут два, приехали три царства, синеются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные: то земля змея лютого»* [5, № 560]. По вполне объяснимым причинам сказочные змеи являются летучими. *«Вдруг видят: в версте от них летит змей»* [Там же. № 131].

Наши пальцы (палы) позволяют понять, почему сказочный змей имеет пламенную природу, почему змей уносит царевну «на своих огненных крыльях» [Там же. № 131]. Пальцы позволяют также понять, почему змей мог пулять пламенем. *«Тут змей выпустил из себя пламя огненное, хочет сжечь царевича»* [Там же. № 562].

Гея породила естественные водоёмы, в которых водятся многоголовые гидры, чьи головы мы регулярно стрижем. В этих водоёмах и умываются, и тонут в слезах. Есть все основания полагать, что именно с руками (Геей и Геей) связаны исходные представления не только о гегемонии, но и о гигиене, о богине здоровья Гигеи. Вложив одну ладонь в другую, можно увидеть Чашу терпения, которая является не только гигиеническим, но терапевтическим средством, поскольку позволяет умерить боль, прийти в сознание. Именно эта Чаша, а также обитающий в ней Змей, стали символом медицины, неразрывно связанным с образом Гигеи, которая является естественным атрибутом греческого бога врачевания Асклепия. Есть основание полагать, что пожелание здоровья у славян («Гей славяне») также связано с Геей.

Нет ничего удивительного в том, что змеи часто выступают в роли хранителей водоёмов. Изначальная связь рук с ес-

тественными водоёмами очень явственно отражена в тюркских языках. Так, например, в татарском языке кул `рука`, кул `озеро` [65].

В мифологическом сознании широко представлена антропоморфная растительность. Множество чудес связано с мифическими и сказочными деревьями и, прежде всего, с загадочным мировым деревом. Этот образ имеет множество вариантов: «дерево жизни», «дерево плодородия», «дерево центра», «дерево восхождения», «небесное дерево», «шаманское дерево», «мистическое дерево», «дерево познания», «дерево смерти», «дерево зла», «дерево подземного царства» и т. д. В науке единый взгляд на природу этих загадочных деревьев до сих пор не выработан. Так, например, **А.Н. Афанасьев** в «Древе жизни», пытаясь пролить свет на природу мирового дерева, писал: *«Дождевые тучи, потемняющие небесный свод широко раскинутою и многоветвистою сенью, в глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собой весь мир, – ветви которого обращены вниз – к земле, а корни простираются до самого высокого неба. О таком всемирном древе сохранились самые живые предания во всех языческих религиях арийских народов»* [3, с. 214]. Несмотря на резкую и аргументированную критику подобного рода взглядов, попытки искать мировое дерево вне человека не прекратились. Главную роль в формировании представлений о мифических деревьях исследователи склонны отводить ботаническим видам, хотя эти виды напоминают мировое дерево не больше, чем грозовые тучи. Так, например, **В.Н. Топоров** в статье «Растения» пишет: *«Исключительная роль растений – диких и особенно культурных – в жизни человека способствовала мифологизации всего контекста, в котором выступают растения...»* [68, с. 368]. Исключительная роль любых растений способствует

их пристальному изучению, что затрудняет фантастические измышления по их поводу, приписывание им свойств, которыми они не располагают.

В «Слове о полку Игореве» есть следующие строки: *«Боян вещей, аще кому хотящее песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы»*, *«О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сиа плъки ущекоталъ, скача, славлю, по мыслену древу...»*. Образ «мысленного древа» настолько загадочен, что филологи и этнографы уже сотни лет бьются над разгадкой этого феномена мифологического сознания.

По вопросу о том, какое именно древо упомянуто в этих фрагментах «Слова...» высказывались самые разные точки зрения. Так, например, многие исследователи (**А.Ф. Малиновский**, **Д.Н. Дубенский**, **Я. Малышев** и др.) подразумевали под этим деревом ботанический вид, хотя такой вид не может быть мысленным. Подобная трактовка отнюдь не объясняла и смысла движения мысли по древу.

Во многих мифах и сказках преданиях подчёркнут изоморфизм дерева и человека. В них часто деревья выступают как живые существа: они чувствуют, говорят друг с другом и с людьми, обладающими соответствующими способностями. В народных представлениях их нельзя бить, рубить, пилить, осквернять.

Мифические деревья часто выступают в качестве тотемных предков. Широко распространены мифы, сказки, в которых люди происходят от деревьев. Так, например, **В.Н. Топоров** в статье «Растения» пишет, что *«германское племя семнонов выводило своё происхождение от деревьев одной рощи, которую они почитали священной; у европейских народов были широко распространены поверья, что люди берут младенцев из-под деревьев (ср. нем. Kleinkinderbaum,*

букв. «дерево маленьких детей») или что души предков живут в дереве, ветвях, листьях, цветах и т.п. (ср. распространённый мотив божественного голоса или человеческих голосов, слышимых в шелесте листьев, и использование его в предсказаниях, сфере мантики и магии)» [Там же. С. 369].

Деревья часто фигурируют в качестве божеств. Так, например, **А.Н. Афанасьев** в «Древе жизни» упоминает об апокрифической беседе Панагиота с фрязином Азимитом (по рукописи XVI в.) в которой мировое дерево описано так: «А посреди рая дерево животное, еже есть божество, и приближается верх того дерева до небес. Дерево то златовидно в огненной красоте; оно покрывает ветвями весь рай, имеет же листья от всех деревьев и плоды тоже...» [3, с. 214].

Существуют мифы, сказки, в которых описаны божества, чудесные существа, люди, обитающие или подвешенные на древе. На деревьях обитают русалки, дриады, скандинавский бог Один оказался повешенным на дереве Иггдрасиль, а Иисус Христос – на крестовом дереве (рис. 28). В русской народной сказке, известной также другим славянам, рассказывается про дуб, который вырос до самого неба; полез старик на тот дуб, да и взобрался на небо, где сидел кочеток-золотой гребешок – птица, которая ни в огне не горит, ни в воде не тонет.

Вертикальная и горизонтальная структура «мирового дерева» содержит в себе набор «мифопоэтических» и географических

Рис. 28. У каждого свой крест. Реконструкция В.А. Воронцова

констант, которые позволяют описывать мир. Членение по вертикали предполагает преимущественно триаду (богов, месяцев в сезоне, героев сказки и т.д.). Членение по горизонтали – тетраду (богов, сезонов, сторон света, космические века и т. п.) [48, I, с. 404].

Широко распространены инвертированные образы «мирового дерева». В русском заговоре говорится: *«На море на Океяне, на острове на Кургане стоит белая берёза, вниз ветвями, вверх кореньями»*. Подобного рода перевёрнутые деревья не только изображаются в соответствующих традициях на ритуальных предметах, но *«нередко в ритуалах используются и натуральные перевёрнутые деревья [напр., у эвенков по сторонам от шаманского чума, символизирующего средний мир, землю, ставились два ряда деревьев – ветвями вверх (дерево нижнего мира), ветвями вниз (дерево верхнего мира)]»* [Там же. С. 401].

Широко известны мифологемы о происхождении божеств от растений, а также превращение последних в растение или божество. Так, например, мифы повествуют о «прорастании» Осириса; садах Адониса и происхождении Адониса из мирового дерева; возрождение Аттиса в виде цветов и деревьев.

Под мировым деревом в центре вселенной традиционно рождались боги, герои, цари. Древнегреческий миф повествует о том, как младенец Зевс был вскормлен козой Амалтеей у подножия священного дерева. Под деревом родился и Аполлон. Майя, мать Будды, гуляя в священной роще, почувствовала приближение схваток и родила «избавителя всех живых существ», схватившись за ветвь одного из деревьев.

В космогонических мифах мировое дерево зачастую выступает как первый объект, который был создан богами.

Вполне возможно, что слово *древность* этимологически связано со словом *древо*.

Подтверждением нашего взгляда на природу антропоморфных растений является наблюдение **Ф.И. Буслаева**. В своей работе «Эпическая поэзия» он пишет: «Из прочих частей тела человеческого особенное внимание обращали на себя руки, как необходимое орудие в деле. Как волосы были сравниваемы с травой, так руки и пальцы казались сучком с ветвями. По представлениям языка, как дерева, так и люди имеют общего между собой то, что рождаются и растут; поэтому от корня род – происходят и рождение, и род (на-род); так в древневерхненемецком наречии *liut* народ и *lota* отросток, ветвь одного корня, происходят от готского корня *lud* расти, откуда готское *lauths* человек, наше люд, родит. падеж *laudis*. По свидетельству старинных словарей, наше люд значит также рождение, нарождение. Памба Берында говорит: “Люд, або луд, нарожение или рожай”, и в другом месте “Народ от луда назван”. Языки индоевропейские особенное сходство с растением находили в руке: так в санскрите названия руки, пальцев, ногтей образовались уподоблением с растением: палец *кара сак'а* (*кара* рука, собственно: делающая, от *кри* делать, а *сак'а* сук, сучёк), поэтому и рука называется сложным словом, значащим по переводу: имеющая пять ветвей или сучков: *панча-сак'а* (*панчан* пять, и *сак'а* сук); ноготь же вырастает на пальце, как лист на ветви, а потому называется *кара-руи* (*кара* рука, и *руи* расти), собственно растущий на руке. Имея в виду такую связь понятий, можем предположить, что слово *рамень*– лес, поросль, доселе употребляющееся в Вятской губернии и весьма обыкновенной в языке старинном, происходит от *рамо, рамена*» [9, с. 30].

В тюркских языках *суқ* «указательный (палец)» [81, с. 333], *суксук* `какое-то дерево (саксаул)` [Там же. С. 348].

В татарском языке уч `ладонь`, `горсть`; учарлы `ветвистый` [65, 1966].

Исконную связь руки с растением можно проследить во многих языках. Так, например, в кит. *Shǒu* `рука`; *shǒuzhǎng* `ладонь`, *shǒuzháng* `палка`; *shù, shù mù* `дерево`; *shù mù* `число`, `количество` [35].

Пальцы, ладони (греч. *παλαμή*, лат. *Palma* `ладонь`, `рука`) являются первыми пальмами, лотосами, с которыми мы знакомимся, в которых мы изначально обитаем (рис. 20), поэтому в руках следует искать первозданных божеств, исходную меру, центр мироздания, а отнюдь не в ботанических видах, как это делал, например, американский мифолог **Д. Кэмпбелл** (1904 – 1987) в своей книге «Мифический образ» [37, с. 277-305].

Дарованные нам от природы деревья, которыми мы здороваемся, являются не просто символами здоровья, жизненной силы. От них актуально во многом зависит благополучие человека. Подняв руки вверх, легко убедиться, что рост человека определяется высотой наших деревьев.

Мифы народов мира позволяют проследить изначальную связь самых разных растений с человеческой конституцией. Так, например, советско-российский востоковед-этнограф **Е.В. Ревуненкова** в своей книге «Миф – обряд – религия. Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии», анализируя мифы о происхождении риса, пишет: *«Наиболее широкоизвестный сюжет – возникновение риса из убитых или разрубленных частей тела человека (ребёнка), чаще всего женщины или девочки. Он имеет распространение по всей Индонезии, кроме нескольких островов – Ниас, Бали, Роти и Кай. У дусунов существует миф, согласно которому женское божество убило свою дочь в то время, когда люди кричали, что им нечего есть. Уби-*

тая дочь была разрублена, и отдельные её части посажены в землю. Из крови вырос рис, из головы – кокосовая пальма, из пальцев бетелевый орех, из ушей – листья сириха, из ног – маис, из горла – сахарный тростник, из колен – кланди (таро)» [54, с. 104-105]. Происхождение из частей тела приписывается не только рису, но и другим культурным растениям.

Следует сразу сказать, что образы различных растений и птиц сложились у этого племени отнюдь не на почве земледелия. Все эти образы присутствуют в обрядах исцеления. У нгаджу-даяков есть специальные рассказчики, знающие соответствующие мифы и совершающие заместительные жертвы, которые надо рассказывать при лечении болезней, вызванных различными духами. Очевидно, что целительство более ранний вид целесообразной деятельности, чем земледелие, поэтому проследить связь между телесностью и растениями лучше с помощью медицинской семиотики, медицинской топографии.

Наши руки, ладони, пальцы являются естественными мерами. Это позволяет реконструировать мировое (меровое) древо (рис. 19). Оно действительно растёт вверх корнями. Поднимая руку, мы переворачиваем древо. Нет ничего удивительного в том, что слова *корень* и *крона* одного корня. Касаясь большим пальцем подушечек четырёх смежных пальцев, легко убедиться, что меровое (мерное) дерево делится по вертикали на три части (фаланги), а по горизонтали – на четыре части (четыре смежных пальца). Для выявления родников, которые бьют у корней мирового древа, следует вспомнить, что рудой издревле называли кровь. До сих пор матери называют родничком пульсирующую артерию на голове ребёнка. Присутствуют такие артерии и у кисти руки, где традиционно щупается пульс.

Ещё проще на ладони обнаружить мифическую козу Амалтею, которая с помощью своего рога вскормила не только Зевса, но и всё человечество. С математической строгостью реконструируются и чудесные птахи (пятаки), которые обитают в кроне мирового дерева.

Следует заметить, что во многих языках слова *считать* и *думать* являются синонимами, поэтому, глубоко правы исследователи, отождествившие мировое дерево с мысленным древом. Наши суставы позволяют произвести реконструкцию не только мифических и сказочных существ, населяющих мировое дерево, но и легендарного сказителя Бояна, который мог принимать облик разных существ. Чтобы обнаружить сказителя (указчика), который может трансформироваться в белку, волка, козу рогатую, сокола, шакала или любого другого зверя, достаточно обратить внимание на наши естественные шкалы. В тат. языке *буын* 'сустав' [65, с. 87]. Очевидно, этим сказителем является большой палец, который способен манифестировать числа, оценки посредством вещей струн – четырёх смежных пальцев.

Мысленное дерево является первым компьютером, который осваивает человек. Этот компьютер функционирует посредством электронных импульсов. Касаясь большим пальцем четырёх смежных пальцев, мы можем обнаружить первые титры, первый тетрис, первый театр, и т.д.

Надо сказать, что **Ф.И. Буслаев** глубоко заблуждался, полагая, что первобытный человек считал руки похожими на деревья. Первобытный человек деревья рассматривал как живые руки. Игнорируя этот факт, невозможно понять главную причину очеловечивания деревьев, приписывания им чудесных свойств, а также боязнь их поранить.

С руками человек знакомится ещё в колыбели. Материнские руки кормят, поят, носят его на себе, приучают к веж-

ливости. Они учат нас делиться, жертвовать. Материнская рука может и наказать, когда не в духе. Все эти представления со временем были перенесены на окружающую растительность, которая одушевлялась, что может быть подтверждено неограниченным количеством фактов. Так, например, **Дж. Фрезер** в своей книге «Золотая ветвь» пишет: «*Туземцы племени ваника (Восточная Африка) воображают, что каждое дерево, в особенности кокосовая пальма, имеют свою душу, поэтому “срубить кокосовую пальму приравнивается к материубийству, потому что дерево это даёт им жизнь и пропитание, как мать своему ребёнку”*». Сиамские монахи, будучи уверены, что души есть повсюду и что разрушить что-то – значит насильственно выселить духа, никогда не сорвут ветку с дерева, “как не сломают они руку невинному человеку”» [74, с. 112-113].

Он также отмечает: «*Басога в Центральной Африке полагают, что дух срубленного дерева может поразить смертью вождя и его семью. Для того чтобы предотвратить это несчастье, прежде чем повалить дерево, они обращаются за советом к знахарю. Если этот специалист даёт разрешение приступать к рубке, лесоруб, во-первых, жертвует дереву домашнюю птицу или козу; во-вторых, после нанесения первого удара топором он высасывает из надреза немного сока: таким образом он братается с деревом, подобно тому, как двое людей становятся братьями, высосав друг у друга немного крови*» [Там же. С. 114].

Фрезер отмечает, что подобного рода верования характерны не только для первобытных людей. «*Деревья, которые истекают кровью и испускают крики боли и негодования, когда их рубят или поджигают, очень часто фигурируют в китайских книгах (даже в исторических сочинениях). В некоторых частях Австрии старые крестьяне продолжают*

верить, что лесные деревья одарены духом и без особой на то причины не позволяют надрезать их кору; они слышали от своих отцов, что дерево чувствует надрез не меньше, чем человек рану» [Там же. С. 113].

Первобытный человек наделял дерево не только способностью чувствовать, но и способностью мстить, наказывать, что вполне естественно, если изначально деревом считали руки. **Дж. Фрэзер** в «Золотой ветви» пишет: *«Литовцы были обращены в христианство лишь к концу XVI века. К этому времени культ деревьев продолжал играть у них важную роль. Некоторые из них почитали огромные дубы и другие большие развесистые деревья, от которых получали оракульские указания. Другие литовцы ухаживали за священными рощами рядом со своими деревнями и домами; считалось грехом сорвать с них даже ветку. Они думали, что человек, сломавший ветвь в такой роще, либо умрёт, либо будет изуродован» [Там же. С. 111].*

Существовали поверья, что наказание за пренебрежительное отношение к деревьям грозит целому народу. **Фрэзер** по этому поводу пишет следующее: *«Когда Миссури во время весеннего паводка разливаются и, выходя из берегов, несёт в своём течении стволы высоких деревьев, индейцы рассказывают, что духи деревьев испускают крики, когда ствол, цепляющийся корнями за землю, поднимая брызги, падает в поток. Когда-то срубить хотя бы одно из этих гигантских деревьев считалось у индейцев преступлением.... Если же они испытывали нужду в больших брёвнах, то пользовались только такими деревьями, которые упали сами. До последнего времени некоторые старики из числа наиболее суеверных заявляли, что несчастья обрушились на их народ по причине распространившегося ныне пренебрежительного отношения к правам пирамидального тополя» [Там же.*

С. 112]. Травма родительских рук, рук кормильцев до сих пор может негативно сказаться на экономическом положении семьи.

Рукам свойственно принимать дары. Мудрые воспитатели приучают детей делиться со старшими. Способность принимать дары издревле приписывалась и деревьям. **Фрезер** отмечает, что *«негры с Золотого Берега имеют обычай приносить в жертвы у подножия высоких деревьев и полагают, что, если свалить одно из них, земля вообще не будет больше плодоносить»* [Там же. С. 119].

Почитание деревьев было широко распространено в Коре до начала XX века. Путешественники отмечали, что на дорогах там всюду попадались священные деревья и жертвенники. По данным на 1919 г., во всех провинциях страны насчитывалось более тысячи таких деревьев, из них 460 были собственностью отдельных деревенских общин и играли важную роль в общинных обрядах и праздниках. Например, при поминовении умерших после справления соответствующих ритуалов под священным деревом зарывали часть каждого кушанья. Имеются свидетельства, что в южных районах страны в XX веке некоторые священные деревья считались алтарями духа женщины-прародительницы. Здесь явно просматривается традиция делиться со старшими, которая культивируется с раннего детства не без помощи такого выразительного средства, каковыми являются наши естественные деревья – руки. Именно посредством рук (естественных алтарей) старшие принимают подарки от детей.

Рука играет огромную роль в диагностике, поэтому и похожей на неё растительности издревле приписывалась способность предсказывать судьбу. Листья дуба имеют отдалённое сходство с ладонью, поэтому именно дуб у европейских народов чаще всего служил в качестве оракула. **Дж. Фрезер**

пишет: «Святилище в Додоне, где поклонялись Зевсу в виде дуба дуба-оракула, было, возможно самым древним и наверняка самым знаменитым в Греции» [Там же. С. 156-157].

Ч.Г. Ундервуд в книге «Визит в Корею, политика, общество, религия» пишет, что, когда ребёнок тяжело заболел, мать, оторвав от его одежды лоскуты и купив на скудные средства вкусных продуктов, несла их к дереву. Там, привязав к дереву эти лоскуты и, написав на бумаге просьбу, она размещала жертвоприношения у основания каменной кучи. Затем, стоя на коленях, упрашивала демонов болезни, причинявших страдания её ребёнку, остаться в лоскутах, а жизнь ребёнка пощадить [91, с. 87-88]. Подобного рода обычаи свидетельствуют также о связи культа деревьев с медицинской практикой, с манифестацией болезнью первыми деревьями, первыми матрицами.

Обволакивая всё и вся, руки могли породить представления об облаках, облике и т.д. Наши облака вполне способны прикрыть солнце, небо. В этих облаках покоятся кроны или корни мировых деревьев. Есть все основания считать, что в образах мифических растений, как и в образах сказочных растений, отразились структура и потенции человеческих рук. Подобно человеческим рукам, мифические деревья могут выступать в качестве тотемных предков, божеств, а также спасать, награждать, предсказывать, принимать подарки, оценивать знаки внимания и т.д.

В работах [13, 14, 20] показано, что рука, прикрывающая **кровь**, является первым **кровом**, который стал осмысленно воспроизводиться приматами в ходе культивирования сознательных форм врачевания. Пясть (пасть) руки является первым домом (нем. Haus – дом), первым хосписом. Всё это не могло не породить соответствующих представлений о первоначальном мире, первоначальном пространстве. «Хаос

(греч. *χάος*, *chaos*, от корня *cha-*, отсюда *chaino*, *chasco*, “зевая”, “разеваю”; хаос поэтому означает, прежде всего “зев”, “зевание”, “зияние”, “развёрстое пространство”, “пустое протяжение”) [48, II, с. 579]. Гесиодовская и аристофановская космогония трактуют Хаос как нечто живое. Не только античные, но и современные исследователи мифологии вынуждены видеть в Хаосе живое начало. Так, например, советский философ, антиковед и переводчик **А.Ф. Лосев** (1893 – 1988) в статье «Хаос» пишет: «Он – мировое чудовище, сущность которого есть пустота и ничто. Но это такое ничто, которое стало мировым чудовищем, это – бесконечность и ноль одновременно» [Там же. С. 581].

Со временем исходные геометрические структуры перестают восприниматься как нагромождение скалящихся скал (шкал) и начинают ассоциироваться с космосом. Присоединяя к осям ось можно воспроизвести рукотворный космос (рис. 1). Пересечение **трёх осей** породило представление об **острие**. Углы между осями и количество осей могут меняться, манифестируя острую или тупую боль. Они неразрывно связаны с исходной системой мер, с исходным мирозданием, космосом. В греческом языке космос «порядок», «упорядоченность», «строение», «устройство» и т. д. Оси мерного куба породили такие образы, как стрелы Купидона, стрелы Амура. Посредством этих стрел, направленных в грудь, мы манифестируем сердечные страдания.

В мифологической космогонии космос возник из первой брачующейся пары первопредков, в которых не сложно узнать материнские руки. В мифах о священном браке, свадьбе нашли освещение процессы, связанные с формированием матрицы – исходного универсума (рис. 1). В китайской мифологии весь процесс мироздания рассматривается как результат взаимодействия и выделения мужского («ян»)

и женского («инь») начал, создавших небо и землю [48, I, с. 545].

Таким образом, исходное небо (нёбо) и первую землю следует соотносить с супругами-первопредками: материнскими руками, которые первыми начали обручаться, носить на себе и прикрывать людей. Э. Тайлор в книге «Миф и обряд в первобытной культуре», рассказав о подобном мифе у маори, писал: *«Мифический вымысел, что небо и земля были отцом и матерью всего существующего на свете, естественно породил легенду, что в древнейшие времена они были соединены и только впоследствии были разлучены. В Китае та же идея космического родства сопровождается такой же легендой о разлуке. Я не берусь решать, существует ли тут историческая связь между мифологией Полинезии и Китая, но, без сомнения, древняя китайская легенда о разъединении неба и земли в первобытные времена Панью имела, по-видимому, такую же форму, как и полинезийский миф»* [63, с. 94].

Существуют и обращенные схемы, в которых небо фигурирует в качестве матери, а земля в качестве отца. Так, например, в египетской мифологии Геб (gb) бог земли, а его супруга Нут – небо.

Рука, исходное небо, исходная стратосфера изначально обеспечивали сатурацию, насыщение. **III. Абрахамссон** в своей книге «Происхождение смерти. Исследования африканских мифов» сообщает, что у африканского племени аманти существует миф о том, что некогда верховное божество Оньяма жило близко к людям. В мифе говорится, что дети издревле *«просили: “Дедушка Оньяме, дай нам мяса и добавку к нашей еде”, и мясо сразу сбрасывалось с неба. Но как-то раз старухе, толкущей в ступе фуфу, Оньяме помешал, и она попросила его немного отойти. Бог подчинился. Стару-*

ха, однако, потребовала, чтобы тот отступил ещё дальше. Разгневанный Оньяме навсегда скрылся ввысь на небе» [83, с. 16]. Очевидно, что отчуждение неба от человека произошло в ходе проецирования микрокосма на макрокосм.

Традиция побуждает просить даже у отчужденного неба. **А. Афанасьев** в книге «Мифы, поверия и суеверия славян» пишет, что сибирские шаманы при жертвоприношениях обращаются к небу с такой молитвой: «*Отец Лысое Небо! Младший сын плешивого Неба! Сделайте, чтобы я (имярек) был богат скотом, счастлив в промыслах и имел бы большую семью*» [4, с. 123].

Пясть (пасть) – наш естественный черпак, а также череп тотемного существа – первобожества. Индийский миф утверждает, что небо создано из черепа Брахмы. В Эдде говорится, что оно произошло из черепа великана Имира. Небо Брахмы есть не только у человека, но и у обезьян-брахиаторов.

В мифах широко отражены мифические горы, которые часто отождествляются с небом. Обитателями такого рода гор являются божества, небожители, духи гор, обитатели таинственных подземелий (тролли, гномы и т.д.). В мифах, как и в фольклоре, горы часто выступают в виде великанов, чудовищ, сказочных богатырей, мифических предков. Наряду с культом животных, культом растений, культом огня издревле существует культ гор, который тесно связан с культом неба. Сакральное значение гор подчёркнуто в ветхозаветной и новозаветной литературе. Так, например, Яхве дал свои заповеди Моисею на горе Синае. На горе Иисус произнёс свою первую большую проповедь, которая называется Нагорной. О культе гор существует обширная литература. Так, например, культу гор посвящены следующие исследования [36, 50, 67] и др.

В наиболее архаичных мифах горы выступают как живые существа, как покровители. Так, например, в работе **Л.П. Потанова** «Культ гор на Алтае» [50] говорится о том, что горные промыслища алтайцам представлялись живыми существами – священными покровителями. Все они имели свои собственные имена, которые обозначали саму гору и пребывающего в ней духа. Священные горы, хозяева горы мыслились не просто покровителями промысла, в них традиционно видели родовые горы, причём у каждой родовой общины была своя родовая гора, которая находилась в кровнородственных отношениях с родом. Члены рода видели в родовой горе своего предка. Это отразилось в таких понятиях, как тёс-таг («гора-предок»), улут-таг («великая гора»), ару-тёс («чистый предок») и т.д. Всё это подтверждает изначальную связь представлений о горах с тотемизмом.

Предсмертный захват одной горсти другой заставил говорить о некоей горе, на которую взбираются покойники, а также о «горних высях», на которые отправляются души умерших. **А. Афанасьев** в своей книге «Мифы, поверия и суеверия славян» пишет: *«У славян до сих пор живо предание о том, что души умерших должны взбираться на какую-то крутую, неприступную гору. В разных местностях русской земли крестьяне уверяют, что, обгрызая ногти, не должны кидать их, а, напротив, собирать и прятать эти обрезки за пазуху; на том свете они пригодятся: по смерти каждому придётся взлезать на высокую крутую гору, столь же гладкую, как яйцо. С помощью сбережённых ногтей это можно будет сделать и удобнее, и скорее. По белорусскому поверью, кто прячет обрезанные ногти за пазуху, у того все эти обрезки очутятся на пальцах крепко сросшимися и помогут ему взобраться на железную гору, на которой стоит рай; в Подолии рассказывают о стеклянной горе, на которую надо*

“драпаться” на том свете. В других местах убеждены, что большие ногти всякому необходимы по смерти для того, чтобы лезть на небо или в царствие небесное – на Сионскую гору: очевидно, что гора и небо здесь тождественны» [4, с. 127].

Согнутые в дуги пальцы породили представления о духах, обитающих в горах. Породили они и представления об ужасных вестниках смерти, о колдунах, ведьмах, чертях, которые периодически собираются на горах, а также слетаются и терзают человека в его смертный час и не оставляют его за гробом. В этой связи становится понятной причина появления оронимов типа Чертова гора, Адская гора, горы Семи дьяволов и т. д.

Рассказы о мифической горе известны многим народам. На этой горе находятся не только черти, но и чертоги, сады, в которых обитают божества. Рассказы о подобной горе известны в Польше, Белоруссии, Литве, «на ней стоят золотые палаты, растёт дерево с золотыми яблоками, кожица которых мгновенно заживляет раны» [Там же. С. 129].

Мифические небеса, сказочные горы (рис. 24) созданы из наших кистей, из «наших кустов». В тат. языке куак `куст`, кук `небо` [65]. **В.Н. Топоров** в статье «Гора» с полным основанием пишет: «Гора выступает в качестве наиболее распространённого варианта трансформации древа мирового. Гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. Гора находится в центре мира – там, где проходит его ось (*axismundi*). Продолжение мировой оси вверх (через вершину горы) указывает положение Полярной звезды, а её продолжение вниз указывает место, где находится вход в нижний мир, в преисподнюю» [67, с. 331]. Естественная система координат

может задать любое направление, включая и направление на Полярную звезду.

Топоров пишет: «*Образ мировой горы обычно не соотносится с реальной горой...*» [Там же. С. 312]. Пребывать в горе, пригорюниться можно даже находясь на равнине. Часто горе сопровождается плачем, потоками слёз. В мифах часто фигурируют рукотворные горы, созданные в ходе всемирного потопа. Так, например, в китайской мифологии само появление гор и их расположение связывалось с деятельностью мифического покорителя потопа и устроителя земли великого Юя. Следует заметить, что сам Юй «*родился из тела своего отца Гуня, принявшего перед смертью облик черепахи*» [56, с. 678]. Наши горсти, наш естественный черпак и являются мифической черепахой, породившей твердь поверх потоков солёной воды – слёз.

Часто в мироустройстве принимают участие исполины, супружеские пары, поколения богов, вступающие в непримиримую схватку. Одна горсть может прикрывать другую, поэтому широко распространены мифы, сказки о многоэтажных горах, небесах.

Кровь (руда) является естественным сокровищем. Кровавая рана, прикрытая горстями, должна была породить представления о скрытых в горах сокровищах, которые тщательно оберегают горные нимфы, тролли, подземные гномы, различные чудовища, змеи и другие хтонические существа.

Наши естественные шкалы, скалы, горы позволяют не только пригорюниться, прикрыть рану. Эти динамичные органы играют огромную роль в диагностике, поскольку позволяют весьма наглядно и структурировано демонстрировать больное место. Нет ничего удивительного, что у самых различных народов бытует вера в чудесные свойства скал (шкал), камней, гор. По вполне объяснимым причинам

издревле народы верили, что горы могут перемещаться подобно Горе-богатырю из русских сказок. **Л.Я. Штернберг** пишет: «*Гиляки устья Амура много раз меня серьёзно уверяли, что один из утёсов, торчащих в море недалеко от берега, приехал сюда издалека, что раньше он жил гораздо севернее, близ с. Лангр, но после кровавой ссоры со своим братом он убежал на устье Амура и здесь окончательно поселился*» [79, с. 6]. Кровавая ссора напоминает об изначальных, сказочных горах, а также о процессе формирования исходной матрицы, исходной декартовой системы, исходной географической карты и их роли в становлении топонимики и топографии.

С учётом способов формирования исходной матрицы, исходного универсума, а также природы сказочных героев, не следует удивляться тому, что горы изначально могли грозить, громить, драться, вступать в рукопашные схватки. **Штернберг** упоминает юкагирский рассказ, записанный **В.И. Иохальсоном** на берегах Ледовитого океана, о споре горных вершин у устья Коркодона, когда зрители борьбы – соседние горы – беспрерывно восклицают: «*Люди дерутся!*» [Там же. С. 6]. Истоки подобного рода рассказов, сказаний, мифов восходят к рефлекторной схватке рук, позволяющей нам пригорюниться, продемонстрировать больное место. Игнорируя **горести (горы-сети, горсти)**, невозможно пролить свет на истоки топофилии, топофобии, топонимики, топографии.

1.3. Сказочные страны и царство смерти, связанные с исходной средой обитания человека

Изначально ребёнок беззаботен и ничего не знает о болезнях и смерти. «Золотой век» – мифологическое представление, существовавшее в античном мире, согласно которому

первые времена человечества отличаются безоблачностью, невинностью, незнанием смерти. Представления о золотом веке, утраченном земном рае можно встретить не только в развитых религиозно-мифологических представлениях. Румынский историк религии и исследователь мифологии **М. Элиаде** (1907 – 1986) в своей книге «Мифы, сновидения, мистерии» пишет, что *«дикари, не более и не менее чем западные христиане, считали, что пребывают в “навшем” состоянии по сравнению со сказочно счастливым положением дел в прошлом»* [80, с. 45].

Р.А. Агеева в книге «Страны и народы» пишет, что *«в древности у разных народов складывались представления о “блаженных” странах “золотого века”»* [1, с. 260]. Названия мифических стран, как правило, связаны с космогоническими представлениями народов древности. Мифическая страна мыслится как место пребывания божественных предков, божеств плодородия, как центр модели космоса, причём в качестве такой модели часто выступает микрокосм, человек.

Античные авторы упоминали об «островах блаженных», о саде Гесперид с «золотыми яблоками». Об истоках такого рода верований **Л.А. Ельницкий** в своей книге «Древнейшие океанские плавания» пишет: *«Происхождение этих утопических идей, связанных с определёнными географическими представлениями, коренится в древних религиозных верованиях, относящихся к культу божеств плодородия, в частности, таких, как греческий Кронос и Римский Сатурн, почитавшиеся царями потустороннего царства блаженных и царями “золотого” века, некогда якобы существовавшего на Земле и завещанного людям в будущем»* [28, с. 76].

Счастливая страна богато представлена и в фольклоре средневековой Европы. Английский исследователь **А. Мортон** в своей книге «Английская утопия» пишет, что *«у народ-*

ной Утопии множество имён, она фигурирует под разными образами. Это и английская страна Кокейн, и французская Кокань» [49]. Очевидно, что первую **кухню** или страну изобилия **Кокейн** (как, впрочем, и первого **кока**) логично искать в материнских руках. Именно пальцы (палы) материнских рук породили представление о пламени, на котором готовилась пища в начальные времена. Чтобы увидеть первый очаг, достаточно изобразить очко посредством пальцев. Первый **кок** (англ. *cook*), давший название стране **Кокейн**, до сих пор участвует в приготовлении и распределении пищи. Есть все основания полагать, что *cook is – кукиш*.

Современная наука не смогла убедительно объяснить причину стойкой веры народов в золотой век, в сказочные страны. В работах «Природа языка и мифа» [13], «Мировоззрение золотого века и его истоки» [16] нами вскрыты онтологические и гносеологические корни мифов и преданий о «золотом веке», о «сказочных странах». Игнорируя эти страны, невозможно постигнуть причины, сыгравшие фундаментальную роль в осмыслении рукотворного универсума – исходного дома человечества, в истоках первобытного мировоззрения, географии.

Рукотворный универсум породил представление о младенцах, которые заполнили своими телами всю первозданную Вселенную, созданную первобожествами. Породил он и учения о божественных первопредках, из чьей плоти был создан мир. Образ первочеловека-гиганта широко распространён в мифах. Так, например, в раввинской литературе Адам изображается как первочеловек огромных размеров. В момент сотворения его тело заполняло всю Вселенную. Гигантом был и эддический великан Имир, чьей плотью божества заполнили первозданную пропасть, прообразом которой является родительская пясть. Подобного рода представле-

ния позволяют судить о размерах рукотворного космоса, в рамках которого складываются исходные геометрические и географические представления.

Наше попадание в пясти (пасти) всеблагих родителей сразу после рождения может трактоваться как принесение младенцев в жертву богам, которое осуществилось изначально и породило традицию, нашедшую отражение даже в Библии. Так, например, в первые времена был принесён в жертву богу Гайомарт, который в древней иранской традиции считается первочеловеком. Такова судьба и ведийского первочеловека Пуруши, который ухитрился заполнить своей плотью всю первозданную Вселенную.

Родительские **пятерни** – божественные **патроны**, сказочные животные не могли переваривать младенцев, поэтому пребывание младенцев в чреве божеств, сказочных животных, сказочных и мифических великанов-людоедов часто заканчивается тем, что их отрывают обратно. Многочисленные сказки, мифы свидетельствуют, что **скушанные** младенцы появляются на свет **искушёнными** во всяких премудростях. Причины этого кроются в воспитательном процессе.

Издrevле был широко распространён обряд инициации, во время которого посвящаемый пролезал через сооружение, выполненное в форме огромного животного. При этом он как бы переваривался в чреве животного и извергался **искушённым** в тайнах, которые делают человека человеком. Это подтверждает мысль о том, что вовсе не тотемы были изначально продуктами питания, поэтому глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки тотемизма с охотой, Детального изучения чрева сказочных существ – материнских ладоней, исходного универсума позволяет решить широкий комплекс проблем, связанных с истоками географии, геометрии, истоками всей человеческой культуры.

Сложенные родительские пясти (пасти) должны были породить представление о многоэтажном небе (нёбе), небесах обетованных. На этих небесах обитают безгрешные люди, каковыми изначально являемся мы. Познав добро и зло, мы спускаемся с небес, которые были нашими первыми палатами (лат. *palatum* `нёбо`). Мифы, сказки утверждают, что в этой «святой обители» много еды, что её обитатели ведут счастливую жизнь, не зная тяжкого труда. Существует сказки, в которых герои попадают на небо, вдоволь наедаются там, встречаются там сказочных животных и т. д.

На небесах многие народы размещают целые страны. По христианским представлениям «рай» является местом обитания ангелов и других безгрешных почитателей «Отца Небесного». В раю эти чада соединяются с богом, созерцают его. Таким образом, представления о райской жизни, о «небесах обетованных» возникли не в ходе наблюдения за макрокосмом, а в ходе отражения материнских рук, породивших представление о всеблагих предках, колыбели человечества, а также о воспитательном процессе, который широко представлен в древних учениях.

Идея отбора при решении проблем антропосоциокультурогенеза не является достижением современной науки. На идеи отбора основаны многие религиозные доктрины. Широко распространены мифы о всемирных потопах, горючих излияниях и прочих карах, жертвами которых становятся субъекты, поведение которых входит в конфликт с заповедями подателей всех благ. Эти мифы традиционно рассматриваются как свидетельства отбора, который обеспечил социализацию наших предков.

Существуют также многочисленные мифы, в которых исконная обитель человечества оказывается в пламени. Наши пальцы (палы), ладони (греч. *πάλαμη*, лат. *palma*) способны

продемонстрировать пламя всемирного пожара, а также пламенных существ: божеств, божественных вестников – ангелов.

Дарвиновская любвеобильная теория, половой подбор, выбранный им в качестве движущей силы антропогенеза, с возмущением отвергается многими людьми, которых совершенно не смущает беспредельная жестокость отбора, который враги духовности, враги разума приписывают всеблагим отцам, произвольно перетолковывая древние учения. Жестокость мифологического воспитательного процесса не следует преувеличивать. Опыт показывает, что любой всеблагой отец способен вызвать горячие излияния, утопить непослушных чад в морях слёз, побудить их обернуться в соляные столпы (пальцы, смоченные слезами), не прибегая к мерам физического воздействия: запретив, например, есть чипсы или играть в компьютерные игры. В сказках для появления «огненной реки» или «огненного моря» достаточно взмаха рук – естественных утирок. Приставив естественную ёмкость (ладонь) к **оку**, можно получить **океан** горячих слёз, которые затопят исходный мир, исходный универсум.

Естественные ёмкости могут переполняться не только слезами. У многих народов существует поверье, что грудное молоко обладает целебными свойствами и полезно для кожи ребёнка, поэтому матери периодически умывают младенцев грудным молоком. В сказках юные герои зачастую погружаются в пламенный казан с молоком и трансформируются в красавцев. Следует заметить, что в русском языке *казанок* `кость запястья` [70, II, с. 159]. Материнское молоко может наполнять первозданные долины (длани) и породить представления о молочных реках.

В мифологизированном антропосоциокультурогенезе активную роль играют не только всеблагие родители, но и

Святой Дух. Широко известна попытка анализа природы **Святого Духа**, предпринятая немецким философом **Л. Фейербахом** (1804 – 1872) в книге «Сущность христианства» [71]. В трактовке **Фейербаха** Святой дух или Бог трактуется как образ, отражающий глубочайшую человеческую сущность – **Любовь**. Всеблаготворительный Отец должен испытывать к своим чадам отнюдь не половую любовь. Верующие люди вполне осознают этот факт. Вопреки фактам, вопреки церковной традиции, **Фейербах** был склонен считать, что не родительская, а половая любовь является той силой, которая способна консолидировать общество. Следует заметить, что родительский инстинкт (**Святой Дух**) очень древен. Он существовал задолго до появления первого примата, первого млекопитающего. **Святой дух** разлит в живой природе и не имеет внешней формы. На этом настаивают многие религиозные доктрины, и опровергать их не имеет смысла.

Именно родительское чувство способно побудить его носителя породить колыбель человечества – рукотворный универсум, сознательную заботу о здоровье, игнорируя которые невозможно постигнуть истоки основных феноменов человеческой культуры, включая медицину.

Две руки матери являются не только дверками в сказочный мир нашего детства. Они знакомят нас и с иным миром: миром смертных мук, отчаяния и слёз. Манифестация смертельной боли посредством наложенных на тело рук («маски смерти») крайне актуальна не только при диагностике, но и для предупреждения об опасности. Особую важность такого рода знаки приобретают в случаях, когда отсутствуют иные формы общения.

В работе «Подлинные истоки волшебной сказки» показано, что «маска смерти», «которую традиционно используют матери, чтобы предостеречь детей о грозящей опасности,

не несёт в себе печать неотвратимости. Она просто символизирует боль (нем. *Schmerz* 'боль'). Регулярное использование маски смерти порождает надежду на возможность борьбы со смертью (болью), на возрождение после смерти. Сказки, мифы самых разных народов повествуют о том, как человек погибает, умирает, засыпает вечным сном или превращается в ужасное животное, а затем возвращается к жизни, обретает человеческий облик. Родители проявляют большую настойчивость, чтобы обучить ребёнка сознательно пользоваться маской смерти. Они чувствуют огромное облегчение, когда ребёнок начинает посредством маски демонстрировать больное место» [17, с. 221].

Использование естественной **маски** – руки для манифестации зверской боли, превращения в зверя нашло отражение и в звуковых языках. Так, например, в арабском языке «*мәсех* I. 1) Поглаживание (рукой), прикосновение. 2) Умощение, помазание. II. 1) Изменение. 2) Превращение в низшее существо, обезображивание» [2]. Здесь просматривается генетическая связь между маской-рукой и маской-мазком (сокровенной печатью), которые вызывают преобразование внешности.

Зверская боль, смертные муки, манифестируемые посредством пястей-пастей, придали смерти и звероподобный облик. Звероподобный образ смерти в мифологизированном сознании отмечен многими исследователями. «*Это встречающееся у родственных нам народов указание на смерть как на звероподобное чудовище может ещё более подтвердить нашу мысль, что наш предок в эпоху своего младенчества имел представление о смерти как о страшилище, соединявшим в себе подобие зверя и человека*» [59, с. 43].

Звероподобный вид изначально имели и демоны, духи болезней, которые не только демонстрировали душевное со-

Рис. 29. Герой воюет с грифонами. Рельеф на саркофаге из Тарента. Южная Италия. IV в. до н.э.

стояние, но в буквальном смысле терзали, давили, душили страдальцев. Любому и каждому была очевидна *«вредоносность всех первичных «духов», которые считались источником и причиной болезней и которые мыслились первоначально материальными – в виде неопределённых, таинственных животных»* [29, с. 5]. Чтобы увидеть, как согнутые в дуги фаланги и другие болезнетворные существа впиваются в человека, не надо быть прозорливым. Естественные чары (ёмкости, маски), нападающие на страдальцев, породили представления об ужасных червях, фалангах, удавах, грифонах, горгонах, оборотнях. С этими существами традиционно воюют мифические герои (рис. 29, 30).

И. Лепёхин в 1772 отметил у ненцев представления, согласно которым «видом она (болезнь) подобна червяку, движения имеющему» [Цит. по 29, с. 68].

У коми «шева», мнимый возбудитель болезни, «чаще имеет вид маленького животного, червяка, бабочки, ящерицы, жука и т. п.» [Там же. С. 72].

Навязчивое стремление демонов, монстров демонстрировать болезненные состояния имеет рефлекторную осно-

Рис. 30. Оборотень.
Реконструкция В.А. Воронцова

личие лишь в оригинальном способе распознавания, который именно из «идолов» причинил болезнь: при всяком случайном заболевании, колумбийцы берут своих идолов и колотят их друг о друга: первый, у которого отскочит какая-нибудь часть тела, предполагается виновным» [40, с. 243]. Очевидно, что прообразами этих фетишей были руки, пальцы пациентов и врачей.

Д.К. Зелёнин в своей книге «Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов» также пишет: «Первоначально отношение людей к демонам совсем не было религиозным «преклонением» или «служением», а состояло в идеологическом соглашении-сделке родового коллектива с демонами на равных началах, часто сопровождаясь бичеванием демонов-онгонов со стороны их «почитателей»» [29, с. 5]. Традиционно духами «делались главным

ву. Издревле с подобного рода демонами не особенно церемонились. При диагностике их побивали пальцами, которые были первыми палицами, первыми плетями. Аналогично поступали и с фетишами, идолами, изображавшими демонов, духов **болезней**. Так, например, известный английский археолог и этнограф **Дж. Лёббок** (1834 – 1913) в своей книге «Начало цивилизации» писал, что у «индейцев имеются небольшие фигурки в форме четвероногих, птиц и рыб. Им приписывают все болезни. От-

образом те животные, которым люди приписывали и появление тех или иных своих болезней. С этими именно животными люди некогда заключили «тотемические союзы» на таких условиях: люди кормили животных тотемов и ничем их не обижали – не преследовали; живые тотемы не должны были за это причинять своим союзникам-людям тех болезней, возбудителями которых они считались; если же болезнь уже появилась у людей данного тотемного клана, то животное тотем должен был взять болезнь обратно себе. А если тотем этого не делал, то люди его наказывали, и только по миновании болезни союз-соглашение с животным-тотемом вновь возобновлялся. Во всяком случае, такого именно рода союзно-договорные отношения существовали у сибирского населения к онгонам, которых нужно признать прямыми преемниками прежних тотемов» [Там же. С. 29]. Чтобы отвлечь злобных демонов от больного, их можно угостить или наказать. Так, например, чтобы руки ребёнка не расчёсывали нарывы, их плотно пеленают или занимают игрушками, гостинцами.

Со временем наказывать и награждать стали обычных животных. Считалось, что человеческая болезнь может поселиться в этих животных. «Окаменелых пережитков этого архаического взгляда чрезвычайно много, как во всех языках, где очень многие болезни носят имена по разным животным, так и в религиозной идеологии – в народной медицине и верованиях» [Там же. С. 68]. «У нас нет никакого основания предполагать, что в таких случаях имеется случайное совпадение имён, полисемантизм или метафора; напротив, в непонятных теперь именах болезней мы должны сознательно искать, в качестве первичного значения, именно названия различных животных. В культурных языках Европы известно большое количество болезней, которые получили

своё название от животных, например: рак, жаба-ангина, грудная жаба, свинка и др.» [Там же. С. 71].

Регулярная манифестация посредством наложения рук мёртвого сна, смертельной боли, смертельной обиды должны были породить представления о живых покойниках, о мертвецах, восстающих из могилы. Чтобы сойти в сказочную могилу (мглу) достаточно прикрыть лицо руками. Естественная могила, естественная маска смерти, позволяют увидеть первую пирамиду, первый саркофаг, первую универсальную модель пространства – рукотворный универсум (рис. 1). Сказочные могилы естественным образом могут раскрываться, а покойники появляться на свет. Если сдёрнуть естественный саван с живого покойника насильно, или снять с его пальца кольцо, то он может потребовать их обратно. Повадки живых покойников детально освещены в сказках, мифах, балладах. Следует заметить, что естественные маски смерти, естественные пирамиды (рис. 1) сооружаются и на настоящих покойниках. Обычно их располагают на груди или на животе.

Живые покойники породили множество сказаний, мифов, легенд о привидениях, которые появляются вблизи могил. Очень часто в таких повествованиях упоминаются люди, которые сами наложили на себя руки, но не нашли успокоения в мире ином. Нередко в сказках в качестве живой покойницы выступает мать, которая, даже пребывая в могиле (мгле), продолжает наставлять детей, подсказывать им в трудную минуту жизни. Так, например, в русской сказке покойница приходит, чтобы покормить младенца [5, № 361]. В сказках, балладах, легендах различных народов мира героини часто приходят на могилу к матери, чтобы услышать её совет. Попадают и герои, которые воспитываются в могиле матери (рукотворном универсуме). Так, например, имя глав-

ного героя таджикского фольклорно-эпического сказания «Гуругли» [25] может переводиться как «сын, рождённый из могилы». Его мать, согласно восточной версии, была похоронена беременной, но ребёнок родился и выжил, поэтому его нарекли таким именем.

Со временем и лица мужского пола (отнюдь не сказочные) стали использовать сказочную могилу, чтобы воспитывать сочувственное отношение к себе. Погрузившись в могилу, они требуют, чтобы дети оказывали им знаки внимания. В татарской сказке говорится: *«Заболел однажды отец. Призывает он сыновей и даёт такой наказ: “Как схоронят меня, приходите ко мне на могилу, откараульте три ночи. Есть у меня три сундука. Кто придёт на могилу, тому и владеть этими сундуками”»* [64, № 7]. О том, что смерть отца мнимая, догадываются старшие дети. Младшие искренне верят, что отец заснул вечным сном. Они приходят к могиле, которая скрывает любимое лицо. В зависимости от отношения к ней, эта могила может трансформироваться в чудовище или в чудо-вещи, а также в сказочных животных, которые могут покатаь младенца, наградить его.

Подобного рода поведение «живых покойников» привело к тому, что появилось множество сказок, поверий, легенд о заколдованных сокровищах, кладах, которые охраняют покойники и которые недоступны людям без знания сакральных слов. Чем больше усилий прикладывается, чтобы завладеть подобным кладом, тем сильнее он удерживается в могиле. С подобного рода кладом знакомит нас повесть **Н.В. Гоголя** «Заколдованное место» [23]. Бог преисподней и владыка теней носил у древних греков имя Плутон, которое этимологически связано со словом *plutos* `богатство`. Польский филолог **В.П. Клингер** (1875 – 1962) писал: *«Вера, что души мёртвых оберегают зарытые кла-*

ды, одинаково сильна в античной и современной традиции» [32, с. 31].

Предсмертный захват кровавой раны породил и представления о кровожадности мертвецов. **Клинггер** с полным основанием утверждал: *«В ходячем образе мертвеца, как он выработался в народном воображении, прежде всего, бросается в глаза черта кровожадности, налагающая мрачный колорит на всю эту область народной веры»* [Там же. С. 28].

«Маска смерти», скрывающая любимые лица, должна была породить представления о «загробном мире». «Загробный мир», «потусторонний мир», «мир иной» присутствуют в мифологических системах самых разных племён и народов, находящихся на самых различных ступенях общественного развития. Это свидетельствует о глубокой древности подобного рода идей, их универсальности. Американский антрополог, лингвист и естествоиспытатель **Ф. Боас** в своей книге «Ум первобытного человека» с полным основанием писал: *«Из более общих идей я могу упомянуть о верованиях в страну душ умерших, расположенную на западе, причём для того, чтобы попасть в неё, нужно переправиться через реку; это известное всем нам из греческой мифологии верование распространено также и среди туземных племён Америки и Полинезии. Другим примером может служить идея множественности миров...»* [7, с. 86]. Идея множественности миров вполне объяснима, если мы обратимся к нашим естественным изначальным вместилищам, естественным мерам – рукам. Эти меры породили представления об иных мерах, мирах, в которых скрываются страдальцы, смертники, невидимые, неявные люди – «навьи». Наши **пяди** способны пролить свет на место, где изначально располагался **запад**, загробный мир, потусторонний мир, «царство смерти». Если человек плох (болен), то ему обеспечены в загробном мире «страшные муки».

Есть все основания полагать, что мифы об ужасах загробной жизни сложились из представлений об агонии, смертельной боли, которые регулярно воспроизводятся родителями для предупреждения детей о грозящей опасности. Путешествия героев в царство смерти породила диагностическая практика, а также стремление матерей вызвать в своих чадах сочувствие, сострадание путём манифестации смерти, смертных мук.

По вполне объяснимым причинам загробный мир, мир смерти может представлять в образе многоголовых животных или божественной супружеской пары (Аида и Персефоны). Во многих мифах именно появление брачных отношений, половых связей (вспомним Адама и Еву) знаменует появление смерти. При этом под брачующейся парой следует подразумевать руки, образующие маску смерти, посредством которых знакомят детей со смертью, смертельными муками.

Вход в загробный мир могут охранять многоголовые животные, которых также не сложно соотнести с руками страдальцев. Мёртвая хватка, предсмертные судороги, зверская боль должны были породить представление о погружении человеческого тела в пасть (пять), которая часто рассматривается как вход в царство смерти. **В. Пропп** по этому поводу пишет: *«Вход в царство идёт через пасть животных. Эта пасть всё время закрывается и открывается»* [53, с. 288]. **В.В. Евсюков** в своей книге «Мифы о вселенной» пишет, что *«иногда сама преисподняя рисуется в облике фантастического змея. В этой связи можно указать на средневековые христианские воззрения, по которым ад есть не что иное, как колоссальный ужасный змей с развернутой пастью, пожирающий души, грешников. Эти представления нашли от-*

ражение в многочисленных иконах и лубках на религиозные темы» [27, с. 71]. В чреве животного часто располагаются погибшие, умершие, пропавшие.

Птахи (птахи), чисто рефлекторно или сознательно слетающиеся на раны, породили представления о «крылатых вестниках смерти». Сказочные **враны** до сих пор слетаются на наши **раны** и играют неоценимую роль в диагностике. Издревле крылатыми были не только вестники смерти, но и сама смерть. В русских же загадках смерть прямо называется птицей [57, с. 218]. Смерть предстаёт в образе разных птиц и по погребальным причитаниям.

Слетаются сказочные птахи и на наши очи, порождая представления о ночи, мгле, могиле. Нет ничего удивительного в существовании такой удивительной птицы, как Моголь-птица, которая способна затмевать свет. В русской сказке «Кощей бессмертный» говорится: «*Налетела Моголь-птица, пала на землю – в окнах свету не стало*» [5, № 157].

Смертельная боль, громозящиеся друг на друга естественные скалы (пальцы), пригоршни должны были породить представление о сходящихся скалах, толкучих горах, запирающих, давящих людей, а также «*индийское сказание, что некогда у гор были крылья*» [3, с. 228]. Движущиеся (скалящиеся) скалы, толкучие горы широко представлены в фольклоре разных народов. Такие горы упоминаются, например, в стихе про Егория Храброго и в песне про Дюка Степановича.

*Стоят тут горы толкучие:
Тые ж как горы врозь растолкуться,
Врозь растолкутся, вместе столкнутся –
Тут тебе Дюку не проехати,
Тут тебе молодому живу не бывати...*

[Там же. С. 228]

По вполне объяснимым причинам **обе горы (гробы)** могут раскачиваться, летать и т. д., а «спящие красавицы» – выходить из них целыми и невредимыми.

Маска смерти, слёзы, кровь (**руда**), смертельная боль должны были породить представление о **пруде**, ужасном болоте, в которое погружается тело несчастного, а также о водоёмах, отделяющих загробный мир от мира людей. Подобные представления встречаются у самых разных народов. Так, например, «представление, что водоём, река, пруд, озеро – вход в царство мёртвых, держится в Греции очень прочно» [53, с. 265]. Увидеть первозданное **озеро** не сложнее, чем изобразить с помощью пальцев **зеро**.

Каждое око способно породить океан солёной воды, которая переполнит долины (длани). В сказках проявляются самые сокровенные стороны моря-океана. Нет ничего удивительного в том, что моря и океаны традиционно играют огромную роль в мифологии, в лечебных заговорах самых разных народов, жизнь которых зачастую протекает вдалеке от больших водоёмов.

Естественное стремление зажать кровоточащую рану пальстью привело к тому, что «море крови» часто ассоциируется с пастью, жаждущей человеческой крови:

*Христианської крови в Чорне море впускали,
Стало Черное море кров християнскої пожирати,
Стала на Чорним мори супротивная валечня
хвиля утихати* [30, с. 115].

В.В. Евсюков в книге «Мифы о вселенной» пишет: «Закономерно, что в былинах и сказках подземное царство часто отождествляется с морем: там живет Морской царь, там собраны несметные богатства, там же находится несравненная красавица, руки которой добывается сказочный

герой. Моря, озера, реки, считавшиеся порождением мирового океана, рассматривались как обитель нечистой силы (ср. пословицу “в тихом омуте черти водятся”) и даже как прямой путь в преисподнюю (“из оmuta в ад как рукой подать”)» [27, с. 37].

Связь пясти (пасти), звероподобной маски смерти с переправой в «мир иной» подтверждается сказками, мифами, в которых покойники приобретают звериные черты. По этому поводу **Евсюков** в своей книге пишет: «А это значит, что, вступив в воды смерти, человек уподобляется животному. По мере трансформации этих представлений переправа в страну мертвых в облике животного сменилась переправой на животном, а затем на лодке, на которую и были перенесены зооморфные черты» [Там же. С. 52].

На берегу сказочного или мифического водоёма часто происходит обручение с невестой, выступающей в образе лебедя, лягушки, тигрицы и т. д. Очевидно, что в ходе такого обручения и формируется маска смерти, а также стражи и судьи подземного мира. Очень ярко этот процесс отражён в греческом мифе о похищении Европы. Дочь финикийского царя Европа играла с подругами на берегу моря. Зевс, обернувшись быком, украл девушку и привез на остров Крит, где вступил с нею в брак, от которого родились мудрые судьи загробного мира – Минос и Радамант.

Изначальная связь мифического моря с мором подтверждается также представлениями, согласно которым море служит дорогой на «тот свет», что оно может расступаться и показывать, как в царстве смерти бесы (пальцы, палы) палят, колотят палками несчастных. Так, например, в русской народной сказке «Мудрая жена» из собрания **А.Н. Афанасьева** говорится: «...море расступилося, дорога открылася, дурак ступил раз-другой и очутился... на том свете. Смотрит, а

на покойном королевском отце черти до пекла дрова везут да гоняют его железными прутьями» [5, № 216].

Былинный герой Садко, которому выпал жребий идти к царю Морскому, воспринял это путешествие как уход из жизни. Он пишет завещание, после чего:

*А й заплакал горько, прощался ён с дружинушкой хороброю,
А й прощался ён топеречку со всем да со белым светом,
А й как он топеречку как прощался ведь
А со своим он со Новым со городом... [10, с. 464]*

Горючие слёзы, агония должны были породить представления о пламени, пожирающем человека, об «огненных реках», которые мертвецы преодолевают на плоту, лодочке и т. д. С этим поверием связан широко распространённый обряд сожжения покойников на штабеле из поленьев перед путешествием через «реку смерти». Так, например, когда шли приготовления к похоронам, Ахиллесу явилась душа его убитого друга Патрокла, который обратился с просьбой достойным образом обеспечить ему переход в мир иной:

*Спишь, Ахиллес! Неужели меня ты забвенью предал?
Не был ко мне равнодушен к живому ты,
к мёртвому ль будешь?
О! погребви ты меня, да войду я в обитель Аида!
Души, тени умерших меня от ворот его гонят
И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;
Тщетно скитаюсь я перед широковоротным Аидом.
Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих
Я не приду из Аида, тобою огню приобщённый! [24].*

Подобное погребение наблюдал на Волге в 922 г. арабский дипломат **Ибн-Фадлан**. Он оставил подробное описание всего длительного погребального ритуала и записал интересный диалог арабского переводчика с одним из русских

купцов, выявляющий идеологическое обоснование сожжения покойников. Когда только что разгорелось пламя грандиозного костра, поверх которого русы взгромодили ладью с покойником, русский сказал арабу-переводчику: *«Вы, о, арабы, – глупы! Воистину вы берёте самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в землю, и съедают его прах и гнус и черви... А мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас»* [51, с. 83].

Две руки являются дверками не только в сказочный, но и в загробный мир. В обряде похорон руса, описанном *Ибн-Фадланом*, рассказывается о процессе заглядывания в загробный мир, в котором участвует девушка, предназначенная в жертву. Для выполнения такой церемонии изготавливались большие деревянные ворота. Поднятая над воротами, девушка сказала, что она видит умерших отца с матерью, всех своих умерших родственников. Очевидно, что изначальное притворство родителей, побуждающее детей заглядывать за две руки, сыграло далеко не последнюю роль в генезисе подобного рода взглядов на загробный мир.

Ворота – универсальный символ, разграничивающий этот и иной миры, который встречается в мифологических системах у самых разных народов. Попадая в загробный мир, герои обнаруживали заснувших мёртвым сном родичей, которые пребывают в обществе мифических первопредков, чудовищ. В сказках ворота могут состоять из человеческих органов [5, № 104]. Эти ворота могут охранять страшные львы [Там же. № 131], змеи [Там же. № 129]. Чудесные ворота могут открываться по команде.

Притворство могло породить и другой широко распространённый миф, согласно которому изначально люди были бессмертны, поскольку могли сбрасывать ужасную морщи-

нистую маску, покрывающую их лицо, и вновь становиться молодыми. Британский антрополог **Б. Малиновский** (1984-1942) в книге «Магия, наука и религия» приводит туземный миф, согласно которому в загробном мире «человек стареет, покрывается морщинами; а затем он омолаживается, сбрасывая кожу. Точно также делали люди в первобытные времена, когда они жили под землёй. Когда они впервые вышли на поверхность, то ещё не утратили этой способности; мужчины и женщины могли вечно оставаться молодыми» [45, с. 124]. Очевидно, что роль ужасных морщин, покрывающих лицо в загробном мире, играли пальцы, прикрывающие лицо. Эти смоченные слезами **морщины** со временем стали сказочным **морем синим**.

Обитатели загробного мира крайне разнообразны: чудовища, духи, души умерших и т. д. Надо сказать, что издревле герои, врачеватели, шаманы частенько отправлялись в мир иной, в страну духов и предельно реалистично описывали её обитателей. Между тем, все эти духи, души столь же загадочны для толкователей мифов, как и во времена **Лукреция Кара**, который в своей поэме «О природе вещей» писал:

*Так как природу души совершенно не ведают люди:
В чреве ль рождается она, или внедряется после рождения?
Гибнет ли наша душа, отделившись от тела по смерти?
В Оркуса мрак ли исходят, в пустых ли витает*

пространствах

Или по воле богов переходит в различных животных...

[43, с. 358]

Упорядочить представления об обитателях загробного мира позволяет натуральная маска смерти. Она даёт возможность увидеть «мир теней», а также Танатоса, который в греческой мифологии является олицетворением смерти.

В трагедии Еврипида «Алкеста» [26] воспроизведён миф о том, как Геракл отбил у Танатоса Алкестиду. Подобного рода подвиги свойственны нам с младенческих лет.

Первозданные маски (хари) позволяют предельно наглядно продемонстрировать Харона, который на своей утлой лодочке перевозит души покойников через Ахерон. Для воспроизведения этих мифических персонажей достаточно одну руку вложить в другую, причём вложенная рука должна захватить (схватить) страдальца, который намерен покинуть этот свет. Большой палец этой руки и есть Харон. Он является также хронометром, который отсчитывает сроки на руке.

Предсмертный захват рукой тела породил представление о проводниках в иной мир. **Психопомп** (греч. *ψυχοπομπός* – «проводник душ») – существо (дух, ангел), которые во многих религиях ответственно за сопровождение душ умерших в иной мир. Роль проводника душ умерших исполняли также боги. Эти проводники часто изображались на погребальных принадлежностях. По вполне объяснимым причинам чаще всего в качестве таких проводников выступают животные и птицы или антропоморфные существа с животными масками. В разные времена в разных культурах проводники в мир иной ассоциировались с лошадьми, козодоями, собаками, воронами, совами, воробьями и оленями. В Египте сопровождением души после смерти занимался Анубис – шакалоголовый бог. Покровительствовал умершим бог Упаут, изображавшийся в образе пса. И здесь прослеживается интересная связь собаки, волка или шакала с «загробным миром». В славянской мифологии психопомп выступал Серый Волк. В греческой мифологии умерших в Аид провожали Харон, Геката, Гермес, Морфей, Танатос.

Учѐт рук как первой маски позволяет пролить свет на широкий круг проблем, связанных с осмыслением истоков веры в загробную жизнь. Естественная маска смерти предельно выразительно манифестирует предсмертные муки. Эта маска бесконечно архаичнее любой искусственной маски. Именно эта маска, а не различного рода поделки, чаще всего используется для выражения ужаса перед смертью, готовности наложить на себя руки и т. д. Маска смерти не вычеркнута из заупокойных ритуалов цивилизованных людей. Сложенные на груди покойника руки воспроизводят эту маску. Эта маска сыграла огромную роль в манифестации не только смерти, но и смертельно опасных мест, существ, процессов. Аналогами этой маски являются изображения черепов на опасных объектах: столбах высоковольтных передач, подстанциях, ядохимикатах и т.д.

Выводы: *переход к прямохождению сделал материнские руки не только основным транспортным средством, но и основной средой обитания грудных младенцев. Эта среда нашла детальное отражение в волшебных сказках, а также в древних мифологических системах. Исходный рукотворный мир породил представление о золотом веке человечества, о божествах, сказочных существах, растениях, горах, водоёмах, сказочных странах, царствах, с которыми связаны истоки человеческого бытия, сказочная древность. С материнскими руками связаны также исходные представления о человеческих страданиях. Материнские руки породили представление царстве смерти, об адских муках, о мире, полном страданий и слѐз, которые сыграли большую роль в обозначении смертельно опасных мест и процессов.*

Литература

1. *Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. – М.: Армада-пресс, 2002. – 320 с.
2. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Около 12 000 слов / сост. К.З. Хамзин, М.И. Махмутов, Г.Ш. Сайфуллин. – Казань: Тат.книж. изд-во, 1965. – 853 с.
3. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни: Избранные статьи. – М.: Современник, 1983. – 464 с.
4. *Афанасьев А.Н.* Мифы, поверья и суеверия славян: В 3 т. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastika, 2002. – Т. 1. – 800 с.
5. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 3 т. – М.: Наука, 1984-1986.
6. *Бим-Бад Б.М.* Педагогическая антропология: Учебное пособие. – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 576 с.
7. *Боас Ф.* Ум первобытного человека. – М.- Л.: Гос. изд-во, 1926. – 153 с.
8. *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1983.
9. *Буслаев Ф.И.* Эпическая поэзия // Народный эпос и мифология. – М.: Высш. школа, 2003. – 400 с.
10. Былины / Сост. В.И. Калугин. – М.: Современник, 1986. – 559 с.
11. *Воронцов В.А.* Название цен в разносистемных языках // Двухязычие: типология и функционирование. – Казань, 1990. – С. 94-96.
12. *Воронцов В.А.* К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии человека // Природа психического: тезисы докладов. – Пермь, 1994. – С. 47-48.
13. *Воронцов В.А.* Природа языка и мифа. – Казань: ИНТЕЛ-ПРЕСС, 2008. – 473 с.
14. *Воронцов В.А.* О природе вещей и педагогической археологии. – Казань, Intelpress+, 2009. – 235 с.
15. *Воронцов В.А.* Антропоморфизм мифологического мировоззрения и его природа // Вестник казанского технического университета. Философия и история науки и техники. – 2010а. – № 3. – С. 218-222.

16. *Воронцов В.А.* Мировоззрение «золотого века» и его истоки // *Философия и общество.* – 2010. – №3. – С. 130-148.
17. *Воронцов В.А.* Подлинные истоки волшебной сказки. – Казань: Intelpress+, 2011. – 268 с.
18. *Воронцов В.А.* К вопросу о движущих силах антропо-социо-культурогенеза // *Вестник экономики, права и социологии.* – 2012. – № 1. – С. 136-140.
19. *Воронцов В.А.* Археология мифа и слова // *Вестник казанского государственного университета культуры и искусства.* – 2012. – С. 91-95.
20. *Воронцов В.А.* Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза. – Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. – 415 с.
21. *Воронцов В.А.* Антропо-социо-культурогенез и техника тела // *Человек.* – 2012. – № 5. – С. 136-141.
22. *Выготский Л.С.* Проблемы развития психики // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6-ти т.* – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.
23. *Гоголь Н.В.* Майская ночь или утопленница // *Н.В. Гоголь. Собр. соч.: В VI т.* – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – Т. I. – С. 150-190.
24. *Гомер.* Илиада. – М.: Правда, 1984. – 432 с
25. *Гуругли.* Таджикский народный эпос. («Эпос народов СССР») – М.: «Наука», 1987. – 701 с.
26. *Еврипид.* Алкеста // *Трагедии.* – К.: Основы, 1993. – С. 21-62.
27. *Евсюков В.В.* Мифы о вселенной. – Новосибирск: Наука, 1988. – 175 с.
28. *Ельницкий Л.А.* Древнейшие океанские плавания. – М.: Географиз, 1962. – 86 с.
29. *Зеленин Д.К.* Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 230 с.
30. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие систмы (Древний период). – М.: Наука, 1963. – 245 с.
31. *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.И. Иохельсоном. – С.- Петербург: Тип. Имп. АН, 1900. – Ч. 1. – 187 с.

32. *Клинггер В.* Животное в античном и современном суеверии. – Киев: Тип. Импер. универ. Св. Владимира, 1911. – 352 с.
33. *Кон И.О.* В поисках себя: Личность и её самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
34. *Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – 270 с.
35. *Котов А.В.* Новый китайско-русский словарь. – М.: Рус. яз. медиа, 2004. – 605 с.
36. *Кызласов И.Л.* Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. – 1982. – № 2. – С. 83-92.
37. *Кэмпбелл Дж.* Мифический образ / пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. 683 с
38. *Лавик-Гудолл, Дж. ван.* В тени человека. – М.: Мир, 1974. – 264 с.
39. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / пер. с франц. – М.: Наука, 1983. – 535 с.
40. *Лёббок Дж.* Начало цивилизации. – СПб.: Ред. журн. «Знание», 1876. – 350 с.
41. *Линдبلاد Я.* Человек – ты, я и первозданный / пер. со швед. – М.: Прогресс, 1991. – 259 с.
42. *Лоренц К.* Так называемое зло. – М.: Культурная революция, 2008. – 616 с.
43. *Лукреций Кар Т.* О природе вещей / пер. с лат. – М.: ОГИЗ, 1933. – 210 с.
44. *Маковский М.М.* Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. – М.: Высш. шк., 1989. – 200 с.
45. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия / пер. англ. – М.: Рефл-бук, 1998. – 527 с.
46. *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский мифологический эпос. – М.: Наука, 1979. – 228 с.
47. *Мид М.* Отцовство у человека – социальное изобретение // Семья: Книга для чтения: В 2 кн. – М.: Политиздат, 1991. – Кн. 1. – С. 205-221.
48. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов.энцикл., 1991-1992. – Т 1-2.

49. *Мортон А.Л.* Английские утопии / пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 252 с.
50. *Потанов Л. П.* Культ гор на Алтае // Советская этнография. – 1946. – №2. – С. 145-160.
51. Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на Волгу / пер. с араб. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 193 с.
52. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Изд-во Ленингр. унив-та, 1946. – 384 с.
53. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленинг. ун-та, 1986. – 368 с.
54. *Ревуненкова Е.В.* Миф – обряд – религия. Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии. – М.: Наука, 1992. – 216 с.
55. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 766 с.
56. *Рифтин В.Л.* Юй // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 678.
57. *Садовников Д.Н.* Загадки русского народа // Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – СПб.: Тип. Мин. внутр. дел, 1901. – 440 с.
58. *Семенов Ю.И.* Как возникло человечество. – М.: Наука, 1966. – 576 с.
59. *Соболев А.Н.* Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно исторический опыт исследования древнерусского народного мировоззрения). – СПб.: Лань, 2000. – 272 с.
60. *Сорокина Т.С.* История медицины: учебник для студ. высш. мед.учеб. заведений. – М.: Академия, 2006. – 560 с.
61. *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. – М.: Изд. полит. лит-ры, 1972. – 303 с.
62. *Сточик А.М.* Избранные лекции по курсу истории медицины и культурологии: курс лекций. – М.: МГП «Эрус», 1991. – Вып. 1: Становление человека и человеческого общества. Возникновение медицины. – 29 с.
63. *Тайлор Э.Б.* Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.

64. Татарское народное творчество: В 14 т. – Казань: Раннур, 2001. – Т. 2. – 400 с. (Волшебные сказки).
65. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 862 с.
66. *Токарев С.А.* Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
67. *Топоров В.Н.* Гора // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. I. – С. 311-314.
68. *Топоров В.Н.* Растения // МНМ. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 368-371.
69. *Ушинский К.Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Максимова В.И. Педагогическая антропология. – М.: АСАДЕМА, 2001. – С. 76-196.
70. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1964-1973. – Т. 1 – 4.
71. *Фейербах Л.* Сущность христианства. – М.: Директ-медиа. – 2002. – 751 с.
72. *Фрейд З.* Мы и смерть. – СПб.: Вост.-Европ. ннст. Психологического анализа, 1994. – 25 с.
73. *Фридман Э.П.* Занимательная приматология. – М.: Знание, 1985. – 190 с.
74. *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
75. *Хайтун Д.Е.* Тотемизм. Его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958. – 151 с.
76. *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Теннер Дж.* и др. Биология человека / пер. с англ. – М.: Мир, 1979. – 611 с.
77. *Хрисанфова Е.Н., Мажута П.М.* Очерки эволюции человека. – Киев: Наукова думка, 1985. – 135 с.
78. *Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Блендова Н.С.* Происхождение знакового поведения. – М.: Научный мир, 2004. – 280 с.
79. *Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. – Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1936. – 573 с.
80. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии // пер. с англ. – М.: REFL-book, К.: Bakler, 1996. – 288 с.

81. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л.М.Н.П.С). – М.: Мысль, 1965. – 445 с.
82. Якушин И.Я. Гипотезы о происхождении языка. – М.: Наука, 1984. – 135 с.
83. *Abrahamsson H.* The Origin of Death. Studies in African Mythology. – Uppsala: Studia Ethnographica Uppsaliensia, 1954. – 420 p.
84. *De Wall F.* Chimpanzee Politics. Power and Sex among Apes. – London: Jonathan Cape, 1982. – 223 p.
85. *Grimm J. Reinhart Fuchs.* – Berlin: Bei Reimer, 1834. – 452 s.
86. *Kroeber A.L.* Gros ventre myths and tales // Anthropological papers. Amer. Museum of Natural History, 1907. – Vol. 1. – Pt. III. – P. 55-139.
87. *Lovejoy C.O.* Reexamining human origins in light of *Ardipithecus ramidus* // Science. – 2009. – Vol. 326. – No. 5949. – P. 74, 74e1-74e8.
88. *Savage-Rumbaugh E.S.* Hominid evolution: looking to modern apes for clues // Hominid Culture in Primate Perspective. – Niwot: University Press of Colorado, 1994. – P. 7-49.
89. *Schirokauer A.* Die Stellung Asops in der Literatur des Mittelalters // «Festschrift für Wolfgang Stammers». – Berlin: Schmidt, 1953. – P. 179-191.
90. *Tobias P.V.* Evidence for the early beginnings // Cambridge Archeological Journal. – 1998. – Vol. 8. – № 1. – P. 72-78.
91. *Underwood H. G.* The Call of Korea, Political, Social, Religious. – N. Y.: Fleming H. Revell Compani, 1908. – 220 p.

Глава 2

ИСХОДНЫЙ ЯЗЫК ГЕОГРАФИИ И ЕГО ИСТОКИ

---

*И задрожит в руке твоей
Первоначальной жизни слово.*

Я. Полонский

*Где у человека болит, туда он
и руку прикладывает.*

Русская народная пословица

2.1. Взгляды исследователей на исходный язык

Огромную роль в становлении не только географии, но и всей человеческой культуры сыграл язык, без которого не может быть культурного социума, сознательных форм трудовой деятельности. Истоками знакового общения занимаются лингвисты, антропологи, психологи, этнологи, этнографы, педагоги. Со времен древних греков природа исходного языка глубоко волнует и философов, однако единый взгляд на природу языка до сих пор не выработан.

Авторы книги «Происхождение знакового поведения», выражая широко распространённое в науке мнение, пишут: «*Время, когда у человека или его эволюционных предшественников зарождалось и складывалось знаковое поведение безвозвратно ушло в прошлое*» [60, с. 8]. Между тем ещё *Лукреций Кар* протестовал против отчуждения глоттогенеза и попыток связывать его с процессами, которые безвозвратно ушли в прошлое. В своей поэме «О природе вещей» он писал:

*Невелико тут различие с тем, что и ныне мы видим.
Именно: немощность речи детей заставляет прибегнуть
К телодвижениям и на предметы указывать пальцем*
[30, с. 146].

Сходный взгляд на истоки языка высказывал и немецкий теоретик искусства **Г. Лессинг** (1729 – 1771). В своём труде «О происхождении языка» он писал: «Первый человек мог быть научен языку: он мог к этому прийти так же, как сейчас к этому приходят все дети» [29, с. 50]. Подобного рода идеи не чужды и современным исследователям. Так, например, известный советский лингвист **В.И. Абаев** (1900 – 2001) в статье «О происхождении языка» отстаивает мысль, что «*формирование сознания и речи у детей в “сгущенном” виде повторяет процесс формирования сознания и речи у первобытного человека*» [1, с. 19].

Малый объём мозга не мешает детям эффективно усваивать знаковое поведение. Не следует удивляться тому, что абсолютно бездоказательными оказались попытки связать истоки языка с объёмом мозга. Согласно гипотезе «мозгового Рубикона», достижение «подлинно человеческого» культурного уровня и появление речи у тех или иных гоминид определяется тем, достиг ли объём мозга 750 см³. Эта гипотеза была выдвинута в начале XX века английским антропологом **А. Кизсом** (1866 – 1955). Исходя из этой гипотезы, первыми обладателями языка могли быть архантропы, но открытие «хоббитов», обитавших на острове Флорес 18 тыс. лет назад, чей мозг составлял примерно 400 см³, подорвало всякое доверие к этой умозрительной гипотезе. Несмотря на малый объём мозга, эти гоминиды умели делать орудия, пользоваться огнем, охотиться на карликовых слонов – стегодонов [86]. Такой культурный уровень предполагает наличие речи.

Истоки глоттогенеза не удаётся связать также с началом фабрикации орудий. Так, например, орангутанг в опытах американского этолога **Р. Райта** за десять занятий научился откалывать от камня отщепы, чтобы перерезать ими веревки, мешающие добраться до пищи [96]. А бонобо Канзи в опытах американских приматологов **Н. Тома** и **С. Сэвидж-Рамбо** изобрел свой собственный способ изготовления орудий: он бросал камень на твердый пол или другой камень и получал необходимые сколы с острыми краями [18, с. 285, 287]. Все это говорит о том, что представление о необходимой форме простейших орудий и навыках их фабрикации может существовать и при отсутствии языка.

Проблемы у исследователей возникают не только при осмыслении истоков глоттогенеза, но и при вычлениении той дисциплины, которая должна стать лидирующей при решении проблемы глоттогенеза. Способность грамматического искусства постигать природу языка всегда вызывала сомнения даже у лингвистов. Эти сомнения не исчезли в эпоху наибольших успехов компаративистики. В недавно вышедшем учебнике, принадлежащем перу одного из самых авторитетных специалистов в области компаративистики **С.А. Старостину** и его ученице **С.А. Бурлак**, говорится: «*Вопрос о происхождении человеческого языка, строго говоря, не относится к компетенции компаративистики, но обращают его обычно именно к ней*» [3, с. 173]. Действительно, уже около 200 тыс. лет назад в Африке жили анатомически современные люди, и гипотезы о происхождении языка непременно должны это учитывать. Ностратическая макросемья (объединяющая индоевропейские, уральские, алтайские, дравидийские, картвельские и, предположительно, ряд других языков) и сино-кавказская (включающая северокавказские языки с сино-тибетскими, енисейскими и, возможно, еще

некоторыми) распались примерно 14 тысяч лет назад. Таким образом, попытки экстраполировать на время глоттогенеза данные, полученные в рамках сравнительно-исторического языкознания, лишены всяческих оснований. Разумеется, это вовсе не говорит о том, что звуковой язык не может быть эффективно использован для реконструкции изначального языка наших животных-предков. Этот язык не мог быть звуковым, но мог быть детально описан посредством звукового языка.

Не только лингвисты, но и философы склонны высказывать сомнения по поводу возможности решить столь комплексную проблему. Вот что пишет по данному поводу автор книги «К истокам языка» советский и российский философ **О.А. Донских**: *«К истокам языка нас ведут археологи, антропологи, этологи, лингвисты, этнографы, философы и пр. Но сколько-нибудь полного представления о возникновении языка ни один из них дать не может»* [16, с. 11].

Широко известны следующие гипотезы о происхождении языка гоминид:

- 1) *гипотеза божественного происхождения языка;*
- 2) *гипотеза ручных жестов;*
- 3) *гипотеза людей-изобретателей языка;*
- 4) *гипотеза случайного изобретения языка;*
- 5) *гипотеза жизненных шумов;*
- 6) *гипотеза звукоподражания;*
- 7) *гипотеза аффекта* [15, с. 180-181].

Обоснованность подобной классификации не может выдержать серьёзную критику. Так, например, её создатели не приняли во внимание тот факт, что гипотеза о примате языка жестов может не конкурировать с целым рядом указанных гипотез, а консолидировать их. Она делает более убедительными гипотезы аффекта или случайного, непред-

намеренного изобретения языка, поскольку рефлекторные жесты обладают большой выразительностью, содержательностью, архаичностью и непреднамеренностью. Не противоречит она и гипотезе божественного происхождения языка, поскольку именно руки породили представление о божествах, творцах, подателях всех благ. Опровергать божественное, сверхъестественное происхождение языка, а также высказывать альтернативные взгляды, можно, только имея твердые представления о природе богов, сверхъестественного, чудесного. Сверхприбыль – прибыль, сверхразум – разум, **сверхъестественное – естественно**. Трактовка сверхъестественного как неестественного позволяет весьма вольно оперировать такими понятиями как «чудо», «божество», предельно мистифицируя их, подрывая доверие к традиционным учениям о природе изначального жестового (божественного) **Слова**, неразрывно связанного с творением, воспроизводством рукотворного универсума, человека, социума, культуры.

Согласно представлениям многих народов, проживающих в различных частях ойкумены, язык создан божественным началом. В ведийской мифологии «установление имен» равнозначно акту творения. Поэтому в «Ригведе» божественный творец вселенной Вишвакарман – одновременно и Всеобщий ремесленник, и Господин речи [33, с. 237, 238].

В Евангелии от **Иоанна** исконная связь языка с Богом выражена в своей предельной форме: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*» [17, I, 1]. Попытки подправить евангелиста и поставить в начале дело не имеют серьезных оснований. Божественное Слово изначально было действенным, а вещание – вещественным. Наши миры, демоны, монстры демонстрировали дюймы, меры, миры, мироздания в гробовой тишине. Интересно отметить,

что в средненемецком языке *Daumen* – «большой палец». Большой палец руки (Властелин колец, мер, миров) способен манифестировать не только все первые количественные представления, все рукотворные кольца, все первые единицы (соло), но и все первозданные словеса (рис. 31). Все эти соло, словеса могли улавливаться в кулак. Интересно отметить, что в тюркских языках, например, в казахском, *сөйлеу*, *деу* 'говорить'; *дәу* 'великан, гигант'; *құлақ* 'ухо' [51]. **И. Ньютон** (1642–1727) считал: «*При отсутствии иных свидетельств, один только большой палец убедил бы меня в существовании Бога*» [Цит. по 35, с.5]. Следует заметить, что в древненемецком *biog* «сустав» [49, с. 48].

В Библии ничего не говорится о том, каким было первое вещание, первое Слово, первое божество: жестовым, печатным, звуковым и т.д., хотя и известен случай общения божества с людьми посредством букв. По преданию, которое нашло отражение как в Библии, так и у древнегреческих авторов (**Геродота**, **Ксенофонта**), в ночь взятия Вавилона персами был устроен «валтасаров пир». В разгар пира, на котором в качестве чар для питья использовались священные сосуды, захваченные из иерусалимского храма, и прославлялись вавилонские боги, таинственная рука начертала на стене надпись. Иудейский мудрец Даниил истолковал эту надпись как предупреждающую гибель.

Первые истолкователи Библии всерьёз полагали, что Адам с Богом общались на звуковом древнееврейском языке. Рост самосознания народов привел к появлению истолкователей, настаивавших на приоритете самых разных национальных языков. В своих попытках постигнуть природу языка любознательные люди издревле прибегали не только к сказаниям, идущим из глубины веков, но и к прямому эксперименту. В «Общей истории империи моголов» по поводу

подобного эксперимента говорится следующее: «Акбар захотел узнать, каким языком стали бы говорить дети без всякого обучения, так как он слышал, что еврейский язык был естественный язык тех, которые не были научены никакому другому. Для этого он взял двенадцать грудных детей, заключил их в замок, в шести милях от Агры, и отдал их на воспитание двенадцати немым кормилицам. Привратнику, который также был немой, запрещалось под страхом смерти отворять ворота замка. Когда они достигли двенадцатилетнего возраста, то он велел привести их к себе и призвал в свой дворец людей, знающих все языки. Один Еврей, находившийся в Агре, должен был судить, по-еврейски ли будут они говорить. Было не трудно отыскать в столице также Арабов и Халдейцев. С другой стороны, Индийские философы утверждали, что дети заговорят на Санскритском языке, который у них заменяет Латинский и который в употреблении только у ученых, изучающих его для того, чтобы понимать древнеиндийские философские и богословские книги. Но когда дети предстали перед Царем, все были поражены удивлением, они не говорили вовсе ни на каком языке. Они научились от своих кормилиц обходиться без всякого языка и выражали свои мысли одними жестами, которые им заменяли слова» [Цит. по: 53, с. 105-106]. То, что попавшие в звуковую изоляцию дети не говорили на древнееврейском языке, было настоящим потрясением для ортодоксальных иудеев, христиан, мусульман. Они не допускали мысли, что язык от Бога может быть жестовыми и общепонятным. Между тем религия такой возможности не исключает.

На обширных территориях Азии и Африки, где не прервана нить традиций, люди понимают жесты своих многоруких божеств (рис. 31). Многорукость позволяет передавать пространственные сообщения верующим. Канонические жес-

Рис. 31. Властелин колец
(большой палец).
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 32. Так брахманы
изучают Веды.
Графика В.А. Воронцова

ты-мудры каждый индиец заучивает с ранних лет (рис. 32). Эти жесты играют огромную роль в йоге. Они служат средством общения между адептом учения и божеством. Каждая молитва, каждая медитация сопровождаются строго определёнными жестами, полная система которых насчитывает 108 мудр, а с модификациями – несколько сот. Так, утренняя молитва ведантистов содержит их 24, а они изображают столько же видов Вишну. Обращение к рукам во время молитвы характерно не только для индусов.

Очевидно, что нашим божествам, нашим пенатам (греч. *penta* «пять»), которые приведены на рис. 33, присущ язык жестов. Пенаты являются не только создателями и хранителями нашего первого жилища, но и хранителями первого языка. Они позволяют пенять весьма красноречиво. Суставы (бабки) послужили прообразами первых антропомор-

Рис. 33. Древние божества.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 34. Венера из Дольни-Вестонице. Керамика. Чехия

фных скульптур, первых искусственных кукол. На рис. 34 приведена древнейшая известная науке керамическая статуэтка, получившая название Вестоницкая Венера.

Рука как символ божества, защиты присутствует в культуре самых разных народов. Так, например, Хамса (араб. *خمسة*, ивр. *חמשה*) – защитный амулет в форме ладони, которым пользуются евреи и арабы (рис. 35). Другое название – «рука бога». Слово *хамса* имеет семитские корни и значит «пять».

Ладошки являются чудесным **лотосом** (рис. 20), с которым связано появление многих божеств в индуизме. Так, например, богиня благословения, изобилия, процветания, богатства, удачи и счастья Лакшми (рис. 36) появилась из лотоса, поднявшегося над головой Нараяны. Связь подобного генезиса с пантомимой более чем очевидна. Понять природу

Рис. 35. Хамса. Бронза.
Израиль. XXI в.

Рис. 36. Богиня Лакшми.
Бронза. Индия. XXI в.

божеств, приведённых на рис. 37, также можно, если соотнести их с пальцами руки.

С исходным культурным слоем (руками) связаны и представления о сказочных и мифических животных (рис. 5-17). Следует заметить, что сказочные животные, божества способны породить не только язык жестов (язык животных, богов), но и звуковой язык. Пасть (пять) животного-божества может издавать громкие щёлкающие звуки, которые до сих пор используются при общении, в ритуальных танцах и т.д. Щёлкающие звуки считаются весьма архаичными.

Очевидно, что первый артикуляционный аппарат (пять-пасть) отличается универсальностью и действенностью. Он может пригрозить, указать, наказать, наградить. Таковыми были и языческие божества, породившие исходный язык, исходное Слово. В древнеиндийской мифологии *Вач* – боги-

Рис. 37. Брахма и его супруга Сарасвати. Бронза. Индия

на речи, персонификация вещания. Вместе с тем, *«она владычица и собирательница богатств, наделяет ими всех». Вач «порождает споры между людьми и насыщает тех, кто слышит сказанное ею. В. многообразна. Она несёт Митру, Варуну, Индру, Агни, Ашвинов, Сому, Тваштару, Пушана и Бхагу; вместе с нею – Рудра, Васу, Адити, все боги. Её называют божественной, царицей богов»* [33, с. 219, 220].

В книге советско-российских филолога **И.Н. Горелова** (1928 – 1999) и психолога **В.Ф. Енгальчева** «Безмолвный мысли знак, рассказы о невербальной коммуникации» говорится, что *«каждая мудра не только помогает психологическому настрою на единение с определённым божеством, но и физиологически способствует душе человека выходу в так называемый астрал – иное измерение бытия»* [13, с. 191, 192]. В странах Востока (Индия, Китай и т. д.) издревле знают целительную силу сложенных определенным образом пальцев – «мудр». Эти знания продолжают сохранять актуальность и быстро распространяются по всему цивилизованному миру.

Следует заметить, что европейские божества стали молчаливыми далеко не сразу. Так, например, издревле любили общаться с людьми греческие боги, которые зачастую трапезничали за одним столом с простыми смертными. Этот процесс общения засвидетельствован во многих мифах, легендах.

Французский философ **Э.Б. де Кондильяк** (1714 – 1780) в своей книге «Опыт происхождения человеческих знаний» придерживался мнения, что изначально предки всех людей (включая евреев) пользовались жестовым языком, поскольку *«орган речи был настолько негибким, что с лёгкостью воспроизводил только несколько очень простых звуков»* [23, с. 185]. По его мнению, стремясь понять «томимого потребностями» ребенка», родители учили *«его сообщать свои мысли жестами и выражаться таким способом, при котором чувственные образы были гораздо более доступны ему, чем членораздельные звуки»* [Там же. С. 185, 186]. Как и **Лукреций Кар**, **Кондильяк** ориентируется при решении сложнейшей проблемы антропосоциокультурогенеза на исходные проблемы воспитательного процесса, на медицинскую семиотику, а не на умозрение.

Кондильяк полагал, что звуковой язык вытеснил язык жестов далеко не сразу, поэтому Священное писание даёт нам *«бесчисленные примеры»* бесед на жестовом языке. Ссылаясь на множество странных поступков и действий пророков, он показывает, что *«при помощи этих движений пророки извещали народ о воле господ и беседовали знаками. Некоторые люди, не зная, что язык жестов был у евреев общепринятым и обычным способом беседовать, осмелились называть эти телодвижения пророков нелепыми и фанатичными»* [Там же. С. 186, 187]. Наблюдательность и проницательность этого философа не может не восхищать.

Язык жестов не чужд европейской цивилизации. **Кондильяк** пишет, что древним римлянам пантомимы нравились больше, чем игра других актёров, «потому что на воображение гораздо сильнее воздействует язык, целиком состоящий из телодвижений. Наконец пристрастие к этому роду зрелищ достигло до такого уровня, что с первых лет правления Тиберия сенату пришлось установить регламент, запрещающий сенаторам посещать школы мимов, а римским всадникам составлять их кортеж на улицах» [Там же. С. 205].

Кондильяк отнюдь не первый заговорил о примате жестового языка. Так, например, итальянский философ, социолог, юрист **Д. Вико** (1668–1774) в своей книге «Основания новой науки об общей природе наций» попытался доказать, что каждый народ проходит в своем развитии три эпохи: божественную, героическую и человеческую, причем язык в своем развитии также проходит три стадии. По мнению **Вико**, первым был «божественный умственный язык посредством немых религиозных движений, т.е. божественных церемоний; от него сохранились в Гражданском праве у Римлян *acta legitima*, сопровождавший все их граждански-полезные дела. Этот язык подобает Религиям на основании того вечного свойства, что для них важнее то, чтобы их почитали, чем то, чтобы рассуждали о них. Он был необходим в те первые времена, когда языческие люди не умели ещё артикулировать» [7, с. 386].

Вико игнорировал тот факт, что процесс развития предполагает накопление знаковых систем, а не их смену. Он также не учитывал, что звуковой язык может господствовать только в непроизводственных сферах, в ненаучной литературе. Без образных языков, без геометрии, графиков, черчения сложно представить подлинную науку, осмысленное производство. Без предварительных расчётов, измерений,

геометрических построений труд становится ненамеренным, инстинктивным, животным. Вместе с тем, взгляды **Вико** на истоки языка были шагом вперёд, поскольку порывали с традицией выдавать звуковые языки, подверженные непрерывным изменениям в пространстве и времени, за истинный язык человечества.

В 1644 выходит в свет книга английского философа **Дж. Балвера** (1606–1656), в которой находят отражение жесты, связанные с разными сферами человеческой деятельности: риторика, медицина, психология, педагогика, искусство, физиогномика (физиогномика представляет собой учение о том, как отражаются в чертах, формах и выражениях лица человека его внутренние – психологические и ментальные – качества), хирология (язык линий ладоней и бугорков рук), хирономия (мануальная риторика) и хиромантия (искусство гадания по руке) [62]. По **Балверу**, именно язык жестов является естественным, природным образованием, в отличие от придуманного звукового языка, и уже потому достоин самого серьёзного изучения. Вслед за **Балвером**, многие его современники стали считать язык жестов универсальным, избежавшим Вавилонского смешения языков. Этот язык прост в использовании, нагляден и удобен в общении, поэтому его все знают и понимают, а звуковые языки породили разноязычие, отчуждённость, войны. Это разноязычие, согласно библейскому учению, издревле трактовалось как «наказание Божие».

После работ **Д. Вико** и **Дж. Балвера** гипотеза о приоритете жестового языка стала регулярно воспроизводиться в научной и философской литературе. Эту гипотезу пытались развить многие исследователи. Среди такого рода попыток следует, прежде всего, отметить исследования, проведённые **В. Вундтом** (1832 – 1920), который был не только врачом,

но и крупным авторитетом в области физиологии и психологии. Он является первым специалистом-психологом, который предпринял исследование глубинных процессов, связанных с функционированием языка. В книге «Физиология языка» **Вундт** утверждает, что происхождение языка может быть объяснено только в рамках психологии, поскольку *«язык есть всякое выражение чувств, представлений или понятий посредством движений»* [11, с. 33].

По мнению **Вундта**, в становлении вторичных знаковых систем огромную роль сыграл безусловный язык, который не требует предварительной условности. Соотнесение первичного образного языка со звуками смогло придать последним смысл. По этому поводу **Вундт** пишет: *«Итак, очевидно, что указательный корень соответствует указательной пантомиме, а предикативный корень – изобразительной пантомиме. Указательный жест также указывает на частности, на предметы присутствующие и на их взаимное отношение. Таким образом, указательный корень только обращает указательную пантомиму в звук. Изобразительная пантомима старается скопировать представление и тем вызвать такое же представление в воображении другого. Следовательно, предикативный корень только переводит изобразительную пантомиму в звук»* [Там же. С. 38]. Мысль о том, что звуковой язык возник в ходе отражения пантомимы, что **корни звукового языка отражают изобразительную пантомиму**, предельно глубока. Она подрывает всякое доверие к этимологическим изысканиям, которые игнорируют этот факт. Она также дискредитирует любые попытки осмыслить мудрость древних сказаний, ученых, игнорируя **мудру** – язык жестов, язык богов.

Вундт трактовал артикуляцию как внутренние жесты, которые копируют внешнюю жестикуляцию. Идея **Вундта**

о внешних и внутренних формах жестикуляции получила своё дальнейшее развитие и конкретизацию в работах английского адвоката и исследователя природы речи **Р. Пэджемта** (1869–1955). В журнале «Тетради по мировой истории» в 1956 г. он опубликовал статью, в которой утверждается, что звуковой язык возник из пантомимических движений рук, которым бессознательно подражает рот, а движения последнего коррелируют с горловыми звуками [87, с. 399-426]. Такая синхронизация вполне естественна. Так, например, при откусывании хлеба, мы сжимаем одновременно и пясть (пасть), и зубы. Таким образом наша пясть (пасть), наша **щепоть** способны продемонстрировать предельно наглядно **щёпот** животных-предков, божеств, который лег в основу звукового языка.

Идеи **Вундта** нашли понимание у широкого круга исследователей. Так, например, крупнейший отечественный историк и филолог **А.Л. Погodin** (1872 – 1947) в своём фундаментальном труде «Язык, как творчество (психологические и социальные основы творчества речи)» пишет о психологических истоках языка жестов: *«Восходя в своей первооснове к инстинктивному разряжению энергии, жест ассоциировался самим производящим его лицом с известными переживаниями, сделался, как у глухонемых, символом, словом для аффектов; точно также он был понят и окружающими, так что жест стал средством выражения чувств. Отсюда мало-помалу развилась и другая сторона жестикуляции, показательная: человек показывал на себя, как на субъекта желаний и чувствований, на другого, как на объект их, на предметы, как на источник возбуждения. Когда такое употребление жестов получило всеобщее распространение, стала возможной и более сложная комбинация их для изображения, а не только указания предме-*

та. Как совершалось такое изображение, это уже второй вопрос. Жест сделался словом для обозначения конкретных предметов, а потом мог получить метафорическое значение («наставить рога» неверность и т. под.) и превратился в знак отвлечённого понятия, справедливости, любви, Бога и т.д.» [43, с. 120].

Широкое распространение кинетической речи, языка жестов в традиционных обществах уже давно засвидетельствовано исследователями. Так, например, французский философ и антрополог **Л. Леви-Брюль** (1857 – 1939) в своей книге «Сверхъестественное в первобытном мышлении» пишет, что «мы располагаем формальными свидетельствами об этом языке в отношении большого числа наименее развитых обществ. Спенсер и Гиллен совершенно ясно отмечают его существование в Австралии. «У варрамуंगा вдовам запрещается говорить иногда в течение 12 месяцев, в продолжение всего этого времени они общаются с другими лишь при помощи языка жестов. Они приобретают такое искусство в применении этого языка, что предпочитают пользоваться им даже в случаях, когда их уже ничто к этому не обязывает. Не раз бывает так, что среди собравшихся на стоянке женщин царит почти полное молчание, а между тем они ведут между собой весьма оживлённый разговор при помощи пальцев или, вернее, при помощи рук и кистей: множество знаков заключается в том, что последовательно придают разные положения рукам или, может быть, локтям. Они говорят таким образом очень быстро, и жестам их крайне трудно подражать. У северных племён для вдов, матерей и тётц покойников является обязательным молчание в течение всего траура, и даже по истечении этого срока женщины продолжают иногда не разговаривать. В туземной стоянке Теннат-Крик живёт в настоящее время одна очень старая

женщина, которая в течение 25 лет не произнесла ни одного слова»» [28, с. 125, 126].

Леви-Брюль приводит также сведения о языке жестов в немецкой Новой Гвинее, в Африке, в Америке. Так, например, в Южной Америке *«индейцы разных племён не понимают друг друга, когда они говорят звуками; для того чтобы беседовать между собой, они нуждаются в языке знаков»*. В Северной Америке язык жестов имел повсеместное распространение и *«можно было бы написать толстую грамматику языка жестов.... О богатстве этого языка можно судить хотя бы по тому факту, что индейцы двух разных племён, из которых каждый не понимает ни одного слова из звукового языка своего собеседника, могут полдня беседовать между собой, рассказывая друг другу всякие истории при помощи движений пальцев, головы, ног»* [Там же. С. 126-127].

Нет оснований искать языки жестов только у первобытных народов и отрицать их широкое применение цивилизованными людьми и народами при общении с иностранцами, глухими, а также с маленькими детьми. *«Желания и эмоции детей в самом раннем возрасте выражаются очень небольшим числом звуков, но множеством разнообразных жестов и выражений лица. Жесты ребёнка разумны задолго до того, как становится разумной его речь... Он выучивает слова по мере того, как ему их сообщают, и выучивает их при помощи жестов, которым его не обучают. Ещё долго спустя после того, как он освоится с речью, он следит за выражением лица и жестами родителей и няньки, стараясь найти в них объяснение их словам. Эти факты имеют большое значение по отношению к биологическому закону, что порядок развития индивида одинаков с порядком развития вида... Сумасшедшие понимают и повинуются жестам, когда не понимают слов... Доказано также, что слабоумным детям, способным*

усвоить лишь самые грубые начатки речи, можно сообщить довольно много знаний при помощи знаков, посредством которых они в состоянии также объясняться. Больные афазией продолжают употреблять соответствующие жесты. У заики приходят в движение руки и черты лица, как будто бы он решился, во что бы то ни стало выразить свою мысль, и эти движения выдают не только физическое усилие, но и унаследованный приём употребления жестов» [46, с. 198].

Л. Леви-Брюль, ориентируясь на опыт американского археолога и этнолога **Ф. Кэшинга** (Кашинга) (1857 – 1900), жившего среди индейцев и освоившего звуковой и жестовый языки индейского племени, популяризировал в своей книге «Сверхъестественное в первобытном мышлении» метод, позволяющий понять особенности первобытного мышления. Он писал: «Прогресс цивилизации имеет своим источником взаимное воздействие руки на ум и ума (esprit) на руку. Следовательно, для того, чтобы воспроизвести мышление первобытных, нужно вновь найти те движения рук, в которых язык и мысль были ещё нераздельными. Отсюда и берётся смелое, но знаменитое выражение «ручные понятия». Первобытный человек, который не говорил без помощи рук, не мыслил также без них...

Говорить руками – это в известной мере буквально думать руками. Существенные признаки «ручных понятий» необходимо должны, следовательно, быть налицо и в звуковом выражении мысли» [38, с. 127, 128].

Надо сказать, что сам **Леви-Брюль** не воспользовался методом **Кэшинга** и не попытался отыскать ручные понятия в звуковом выражении мысли. Он писал: «Трудность применения метода, предложенного и употреблявшегося Кэшингом, крайне велика. Быть может, он один или люди, одарённые таким же исключительным предрасположением

и терпением, только и способны с пользой применить этот метод» [Там же. С. 127, 128]. Действительно, опыт **Кэшинга** уникален. Между тем для проецирования звукового языка на язык жестов вовсе не требуется знания жестового языка, характерного для того или иного сообщества. Такого рода жестовые языки являются вторичными или третичными. Они зачастую моложе звуковых языков. С методологической точки зрения более правильно звуковой язык соотносить с естественной системой жестов, которая отличается архаичностью, универсальностью и знакома всем людям на земле. Именно эта система должна пролить свет на исходную сеть категорий, на исходные представления, на природу сказочных и мифологических универсалий. Надо сказать, что попытки связать числительные с жестами – традиционны. Они практиковались задолго до **Кэшинга**.

Статья **Кэшинга**, напечатанная ещё в конце прошлого века, повлияла (не без посредства **Леви-Брюля**) на взгляды многих исследователей культуры, среди них – и на выдающегося советского режиссёра театра и кино, художника, сценариста, теоретика искусства **С.М. Эйзенштейна** (1898–1948). Найдя в университетской библиотеке статью **Кэшинга**, пролежавшую почти полвека не разрезанной, **Эйзенштейн** попробовал повторить его опыт. Занимаясь спустя ещё полвека (в семидесятых годах) в архиве **Эйзенштейна**, **Вяч. Вс. Иванов** нашёл его записи своих ощущений во время этого опыта, при котором *«двигательный акт есть одновременно акт мышления, а мысль – одновременно – пространственное действие»*. Когда **Эйзенштейн** увидел танцы туземцев острова Бали, он пришёл в восторг от того, как они близки к испытанному им опыту мышления *«ручными понятиями»*, когда *«танцем рук проходит поток мыслей»* [20, с. 51-62]. Это свидетельствует о высоких эстетических по-

тенциях языка жестов, а также об изначальном единстве актов мышления и выражения.

Большое влияние идеи *Кашинга* оказали и на советского лингвиста-востоковеда *Н.Я. Марра* (1854 – 1934), который считал крайне актуальным вопрос об обнаружении в звуковой речи следов переводов с кинетической речи. Изучая взаимосвязи языка и сознания, *Марр* особое значение придавал роли руки в формировании речевой способности и сознания людей. Он также придавал особую важность неразрывной связи ручного мышления и ручной речи. По его мнению, архаический процесс формирования речи протекал в направлении от «ручной речи» через произношение отдельных звуков и звукосочетаний к вербальной коммуникации [32, с. 181].

В. Вундт и его последователи зафиксировали огромную роль языка жестов в процессе приобщения животных и детей к самым различным вторичным знаковым системам, включая звуковой язык. Это подтвердилось в ходе сенсационного эксперимента, проведенного американскими учёными супругами психологами *Беатрис* (1933 – 1995) и *Алленом Гарднерами*, взявшими на воспитание детёныша шимпанзе по имени Уошо и развившими у него речевую активность. В 1969 г. в международном журнале «Science» появилась их статья под названием «Обучение шимпанзе языку знаков», в которой говорилось о том, что обезьяны способны использовать язык жестов в качестве средства общения [68]. До появления статьи *Гарднеров* исследователи были уверены, что обезьяну в принципе невозможно научить языку. При этом исследователи руководствовались догматическими представлениями о языке, против которых столь решительно и аргументировано выступил в свое время *В. Вундт*.

Многие исследователи коммуникации обезьян отмечают, что жестовая система у них гораздо более прогрессивна

и развита, чем звуковая система. В отличие от звуковой, она может быть произвольной, сознательной, а также допускает модификацию, коррекцию. Очень важно, что она обладает адресностью и ориентирована на взаимодействие. Кроме того, она у них открытая и допускает расширение спектра сигналов по мере надобности.

Большой объём информации, полученной в ходе наблюдения за общением человекообразных обезьян в природе, а также в ходе экспериментов по обучению их языкам-посредникам, приведён в работах [5, 6, 18].

Следует отметить, что гипотеза о примате кинетической речи отнюдь не решает проблему глоттогенеза, которая в этом случае сводится к выявлению причин, которые побудили наших предков ввести в культуру пантомиму. Решить данную проблему можно только в рамках общей теории антропосоциокультурогенеза. Отсутствие общепринятой теории антропосоциокультурогенеза побуждает исследователей высказывать самые разные суждения об истоках осмысленного знакового поведения.

По мнению советского историка и социолога *Поршнева* (1905 – 1972), вторая сигнальная система сложилась в противовес к первой сигнальной системе. *Поршнев* пишет: «*Вторая сигнальная система родилась как система принуждения между индивидуумами: чего не делать, что делать*» [44, с. 422]. Следует заметить, что для принуждения язык жестов более приспособлен, чем звуковой.

Современный новозеландский психолог *М. Корбаллис* считает, что, когда предки человека стали ходить на двух ногах, их передние конечности освободились. Это дало им возможность жестикулировать. Используя теорию происхождения звучащей речи от жестов, он пытается конкретизировать время возникновения звукового языка [63, 64].

Выпрямившиеся люди стали смотреть в лицо друг другу, поэтому роль мимики в общении резко возросла. В процессе изготовления орудий руки оказались заняты, основная нагрузка легла на мимические жесты (и сопровождающие их возгласы). Постепенно жесты сместились внутрь рта – превратились в артикуляцию языковых звуков. Приблизительное время, когда, по мнению **Корбаллиса**, это произошло, – около 40 тысяч лет назад, в период верхнепалеолитической революции, в ходе которой возникло и распространилось огромное количество культурных новшеств. Одним из таких культурных новшеств был и звуковой язык. **Корбаллис** игнорирует тот факт, что уже первые неантропы, появившиеся около 200 тысяч лет назад, имели очень развитые анатомические приспособления для членораздельной звучащей речи, которые не могли сформироваться «просто так», поэтому переход от жеста к звуку должен был произойти задолго до верхнепалеолитической революции. Следует заметить, что в ходе орудийно-трудовой деятельности звуковой язык не способен конкурировать с образными языками: жестами, рисунками, чертежами и т.д.

С жестами связывает происхождение языка и **М. Томаселло** – современный американский психолог, всемирно известный специалист в области развития коммуникации и кооперации у ребенка и высших приматов, директор Института эволюционной антропологии Макса Планка [93, 94]. С полным основанием он считает, что звуковые знаки появились после и на основе жестовых, поскольку не могли обеспечить референцию. Как и **В. Вундт**, он считает, что изначально звуковые сигналы выступали в качестве эмоционального дополнения к жестовой речи. **Томаселло** убежден, что характеристики человеческого сознания, необходимые для нормального функционирования языка, возникли из

нашего общего наследия с обезьянами, у которых просматривается тенденция разделять события и их участников, а также достигать цели посредством достаточно длинных последовательностей действий [52, с. 339, 340]. **Томаселло** также полагает, что чисто звуковой канал могла вызвать к жизни необходимость общаться на значительном расстоянии. Следует заметить, что при общении на значительных расстояниях чаще используются визуальные, а не акустические знаки. Так, например, моряки для общения на больших расстояниях используют не звуковой язык, а флажковый семафор.

Адаптивный смысл языка американский лингвист, публицист и философ **Н. Хомский** видит в обеспечении мышления. В своей книге «О природе и языке» он пишет: *«Язык не считается системой коммуникации в собственном смысле слова. Это система для выражения мыслей, т. е. нечто совсем другое. Ее, конечно, можно использовать для коммуникации.... Но коммуникация ни в каком подходящем смысле этого термина не является главной функцией языка»* [57, с. 114]. Между тем языки социальных существ (пчёл, термитов, муравьёв и т.д.) зачастую используются исключительно для коммуникации (пчела не станет танцевать в ходе досужего мудрствования), поэтому нет оснований считать, что и язык у наших предков возник для индивидуального пользования.

Английский лингвист **Д. Бикертон** связывает истоки звукового языка с появлением у хабилисов сигналов рекрутинга, которые позволяли быстро собрать к найденной туше большое число соплеменников [2]. Подобные звуковые сигналы существуют у самых разных животных и птиц. Так, например, они позволяют курице сзывать цыплят к найденному червяку или зёрнышку. Регулярное использование этих сигналов не ведёт к развитию артикуляционных способностей у животных и птиц, к появлению звуковых языков.

Американский нейроантрополог *Т. Дикон* утверждает, что особи стремятся всё более эффективно обманывать других (к собственной выгоде) и всё более эффективно распознавать обман сородичей (чтобы самим не быть обманутыми) [65]. Связь языка с обманом прослеживается и у *Д. Бикертонна*, Как справедливо замечает Пинкер [90, с. 29–30], в этом случае преимущество получили бы те, кто не владеет языком и тем самым недоступен для манипуляций со стороны злонамеренного окружения.

Американский психолог *Д. Миллер* (1920 – 2012) находил, что язык развился в первую очередь как средство продемонстрировать большие умственные способности при половом отборе [84]. Он явно игнорировал тот факт, что половой отбор достаточно далеко отстоит в жизни человека от периода овладения языком, происходящим в младенчестве. Кроме того, болтливость свойственна в большей степени женщинам. Мужчины во многих культурах ценятся по делам, а за многословие.

Близки к идеям *Миллера* взгляды французского специалиста в области когнитивистики *Жана-Луи Дессаля* [66], который полагает, что главным назначением формировавшегося человеческого языка было повышение статуса говорящего: превосходя других в речи, человек обеспечивал себе более высокий авторитет в обществе, а значит, лучший доступ к ресурсам, половым партнерам, коалициям особей, которые встанут в данном сообществе у власти. Оппоненты находят, что наивысшим воплощением языка, который развился для демонстрации самого себя, является синдром Вильямса – сочетание способности к беглой (и грамматически правильной) речи с глубокой умственной отсталостью.

Биогенетический закон предполагает, что существует строгий параллелизм между развитием человечества и раз-

витием ребёнка и онтогенез в кратком и сжатом виде повторяет филогенез. Исследователи детской речи обратились к дословесной системе коммуникации с целью найти семантические, грамматические, прагматические предпосылки речи в дословесных актах общения ребёнка. Эта система в настоящее время рассматривается исследователями в качестве протоязыка. Так, например, советско-российский психолог **Е.И. Исенина** в своей книге «Дословесный период развития речи у детей» пишет: *«Протоязык – это смысло-семантическая дословесная система средств коммуникации (физио-, мимио-, кинез- и вокознаков), формирующаяся в общении и совместной предметной деятельности ребёнка с матерью, имеющая социальный характер и служащая для коммуникации и выражения чувств, представлений об окружающем мире и о себе, соответствующих уровню общепсихического развития ребёнка»* [21, с. 151].

Швейцарский психолог **Ж. Пиаже** (1896 – 1980) развивал теорию, согласно которой основной фактор развития речи – становление сенсомоторного интеллекта ребёнка [36-42]. Опыт советских психологов показал, что умение манипулировать обычными предметами далеко не всегда способствует становлению речевой активности. Исследования также показали, что в первое полугодие ведущей является деятельность общения. Для периода 6-12 месяцев осмысленные действия с посторонними предметами не характерны. Лишь с годового возраста ребёнок начинает овладевать собственно предметными действиями, осмысливать социальную значимость предметов, методы, приёмы их использования. В «Детской психологии (Развитие ребёнка от рождения до 7 лет)» советский психолог **Д.Б. Эльконин** (1904–1984) предлагает в период до одного года ведущей считать деятельность общения, а после года – предметную деятельность [61]. Следует

заметить, что и *Эльконин*, и *Пиаже*, следуя укоренённому в науке предрассудку, полностью игнорируют предметный характер протоязыка, «вещественного вещания», изначального жестового Слова, породившего исходные меры, миры, меты, предметы. Если абстрагироваться от этого предрассудка, то противопоставление исходного общения и предметной деятельности теряет всякий смысл.

Маленькие дети усваивают жестовый язык легче, чем голосовой, поскольку предметность, наглядность, свойственная первому в гораздо большей степени, чем второму. Это ещё одно свойство, которое могло обеспечить жестовому языку исторический приоритет. Данные электрофизиологических исследований прямо говорят о том, что области мозга, связанные со звуковой речью, могут формироваться под влиянием импульсов, поступающих от пальцев рук. По мнению исследователей, очень хорошую тренировку движений пальцев у ребёнка обеспечивают народные игры с пальцами. Эти игры практикуются, когда ребёнок пребывает на коленях у матери или бабушки. Что касается признания пальчиковых игр официальной педагогикой, то приоритет в этой области принадлежит немецким специалистам. Ещё выдающийся немецкий педагог **Ф. Фребель** (1782 – 1852) выделил воспитательное значение пальчиковых игр и включил их в учебный план созданных им детских садов.

Надо сказать, что в Японии малышам начинают делать гимнастику для пальчиков в 2-3 месяца. На Руси в игры типа «Сорока», «Братья», «Ладушки» играли с детьми с самого младенчества. В процессе подобных игр, а отнюдь не в ходе обработки камня ребёнок приобщался к счёту, усваивал социальные термины и т.д. Вот пример пальцевой игры, которая называется «Пальчики»:

Этот пальчик – бабушка.
Этот пальчик – папа,
Этот пальчик – мама,
Этот пальчик – я,
Вот и вся моя семья!

Генетическая связь между развитием пальцев и артикуляционными потенциями голосового аппарата должна учитываться при решении проблем глоттогенеза. Следует заметить, что в корейской медицинской системе *суджок* рука – не что иное, как проекция всего человеческого организма: большой палец уподоблен голове, а четыре других – рукам и ногам; воздействуя на пальцы руки, можно влиять на весь организм. *И. Кант* с полным основанием полагал, что «рука – это выдвинувшийся вперёд человеческий мозг». Рука позволяет не только считать, мерить, намереваться, думать, но и передавать полученную информацию. Именно в языке жестов мысль и слово нераздельны. Таким образом не процесс обработки камня, а пальцевые игры, развивающих моторику пальцев, актуальны при изучении истоков знакового поведения, истоков мыслительного процесса.

Рассмотрение воззрений исследователей на истоки пантомимы свидетельствует, что до сих пор у исследователей отсутствует единство взглядов на причины, которые вызвали к жизни язык жестов, не выявлены также инициаторы этого процесса. До сих пор не конкретизирована и исходная система жестов, которая обеспечила исходные формы социализации и инкультурации. Решить данную проблему можно только в рамках общей теории антропосоциокультурогенеза.

2.2. Реконструкция исходного языка жестов отнюдь не противоречит мысли о том, что человеческая природа говорит на языке математики, роль которой в жизни социумов трудно переоценить. Факты свидетельствуют, что геометрия стала впервые осознанно использоваться отнюдь не предками человека. Так, например, расшифровка танцев пчёл показала, что в них закодирована геометрическая информация (рис. 38). Благодаря этой информации естественный социум оказывается способным консолидировать усилия своих членов в нужной точке с математической точностью. Очевидно, что танец в данном случае лишь средство кодирования геометрической информации. Нет оснований считать, что в жизни культурного социума (человеческого общества) геометрия менее актуальна, чем в жизни насекомых, а также полагать, что телесность приматов менее приспособлена для передачи геометрической информации, чем телесность пчёл. В книге «Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе» [9], показано, что наша телесность позволяет строить геометрические модели чисто рефлекторно. Так, например, сильная боль побуждает нас рефлекторно наносить координатную или мерную сет-

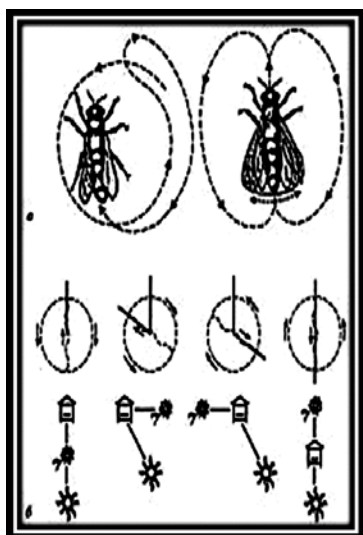

Рис. 38. Семантика пчелиного танца

культурного социума (человеческого общества) геометрия менее актуальна, чем в жизни насекомых, а также полагать, что телесность приматов менее приспособлена для передачи геометрической информации, чем телесность пчёл. В книге «Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе» [9], показано, что наша телесность позволяет строить геометрические модели чисто рефлекторно. Так, например, сильная боль побуждает нас рефлекторно наносить координатную или мерную сет-

ку из пальцев рук (рис. 1) на больное место, чтобы умерить боль. Это свидетельствует о глубокой древности метода координат.

Естественная координатная сеть из пальцев, которая наносится на больное место, крайне актуальна при констатации истоков не только прототерапии, протодиагностики, но и осмысленных топофилии, топофобии, топонимики, топографии. Прототерапия, протодиагностика, топография, геометрия бесконечно архаичнее «каменной индустрии», поскольку имеют рефлекторные формы. Следует заметить, что латинский глагол *medico* (лечу, исцеляю) в своей основе имеет праиндоевропейский корень *med (измерять). Всё это свидетельствует о неразрывной связи между становлением сознательной заботы о здоровье и становлением осознанных форм использования геометрических моделей.

Естественная координатная или мерная сетка играет большую роль в профилактике травматизма. Матери традиционно предупреждают своих детей о грозящей опасности, демонстрируя жестами болевой шок, который может вызвать неосторожный поступок, прикосновение к опасному объекту. Прижатые к больному месту руки (греч. *χείρ* `рука`) проливают свет на происхождение таких слов, как хиреть, захиреть. Руки способны обозначить и конкретный орган: хребет, сердце (нем. *Herz* `сердце`), причём без использования звукового языка. Пальцы, ладошки позволяют обозначить плечи, лодыжки молча.

Осмысленные формы топофилии и топофобии не могут культивироваться без манифестации чувств. Проецируя естественную координатную сеть на ту или иную область человеческого тела, можно не только сетовать – жаловаться, но и манифестировать весь спектр человеческих чувств: любовь, страх, благодарность, ненависть, обиду, чувство вины, стыд,

холод, раскаяние, желание и т. д. При этом не требуется выходить за рамки предельно абстрактной и предельно наглядной геометрической символики.

Абстрактные, но предельно очевидные и понятные геометрические модели играют фундаментальную роль на исходной ступени социализации и инкультурации младенца. Матери испытывают огромное облегчение, когда младенцы начинают обозначать беспокоящие их органы, а также чувства, желания посредством жестов, а также понимать состояния матери, вызванные тем или иным поступком, теми или иными обстоятельствами. Это моделирование играет фундаментальную роль при культивировании сочувствия, сострадания, сознания, человечности (рис. 40), поэтому нет оснований утверждать, что первоначальное применение координат связано с астрономией и географией, а не с описанием наших внутренних состояний и нашей фигуры. Есть все основания полагать, что истоки нумерации связаны с естественной мерной сетью.

Естественные геометрические структуры, предельно выразительно отражающие наши внутренние состояния, составляют естественную основу второй сигнальной системы. Вопреки очевидным фактам язык геометрии считается искусственным, а звуковой язык, который не воспроизводится рефлекторно и осваивается не всеми людьми (вспомним Герасима из «Муму»), – естественным.

Без осмысления человеческой телесности, без медицинской семиотики, топографической анатомии невозможна сознательная забота о здоровье. Факты свидетельствуют, что различные геометрические образы первобытный человек склонен воспроизводить не на окружающей территории, а на своём теле (рис. 39), поэтому нет оснований считать, что истоки подобной практики связаны с обработкой земли, а

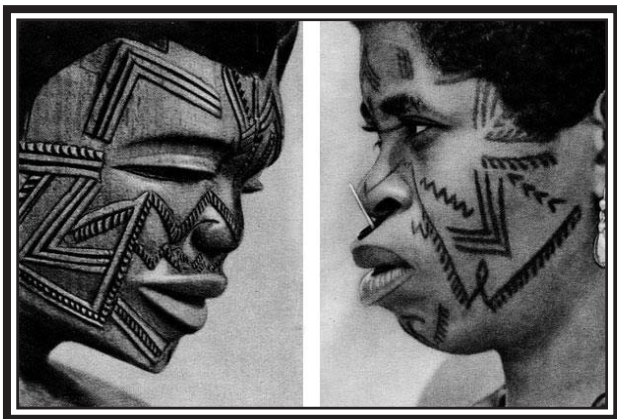

Рис. 39. Традиционная татуировка племени таканде. Мозамбик. «Вокруг света», № 2, 1966

не с медициной, лежащей у истоков сочувствия, сострадания, сознания, социальности, духовности, человечности.

Традиционные взгляды на истоки математики, на истоки всей человеческой культуры детально отражены в архаичных мифологических системах. Эти истоки восходят к первым временам человеческого бытия и связаны с нашим пребыванием в разумном рукотворном мире. Это вполне объяснимо. Пребывая на родительских руках, мы знакомимся с предельно динамичным и содержательным рукотворным, разумным миром, с предельно сложной и совершенной орудийной системой, а также с фундаментальными основами предельно актуальной и предельно выразительной знаковой системы – математики. Игнорируя человеческую конституцию, исконную орудийную систему, врачебную практику, можно составить самое превратное представление о мифологическом космогенезе, Космическом Разуме, истоках геометрии, природе её инструментария: Геракле (циркуле), мировом древе (линейке), бесплотных пламенных ангелах (углах), по-

рождённых пальцами (палами) руки, которые являются естественными транспортирами, естественными циркулями. Эти транспортеры, эти пламенные ангелы транспортируют, возносят чад (нас) к небесам, пока мы не отбились от рук и безгрешны. Без трёх ангелов невозможна триангуляция.

Рука матери, прикрывающая рану или имитирующая смертельную травму, способна убедить младенца задолго до освоения им звукового языка, что пролитие родной крови порождает проблемы не только у матери. По вполне очевидным причинам такое пролитие приводит к тому, что ребёнок становится изгоем, поскольку его исконная обитель оказывается заполненной кровью. Пясть («пасть») матери, напитавшись крови, перестаёт кормить его, поскольку теряет свою силу. Подобного рода убеждения породили массу мифов, в которых и кровь, и земля наделены знаковыми функциями и ведут себя как живые. В библейском рассказе Бог говорит Каину: *«Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата своего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не будет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»*. Всё это побуждает связывать истоки исходных представлений о земле, с ручными моделирующими системами, с медицинской семиотикой, с языком жестов, которые культивируются матерями на самых ранних этапах социализации, инкультурации младенцев, задолго до приобщения к звуковому языку.

В работе «Природа языка и мифа» [8] предложено рассматривать в качестве исходного универсального общечеловеческого языка систему жестов, вызванных болезненными процессами, протекающими в организме, которая была введена в культуру в медицинских и педагогических целях и

сыграла фундаментальную роль в антропосоциокультурогенезе. Есть все основания полагать, что сознательное воспроизводство естественных **реакций** организма позволило нашим предками впервые говорить (прасл. *rekti* – `говорить`) сознательно и понимать **изрекаемое** без предварительной договорённости.

Естественные геометрические структуры (рис. 1, 40) позволяют констатировать не только эмоции. Естественная система координат является и членораздельной, и членоразделительной. Она может функционировать без звукового языка, поскольку пальцы пациента сдавливают болезненные участки с повышенной силой и по-разному реагируют на их надавливание. Её использование может также сопровождаться звуковыми сигналами, поскольку первые слова были и первыми клавишами, позволявшими извлекать звуки из пациента при надавливании на них.

Надо сказать, что пальцы (палы-штыри) являются не только естественной знаковой системой, но и естественным пластырем – лечебным средством. Диагностические и терапевтические функции вещественного вещания не могут быть переоценены. О тесной связи вещания, лексики с лекарской прак-

Рис. 40. Сетующая мать.
Реконструкция В.А. Воронцова

тикой писал корифей российской филологической науки **Ф.И. Буслаев** (1818 – 1897), который широко практиковал этимологические изыскания при решении проблем фольклористики. В работе «Эпическая поэзия» он писал: «От глагола ба-ять происходит балий, уже в фрейзингенской рукописи употребляющееся в значении врача, а потом это слово получило смысл колдуна; так в “Азбуковнике” объясняется: “*балия* ворожея, чаровник; *бальство* ворожба”. И наоборот, корень вед, откуда произошло слово *ведьма*, у сербов получает название лечения: *видати* – лечит, *видар* – лекарь, точно так же, как от глагола вещать, то есть говорить, у сербов виештац – колдун и виештица – колдунья, а у нас в Вологодской губернии, вещетитинье уже лекарство. Точно также и врач у сербов и болгар получил смысл колдуна, предсказателя, как у нас в старину врачевать значило колдовать, и, наконец, *лекарь* (от корня *лек* – значит лекарство), уже у Ульфины встречающееся в том же значении (*leikeis, lekeis*) и распространившееся по всем, как немецким, так и славянским наречиям, имеет при себе и значение колдуна...» [4, с. 23–24].

Изначальная связь лексики с лекарской практикой прослеживается в самых разных языках. В татарском языке слово *им* `лекарство`, `целительное средство`, `заговор`, `заключение` [51, с. 167].

В санскрите связь гаданий, речи с болезнью отражена предельно ярко:

I *gada* 1) речь, разговор 2) изречение.

II *gada* – болезнь, недуг [25, с. 188].

Исконная связь сказаний с показом, жестом до сих пор может быть обнаружена в самых разных языках. Так, например, в тюркских языках:

А:ЙА – `ладонь`,
АЙ – `говорить`,
АЙТ – `говорить` [48, с. 761–762].

В китайском языке *bào* – `извещать`, `обнимать`, `охватывать руками` [24, с. 16–17].

Связь наших горстей с горестями, с разметкой, измерением, смертельной болью может быть продемонстрирована чисто формально на примере разных звуковых языков, которые продолжают сохранять свою исконную связь с жестами. Так, например, в венгерском языке:

tar-tar – `вот-вот`;
marek, marok – `горсть`;
martir – `мученик` [56, с. 502–503].

В татарском языке:

карыш – `пядь`, `вершок`;
карышу – `сводит судорогой`;
карышлау – `мерить` [51, с. 238].

В тюркских языках:

өл – `умирать`;
өлч – `измерение` [48].

В китайском языке:

shi – `померить`;
shiti – `мертвец` [24, с.120].

В индоевропейских языках связь смерти с мерой, долей настолько очевидна, что об этом факте говорят уже не только лингвисты. Так, например, в «Словаре русских суеверий» **М. Власовой** говорится: «Семантику наделенности долей может иметь и слово “смерть”, восходящее к индоевропейскому ряду *ter-* / *tor-* / *tr-*, который ставится в связь с такими “культурными словами”, несущими значение “час-

ти”, как греческое “мойры” и восточнославянское Мара» [10, с. 482].

Есть множество оснований считать, что исходный телесный человеческий язык, как и телесный язык пчёл, рассчитан на передачу геометрической информации. Язык геометрии является системой, которая позволяет описывать всё и вся универсальным образом, а также концентрировать внимание социума на жизненно важных проблемах. Нет ничего удивительного в том, что геометрическая символика крайне архаична и неразрывно связана не только с мыслительными, но и с духовными процессами. Не может вызывать сомнений, что именно язык жестов, язык телесности позволяет наиболее адекватно передавать исходные математические представления, лежащие у истоков мыслительного процесса, сознания. Исследования этнологов, психологов, педагогов свидетельствуют, что и в филогенезе, и в онтогенезе человек учится мерить, считать, намереваться, думать посредством жестов.

Научившись выражать свои внутренние состояния геометрически, дети становятся великими мастерами отражать посредством геометрических зависимостей всё и вся, включая социум. Так, например, большая книжка или стакан у них – папа, поменьше – мама, ещё меньше – сыночек или дочка. Очевидно, что это всё плоды не простого манипулирования механическими предметами или звуками, а продукт приобщения к геометрическому моделированию. Пальцевые игры, знакомство с рукотворными построениями, манифестирующими наши настроения, уже в раннем возрасте делает заядлыми архитекторами и строителями, которые придумывают и возводят постройки из песка, кубиков, веток, стульев и т. д.

Изначальная связь между звуковым языком (метаязыком), отразившим исходный жестов (протоязык), позволя-

ет прослеживать глубинные семантические связи звукового языка. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим следующий пример, демонстрирующий изначальную связь звукового языка с рефлекторными жестами. При падении мы чисто рефлекторно вытягиваем перед собой руки, поэтому вполне естественны следующие соответствия в звуковом языке, отразившем этот жест:

руки – рухнуть;
пяди – падение;
пять – пасть;
пальцы (палы) – пал, упал и т.д.

Проецируя звуковой язык на исходный образный язык жестов, мы возвращаем языку исходную образность, выразительность. Ручная речь, вещественное вещание позволяют реконструировать древние учения, познакомиться с первозданными чудесами, спасителями, божествами, демонами, демиургами, познать особенности мифологического мышления, игнорируя которые невозможно пролить свет на истоки первобытной космогонии, географии.

Важную роль в выявлении исходной системы корней звукового языка и проецировании этой системы на исходную систему жестов играет широко используемый лингвистами метод изосемантических рядов, разработанный советским лингвистом *С. Майзелем* (1900 – 1952). Этот метод позволяет осуществить радикальную редукцию корней в звуковом языке, а также понять их изначальный смысл. Сущность этого метода можно прояснить на примере двух рядов слов: *смерить* и *смерть*; *померить* и *помереть*. Близость звуковых оболочек в этих рядах кажется совершенно случайной, пока не обратимся к разносистемным языкам, в которых звуковые оболочки иные, но близость или тождес-

тво звуковых оболочек в указанных рядах сохраняются. Это свидетельствует в пользу общности корней столь различных по своему значению слов.

Жесты страдальцев, проливающие свет на истоки медицинской семиотики, топографии, топонимики, крайне выразительны. Они способны вызвать переворот в сознании даже у субъектов, практикующих убийство ради убийства. Об этом свидетельствуют откровения английского капитана *Джонсона*, который поведал о подстреленной им обезьяне. Эта обезьяна *«вдруг остановилась, спокойно приложила руку к ране, покрытой кровью, и протянула её потом, чтобы показать мне. Я почувствовал такую жалость, что этот случай оставил во мне неизгладимое впечатление, и я с тех пор никогда больше не стрелял животных этой породы»* [Цит. по 46, с. 142]. Манифестацию **ран** с использованием методов начертательной геометрии, следует отнести к самым **ранним** формам картографирования стана, которые подверглись изначальному осмыслению.

Начертательная геометрия – раздел геометрии, в котором объекты изучаются по их плоским изображениям – чертежам. Чертежом называют изображение предмета, построенное с помощью чертёжных инструментов или машины. В нашем случае в качестве машины выступают кисти рук. На них при захвате ран получают образмеренные изображения, которые можно рассматривать в качестве первых чертежей. Чертёж в настоящее время трактуется как язык техники. Начертательная геометрия служит грамматикой этого языка, так как она учит нас правильно читать чужие и излагать наши собственные мысли, используя в качестве слов геометрические образы. Эффективность начертательной геометрии predetermined тем, что лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. Без естественных чертежей невоз-

можно постигнуть природу чертей рогатых и чертовщины, которые так богато представлены в сказках и мифах.

Начертательная геометрия занимается двумя основными вопросами:

1. Изучением методов построения изображений пространственных форм на плоскости;

2. Изучением пространственных форм по их плоским изображениям.

Для получения изображений используют метод центрального и плоско-параллельного проецирования точек предмета на картинную плоскость. При плоскопараллельном проецировании проецирующие лучи параллельны между собой. Именно плоскопараллельное проецирование реализуется при попытках зажать рану, при получении её образа на руке, которую и следует рассматривать в качестве первой карты.

Рана, расположенная под рукой, является исходной типографией, которой человечество обязано сокровенной печатью, таблицами судеб, книгами мёртвых и т. д. Кровавые оттиски, орнаменты, карты могут быть получены чисто рефлекторно, что свидетельствует об их глубокой древности. Вот как описывает этот жуткий процесс Лукреций Кар в своей поэме «О природе вещей»:

*Те же, которые с телом изгрызенном бегством спасались,
Голосом, ужас вселяющим, Оркуса мрак призывали
И прижимали ладони дрожащие к ранам, покуда
Жадные черви не освобождали несчастных от жизни*

[30, с. 145].

Надо сказать, что Орка призывать в таких случаях совершенно излишне. Дело в том, что он под руками страдальцев. Убедиться в этом можно, не прибегая к услугам оракулов.

При великом изобилии гипотез, истоки языка до сих пор не принято связывать с начертательной геометрией, печатным процессом. Игнорирование естественных форм печати, прессы исключает всякую возможность разобраться в исходных человеческих впечатлениях, в истоках экспрессии, а также увидеть естественные истоки геометрии, оценить её роль в становлении знаковых систем, в становлении медицинской семиотики, топографии, топонимии. Естественные формы печатного процесса создают реальные предпосылки для детального изучения истоков знакового общения, исходных форм словесности. Эти формы позволяют увидеть самые древние знаки, книги, матрицы, стихи, кисти, красители, орнаменты, татуировки, карты и т. д., осмысление которых потребовала не обработка камня, бронзы, железа, а сознательная забота о здоровье.

Существуют образцы печатной продукции, свидетельствующие о глубокой древности печатных знаковых систем. К таким образцам относятся, например, отпечатки рук на стенах пещер (рис. 41). Очевидно, что самые древние отпечатки подобного рода были получены с помощью естественного красителя – крови, породившей представления о сокровенной печати.

Сокровенная печать играет большую роль в диагностике. Мифы, фольклор многих народов говорят о существовании в глубокой древности удивительных книг, которыми пользовались врачеватели, волшебники, чародеи, звездочеты и т. д. Чудесные, гадальные, волшебные книги позволяли предсказывать судьбу, распознавать самые сокровенные тайны, менять облик, лечить людей простым наложением этих книг на раны, а также творить другие чудеса. Есть веские основания считать чудесные книги естественными масками, **ликами**, **личинами**, с которыми связаны исходные

Рис. 41. Древние изображения рук в Пещере рук, Аргентина

формы лекарств, лечения, диагностики, а также исходные величины, позволившие оценивать размеры наших органов. Такими масками являются наши ладони, которые до сих пор используются во врачебной практике для манифестации больных органов, травм и породили семиотику, сметку, хиромантию, грамотность, осмысленную топонимику и топографию.

Волшебные (лечебные) книги позволяют останавливать кровь, умерять боль и т. д. Вот как описывает обращение к подобной книге **Н.В. Гоголь** в повести «Страшная месть»: «Святой схимник перекрестился, достал книгу, развернул – и в ужасе отступил назад и выронил книгу.

– Нет, неслыханный грешник! Нет тебе помилования! Беги отсюда! Не могу молиться о тебе!

– Нет? – закричал, как безумный, грешник.

– Гляди: святые буквы в книге налились кровью. Ещё никогда в мире не было такого грешника! [12, с. 184].

Исконная связь человеческих ран с прессой, экспрессией, таврением, творением, артистизмом, творчеством, отра-

жающим нашу природу, может быть прослежена на примере самых разных языков. Так, например, в современном татарском языке:

яра – `рана`, `ранение`, `ранево́й`;
ярлы – `раненый`, `имеющий рану`;
ярлык – `письменный указ`, `грамота хана`,
`этикетка`, `ярлык`;
ярату – `создавать`, `создать`, `творить`, `создание`,
`творение` [51, с. 712-719].

Не отрицает основополагающую роль впечатков, проекций, карт в познании природы и современная наука. Так, например, выдающийся английский философ и логик **Б. Рассел** (1872 – 1970) в своей книге «Человеческое познание: его сфера и границы» пишет: *«Порядок познания является обратным по отношению к причинному порядку. В порядке познания первичным является кратковременный, субъективный опыт астронома, рассматривающего чёрные и белые пятнышки на пластине, а последним – туманность, обширная, отдаленная и принадлежащая далёкому прошлому»* [45, с. 27].

Кровавые оттиски, знаки чисто рефлекторно зализываются вместе с ранами. В работе «Проглоченное знание и этнический облик» **Я.В. Чеснова** говорится, что мифы об изначальной письменности, которая была съедена или смыта, широко бытуют у множества бесписьменных народов, а также у народов, которые недавно приобщились к ней. Так, например, семанги Малакки, низкорослые, негроидного рода охотники и собиратели первобытных лесов, которых традиционно приводят на страницах учебников, повествующих о начальных этапах человеческой культуры, твёрдо убеждены в том, что их предки знали письменность [58, с. 173].

Миф об утраченной письменности бытует в разных культурах. Он встречается у земледельцев, у классических охотников и собирателей. Чеснов сообщает, что в Юго-Восточной Азии существует сплошной ареал бытования этого мифа. Так, например, дафла, горцы восточной зоны Гималаев, рассказывают: *«Мы получили нашу долю кожи, на которой была записана мудрость мира, но в голодное время мы её съели, а люди равнин свою часть сохранили»* [Там же. С. 170]. Он также пишет, что мяо из Юго-Западного Китая сохранили предание о том, что они некогда жили по соседству с китайцами. Последние были сильнее, чем мяо и заставили их уйти на запад. В то время у мяо была иероглифическая письменность. На пути мяо оказалось обширное пространство воды, и они остановились перед преградой. Лодок у них не было. Мяо заметили, что водяные жуки ходят по воде, и захотели последовать их примеру. Конечно, мяо оказались в воде, они чуть не утонули, наглотившись воды. Вместе с водой они проглотили свои иероглифы [Там же. С. 172].

В.В. Иванов и **В.Н. Топоров** в статье «Кетская модель мира» сообщают, что обнаружили в языке кетов комплекс «читать» – «писать» – «бумага» при полном отсутствии следов современной письменности, за исключением пиктографии [19, с. 102].

Согласно народным преданиям, издревле у удмуртов была книга, в которой тамгами было написано, как молитвы творить, как порядок править. Исходная грамота была съедена. С тех пор удмурты знали одну тамгу, которой помечали свою собственность [59, с. 125].

Несмотря на многочисленные сказания о скушанной грамоте, нет ни малейших оснований считать, что она может быть утрачена или забыта. Дело в том, что она воспроизводится чисто рефлекторно и не может потерять своей жиз-

ненной значимости. Исследователи, говорящие о дописьменном этапе в истории медицины, допускают серьёзное прегрешение против истины.

Обнаружить чудесную книгу предельно легко. Дело в том, что сложенные определенным образом ладони до сих пор означают у самых разных народов почитание, причитание (рис. 42). Чудесные книги не хранятся на пыльных полках библиотек, они всегда с нами, они всегда актуальны. Уже малые дети регулярно пользуются этими книгами, чтобы хныкать, а заботливые мамы используют естественные (чудесные) книги для приобщения своих чад к диагностике, счёту, логике и т. д. Все великие математики, логики, архитекторы учились считать, мерить, намереваться, думать не без помощи чудесных книг.

Сетки, верши из пальцев, прижатые к телу, крайне выразительны. Именно эти геометрические структуры издревле ассоциировались с позой, поэзией, **стихами, виршами**. Таким образом, складывание од изначально осуществлялось путём сложения органов. Следует заметить, что в славянских языках *уд, оудъ* `часть (тела), член` [54]. Естественные **шкалы, скалящиеся** пясти (пасти) позволяли **скальдам** слагать стихи (исходные геометрические структуры, модели) молча.

Естественный **стих** (координатная **сетка**) могут нападать на нас чисто стихийно и характеризовать наше внутреннее состояние предельно выразительно, что крайне актуально для диагностики. Именно рефлекторный стих породил представление о стихии, о повелителях этих стихий – божествах, которые и были первыми поэтами, картографами. К подлинной поэзии (позе) мы часто прибегаем, когда не хватает звуковых (безобразных) слов или они кажутся неубедительными. Эта поэзия порождена геометрическими структурами и порождает геометрические структуры. Мифологические

системы самых разных народов приписывают истоки письменности и поэзии божествам. Способность божеств порождать сетки-стихи, сетки-стихии не может вызывать сомнения. Естественные шкалы, сети-соты породили представление о мёде поэзии, который хранился в «сталкивающихся скалах» [34, с. 127].

Руки, пясти (па`сети) формируют **сети**, предназначенные не для рыболовства. При ручном мышлении они являются мысленными категориями, которые должны вызывать глубокую за-

интересованность у историков медицины, математики, географии, астрономии. Эти мысленные категории позволяют схватывать и постигать самые разнообразные явления и процессы. К ним восходит описание не только исходных представлений о небе (нёбе), но и сказания о Небесной книге, о начальном пребывании этой книги на небесах. У поголовно неграмотных цыган в *«сказках (и песнях тоже) встречается довольно своеобразный зачин: герою с неба падает книга, в которой он находит предзнаменование»* [50, с.14].

В чудесной книге отразилась вся архитектура рукотворной Вселенной, все сокровенные тайны её построения, её творцов. Такого рода книги отражены в мифах и сказках самых разных народов. В иудейском мистическом трактате «Книга творения» говорится о том, что мир состоит из чисел и букв. «Старшая Эдда» древних германцев сохранила пред-

Рис. 42. Чудесная книга.
Графика В.А. Воронцова

ставление о том, что руны (сильнейшие знаки), были созданы богами и вырезаны Одним, чтобы узнать тайны мира.

Образ небесной книги был распространен на древнем Ближнем Востоке. Центральная небесная книга для ближневосточной традиции – Таблицы судеб. Таблицы судеб определяли движение мира и мировых событий, поскольку служили в качестве календаря. В аккадской космогонической поэме «Энума элиш» ими первоначально владела Тиамат, затем Кингу и, наконец, Мардук. В греко-римской культуре также упоминаются божественные письмены, хранящие записи судеб, а также встречаются указания о том, что грехи людей записаны и открыты богом [73].

В русском фольклоре нашла отражение Голубиная или Глубинная книга, которая выпала из тучи. Голубиная книга является высшим Знанием об исходных и потому священных первоначалах космоса и человеческого общества, являющегося его уменьшенным отражением. Эта книга издревле раскрывала перед своими слушателями тайное знание о происхождении мира (природного и социального), о его сущности, о появлении в нем добра и зла, другими словами, содержала в себе все мудрости вселенские. Все варианты стихов о «Голубиной книге» с большими или меньшими вариациями дают впечатляющую картину возникновения Вселенной из антропоморфного тела Первобожества.

Рефлекторный захват больного органа посредством естественных мер породил представление о мертвой хватке. Так, например, в татарском языке сохранилось выражение *үлекләр тотта* – 'мертвые хватают'. По всей видимости, этот процесс породил и исходные представления о Книге мертвых. В оккультной литературе до сих пор упоминается загадочная книга Тота. В египетских мифах Тот – «бог мудрости, счёта и письма» именуется «создателем языков» [47, с. 521].

В погребальных ритуалах Тоту отводится главная роль: он ведёт каждого на «тот свет». Тот научил людей мудрости, счёту, письму. При счёте на пальцах в качестве указателя традиционно используется большой палец. Он играет активную роль и при мертвой хватке, и при удержании пера. Это дает веские основания для отождествления лунного бога Тота с лункой на большом пальце правой руки. Следует отметить, что бога Птаха египтяне изображали в виде человека в одеянии, которое скрывает всё, кроме кистей рук.

В Греции с Тотом сближали вестника богов Гермеса, который также считался проводником в мир иной и родоначальником тайного, (т. е. герметического) знания. Если внимательно присмотреться к древним скульптурам и рисункам Гермеса (Меркурия), то можно заметить, что их главными фигурантами являются пальцы рук (рис. 43). На рис. 44 приведена скульптурная композиция, демонстрирующая, как Гермес и хариты советуют пациенту, склонившемуся перед Асклепием, объединить левую и правую руки для манифестации больного места. Есть все основания считать, **хариты** самым непосредственным образом связаны с первозданными масками (**харями**) и первыми **картами** – руками. Дело в том, что в целом ряде языков (например, в татарском) *хәритә* `карта` [51]. Связь карты с харитами прослеживается и в греческом языке, в котором *χάρτης* `карта`.

Рис. 43. Гермес.
Бронза. Афины,
Национальный музей.
Ок. 340 до н.э.

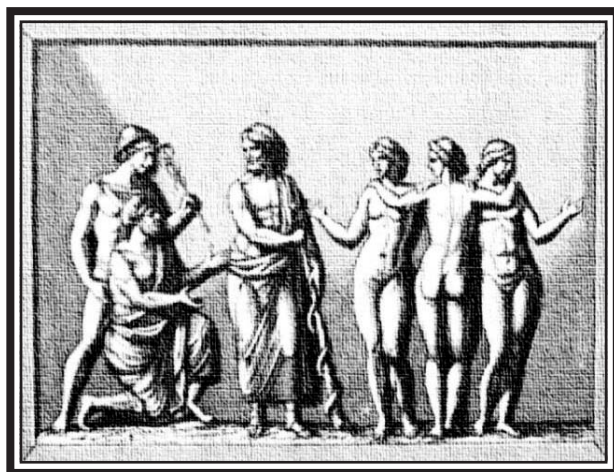

Рис. 44. Эскулап, Гермес, пациент и хариты. Барельеф, Музей Рио Климентино, Ватикан

Естественные маски (**хари**), естественные карты, формирующие исходный семейный союз, исходный универсум, исходную систему координат, помогают понять природу индийского божества Харихара (др.-инд. *Narihara*). Этот **харизматический** образ соединяет в себе Вишну (**Хари**) и Шиву (**Хара**). Согласно одному преданию Вишну, чтобы доказать, что они равны, вошёл в тело Шивы, соединившись с ним. По другому сказанию, Шива упросил Вишну превратиться в прекрасную женщину и воспытал к ней страстью. Вишну пустился в бегство и принял свой обычный облик, но Шива, настигнув его, так крепко обнял, что тела их слились [34, с. 568]. В рамках медицинской семиотики, геометрического моделирования подобного рода супружество осмысливается вполне рационально.

Пять пальцев руки, прикрывающие рану, породили не только первые пятна, но и широчайший спектр понятий, связанных с патовой ситуацией, патогенезом, патетикой, апати-

ей, симпатией, пытками, опытом, патентованием и т. д. Видно, что осмысление, упорядочивание жизненно важного опыта изначально происходило системно, в формах, которым присуща универсальность и неразрывная связь с первым укрытием, с первой проекцией. Конкретизировать эти формы пытались *Д. Юм, И. Кант, Э. Кассирер*, однако чистое умозрение не позволяет реконструировать первые меры, первые мироздания, первые универсумы, первые моделирующие системы. Не догадки философов, а наши рефлексы способны пролить свет на истоки рефлексии, отражения наших внутренних состояний в упорядоченной и очевидной системе предельно абстрактных, предельно очевидных геометрических категорий. Рефлексы, лежащие в основе медицинской семиотики, позволяют воочию увидеть, как наши руки формируют первые геометрические структуры, которые позволили нашим предкам не только прочувствовать, но и осмыслить свою и чужую боль. Разобравшись в себе, постигнув самый сложный объект во Вселенной, наши обезьяноподобные предки сделали столь фундаментальное открытие, что всё новое всегда будет феноменальной пошлостью. Мысль о том, что всю информацию мы черпаем в мысленном, интеллигибельном мире, в котором изначально обитаем горячо отстаивал ещё Платон. Эта мысль для историков географии отнюдь не лишняя.

Сокровенная печать, начертательная геометрия, идеальные построения, метод координат, первая карта неразрывно связаны с осмыслением колыбели человечества. Они позволяют постигать фундаментальные проблемы людей независимо от их пола, расы или нации, а также формулировать задачи по решению этих проблем, которые привели к становлению медицины, геометрии, географии и т. д.

Универсальный общечеловеческий язык упоминается в мифах. Именно математическая универсальная символика

породила мифические и сказочные универсалии, истоки которых традиционно пытаются осмыслить без опоры на язык геометрии, без попыток реконструкции исходных форм топоники, топографии, позволяющей визуализировать наши внутренние состояния. В своей книге «Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок и мифов» видный немецкий психолог, философ и социолог **Э. Фромм** (1900 – 1980) напоминает о языке символов, с помощью которого внутренние переживания, чувства и мысли визуализируются, приобретают форму явственных осязаемых событий внешнего мира. Это единственный универсальный язык, изобретённый человечеством, единый для всех культур во всей истории. Это язык со своей собственной грамматикой и синтаксисом, который нужно понимать, если хочешь понять смысл мифов, сказок и снов [55, с. 183]. Именно этому языку чаще всего стремятся приписать отсутствие системы, членораздельности исследователи, которые ограничили свою компетентность областью звуковых языков, которые в отличие от языка образного, чувственного языка геометрии не способны приобретать формы осязаемых событий внешнего мира.

Есть все основания утверждать, что исходные человеческие впечатления, нашедшие отражение в исходном языке, неразрывно связаны и с истоками изобразительного искусства. Отпечатки рук породили татуировку, обычай наносить на тело образы мифических тотемных существ, образы мифической Вселенной и т. д. Со временем, когда люди стали прикрывать своё тело одеждой, возник обычай наносить подобные образы на одежду. Древний обычай воспроизводить образы тотемов, мифологического космоса на одежде сохранился у шаманов.

Пальцы, зажавшие **рану**, способны воспроизвести самый ранний **орнамент**. Есть множество оснований полагать, что

в основе орнаментального искусства лежит печатный процесс и исходные орнаменты воспроизводятся чисто рефлекторно при захвате раны естественными геометрическими структурами. Археологи располагают богатой коллекцией печаток, посредством которых наносились узоры на тело. Татуировка, которая столь распространена в первобытных сообществах, подчас потрясает своей сложностью, художественным совершенством.

Печатались наши предки и на стенах пещер. В высшей степени наивно рассматривать охру в качестве исходного красителя. Она издревле использовалась для замены древнейшего человеческого красителя – крови. С помощью крови и естественной кисти (руки) можно получать очень яркие и запоминающиеся образы, которым может действительно приписываться древность.

На стенах пещер с палеолитической живописью часто встречаются отпечатки кистей рук. Впервые изображения рук были найдены в начале XX в. в пещерах Франко-Кентабрии (Альтамира, Гаргас, Кастильо и др.). Эти изображения сделаны в основном двумя способами: «негативным» и «позитивным». Первые названы так потому, что имеют вид отчётливого негатива кисти, окружённого «облаком» точек красного или чёрного цвета. Вторые – представляют собой простые отпечатки кисти руки, полученные прикладыванием к поверхности скалы ладони, обмазанной краской. Некоторые из них отличаются тем, что отдельные пальцы их укорочены так, будто крайние фаланги подогнуты (скрючены). Зверская боль способна породить такого рода образность. Именно загибание пальцев привело к изначальной оцифровке исходного универсума и сыграло огромную роль не только в становлении арифметики, метода координат, играющих важнейшую роль в диагностике, ме-

дицинской топографии. Есть все основания полагать, что «позитив» воспроизводит поверхность руки, прижатую к ране, а «негатив» – её тыльную сторону.

Убедительные факты, свидетельствующие о знаковом характере отпечатков рук, опубликовал испанский археолог *С.Р. Лопес*. Вместе с *Э. Перелло* и *И. Жиральдо* он провел специальное исследование отпечатков рук в пещере Маль-травьезо (Эстремадура, запад Испании) при помощи съёмки изображений в инфракрасной и ультрафиолетовой зонах спектра. Оказалось, что фаланги некоторых пальцев были закрашены тем же пигментом, который был использован для нанесения трафарета [80]. Эти исследования ставят под сомнение гипотезы о намеренной ампутации фаланг и направляют мысль исследователей в сторону других объяснений.

Существует точка зрения, согласно которой полученные таким простым способом изображения относятся к древнейшим попыткам что-то запечатлеть. В большой и богато иллюстрированной книге *Г. Люке* «Искусство и религия ископаемого человека» сформулирована так называемая «гипотеза руки». Согласно этой гипотезе, «рука» была изначальным прообразом всего искусства эпохи верхнего палеолита [82]. Эта гипотеза получила широкую поддержку у исследователей. Так, например, советский историк искусства *А.С. Гуцин* (1902 – 1950) в своей книге «Происхождение искусства» полагает, что отпечатки рук выявляют «исторический процесс зарождения и начального развития искусства», как «одну из сторон общего процесса развития человеческого сознания» [14, с. 78–79]. Именно образ человеческой руки, по мнению *Гуцина*, был особо важным для человека в осознаваемой им действительности.

Образ белой руки на красном фоне или образ красной ладони с подогнутыми пальцами, по всей видимости, изна-

чально ассоциировался со смертельной или зверской болью. На юге Аргентины в долине реки Пинтурас (Pinturas) есть Пещера рук. Известна она благодаря археологическим находкам, сделанным в ней. Прежде всего, это настенные рисунки и негативные изображения человеческих рук, самые старые из которых датируются девятым тысячелетием до н. э. Запечатлены в основном левые руки, причём руки мальчиков-подростков. Это позволяет предположить, что нанесение изображения своей руки входило в обряд инициации. Мальчик, становясь взрослым, должен был оставить контур своей руки в этом священном месте. Среди изображений руки попадают и рисунки зверей. По всей видимости, обряд инициации, во время которого мальчиков побуждали посещать мрачную пещеру и наносить образ руки на красном фоне или просто оставались красные отпечатки ладоней, символизировал способность мальчиков-подростков переносить зверскую боль, не бояться зверской боли.

Со временем зверская боль стала ассоциироваться не с человеческой окровавленной пястью (пастью), а с образами обычных страдающих или причиняющих страдания животных. Подобного рода изображения получили широкое распространение и достигли высочайшего совершенства. Они изображались не только на стенах пещер (рис. 45), но и в виде блях (рис. 46), а также татуировок (рис. 47). Эти изображения позволяли манифестировать способность преодолевать зверскую боль, страх перед смертью. Связь **бляшек с болячками** нашла отражение и в звуковых языках.

Язык жестов позволяет понимать смысл многих древних рисунков. Так, например, наскальный рисунок, приведённый на рис. 48, наглядно напоминает, что именно наши пальцы смогли обозначить плечи, плети, плюсны, полюсы, фаллосы, волосы и т. д. Использование геометрической об-

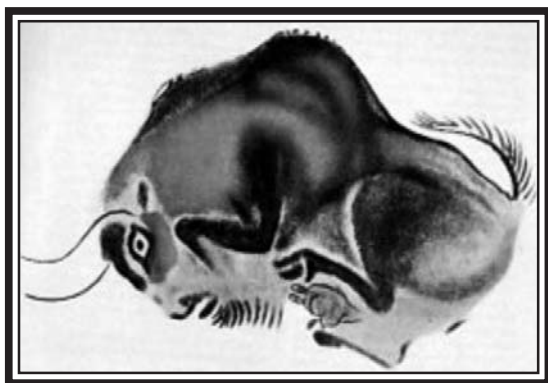

Рис. 45. Раненый бизон. Живописное изображение в Альтамирской пещере. Испания

Рис. 46. Элемент скифо-сакской поясной пряжки. Сибирская коллекция Петра I

разности (включая сеть) при описании человеческой телесности отражено на рис. 49.

Древнее семантическое поле понятия «рука» еще больше углубляется и выявляет новые смыслы при обращении к фольклору и мифологии на индоевропейских языках, а также к ритуальной практике. Рука обретает там фаллическую символику, а также соотносится со словами «рот», «дышать,

Рис. 47. Когтящие звери. Тагуировки мумий знатных скифов из Пазырыкских могильников на Алтае

Рис. 48. Наскальные рисунки человека каменного века (Испания)

Рис. 49. Наскальный рисунок. Испания

дух», «человек», «слово, звук», «время, протяженность во времени», «судьба», «жизнь» и «смерть». Она может символизировать Мировой разум, божественную силу, небо, число, олицетворяющее Вселенную, а также соотноситься с понятием бога [31, с. 280–281]. Наконец, считалось, что рука зряча, что она может видеть [Там же. С. 282]. Рука врача действительно способна воспринимать и оценивать геометрические структуры, порождённые руками пациентов. Очевидно, что именно рука (тотемное существо) первая обзавелась очами и очками, которые входили в круг медицинских и математических терминов. Око издревле обожествлялось, поскольку было подателем всех благ. Изобразив с помощью пальцев зеро (нуль), можно обнаружить первый орган зрения, первое око, первые веки, первые вехи. Очи изначально были центрами силы. Они могли очень сильно удерживать.

Поскольку органы зрения изначально располагались в пяти (пасти) (рис. 7), очами можно было пожирать. Не стоит удивляться и тому, что слова **еда** и **единица** имеют общий корень. При счёте на пальцах происходит захват единиц в ту или иную пясть (пасть).

Сеть естественных математических категорий позволяет схватывать, структурировать всё и вся, постигать внутренние, сущностные силы явлений и процессов, а также интегрировать всё и вся в рамках единой парадигмы. На актуальность этой потенции человеческого языка обращает внимание в своих работах советско-российский семиотик **А.Д. Кошелев**. Так, например, в работе «О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (лексико-семантические аспекты)» он с полным основанием пишет о качественном скачке, который обеспечивается человеческим этапом в развитии знаковых систем: *«Одно из основных когнитивных проявлений нового этапа развития выражается, на наш взгляд, в появлении у человека способности, с одной стороны, дифференцировать целостные явления окружающего мира (предметы, действия, качества), выделяя в них дискретные составляющие (компоненты, части), а с другой стороны, объединять эти дискретные составляющие, а также целостные явления в новые, интегрированные целостности, создавая тем самым (ментальные) объекты, действия и качества, которых нет в непосредственно воспринимаемом мире. В результате у Homo sapiens наряду с прежним, целостным представлением мира, имевшим место до креативного взрыва, теперь появляется ещё одно – дискретное и системное представление мира. Такое качественное усложнение картины мира открывает креативному человеку огромные возможности в осмыслении и интерпретации воспринимаемых явлений, в построении сложных умозаключений и планов»* [27, с. 163].

Исходная сеть наглядных чувственных геометрических категорий позволяет покрыть, застить («засетить») весь белый свет. Она позволяет манифестировать боль, страх, ужас, смертельно опасные места, связанные не только с телесностью человека, но и с окружающим его миром. Жизненная значимость исходной системы координат побуждала и побуждает вводить её в культуру на самых ранних стадиях антропоциокультурогенеза.

Выводы: установлено, что истоки осмысленного общения неразрывно связаны с начертательной геометрией и сложились в ходе становления медицинской семиотики, топографической анатомии. Геометрическое моделирование позволило осмысливать жизненно важные проблемы человека в предельно наглядных, предельно абстрактных и строгих математических представлениях, которые сложились задолго до появления звукового языка. Жестовые геометрические модели оказались предельно актуальными при осмыслении проблем, связанных с человеческой телесностью, а также при введении в культуру заботы о здоровье, одной из форм которых является медицина. С этими моделями связаны начальные формы геометризации пространства. Их изучение позволяет пролить свет на первые карты, а также на процесс нанесения координатной сети на первый стан.

Литература

1. Абаев В.И. О происхождении языка // Язык в океане языков (сост. О.А. Донских). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. – С. 12–19.
2. Бинкертон Д. Язык Адама. Как люди создали язык. Как язык создал людей? – М.: Языки славянских культур, 2012. – 336 с.

3. Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. – М.: Эдиториал УРСС: 2001. – 272 с.
4. Буслаев Ф.И. Эпическая поэзия // Народный эпос и мифология. – М.: Высш. школа, 2003. – 400 с.
5. Бутовская М.Л. Язык тела: Природа и культура (эволюционные и кросскультурные основы невербальной коммуникации человека). – М.: Научный мир, 2004. – 440 с.
6. Васильев С.В., Дерягина М.А. Формы коммуникации у обезьян и этапы происхождения речи // Поведение приматов и проблема антропосоциогенеза. – М.: МОИП, 1991. – С.15-16.
7. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. – Л.: Худ. лит-ра, 1940. – 619 с.
8. Воронцов В.А. Природа языка и мифа. – Казань: ИНТЕЛ-ПРЕСС, 2008. – 473 с.
9. Воронцов В.А. Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. – Казань: Центр инновационных исследований, 2015. – 252 с.
10. Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 2000. – 672 с.
11. Вундт В. Физиология языка / пер. с нем. – СПб.: Изд. Н.М. Лиманского, 1868. – 42 с.
12. Гоголь Н.В. Страшная месть // Н.В. Гоголь. Собр. соч.: В VI т. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – Т. I. – С. 150-190.
13. Горелов И., Енгальчев В. Безмолвный мысли знак. Рассказы о невербальной коммуникации. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 239 с.
14. Гуцин А.С. Происхождение искусства. – Л.; М.: Искусство, 1937. – 112 с.
15. Дерягина М.А. Эволюционная антропология: биологические и культурные аспекты. – М.: УРАО, 1999. – 208 с.
16. Донских О.А. К истокам языка. – Новосибирск: Наука, 1988. – 189 с.
17. Евангелие от Иоанна.
18. Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали “говорящие” обезьяны: Способны ли животные оперировать символами? – М.: Языки славянских культур, 2006. – 424 с.

19. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Кетская модель мира // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тез. докл. – М., 1972. – С. 100-105.

20. *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем // Советское радио. – 1978. – 184 с.

21. *Исенина Е.И.* Дословесный период развития речи у детей. Саратов: Изд. Саратовского унив., 1984. – 162 с.

22. *Казахско-русский словарь / сост. Х. Махмудов, Г. Мусабиев.* – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССРС, 1954. – 574 с.

23. *Кондильяк.* Опыт о происхождении человеческих знаний // Коидильяк. Соч.: В 2 т. М.: – Мысль, 1980. – Т. 1. – С. 67-332.

24. *Котов А.В.* Новый китайско-русский словарь. – М.: Рус. яз. медиа, 2004. – 605 с.

25. *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь: Около 30000 слов / ред. В.И. Кольянов. 3-е изд.– М.: Акад. проект: Альма Матер, 2005. – 944 с.

26. *Кошелев А.Д.* О качественном отличии человека от антропоида // Разумное поведение и язык. Вып 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблемы происхождения языка. – М.: Языки славянских культур, 2008. –193-230.

27. *Кошелев А.Д.* О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (Лексико-семантические аспекты) // Дифференционно-интеграционная теория развития. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 496 с. – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

28. *Леви-Брюль Л.* Сверхестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.

29. *Лессинг Г.Э.* О происхождении языка // Антология мировой философии. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – С. 49-54.

30. *Луcretий Кар Т.* О природе вещей / пер. с лат. – М.: ОГИЗ, 1933. – 210 с.

31. *Маковский М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М.: Владос, 1996. – 415 с.

32. *Марр Н.Я.* Избранные работы. – Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. –Т. 4. – 440 с.

33. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т 1. А–К. – 671 с. с ил.

34. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2.т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. эцикл., 1992. – Т. 2. – К–Я. – 719 с. с ил.
35. *Онишко К.Н.* Оперативная коррекция аппаратом Илизарова посттравматических деформаций кистей рук: Дисс. ... канд. медиц. наук. – Курган, 2009. – 130 с.
36. *Пиаже Ж.* Как дети образуют математические понятия // Вопросы психологии. – 1966. – №4. – С. 121-122.
37. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.
38. *Пиаже Ж.* Схемы действия и усвоение языка // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 133-136.
39. *Пиаже Ж.* Генетический аспект языка и мышления // Психолингвистика. – М.: Прогресс, 1984. – С. 325-335.
40. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 528 с.
41. *Пиаже Ж.* Генетическая эпистемология. – СПб.: Питер, 2004. – 160 с.
42. *Пиаже Ж.* Моральное суждение у ребёнка / пер. с фр. – М.: Акад. проект, 2006. – 480 с.
43. *Погодин А.Л.* Язык, как творчество (психологические и социальные основы творчества речи). Происхождение языка // Вопросы теории и психологии творчества: Сб. ст. – Харьков: 1913. – Т. 4. – 600 с.
44. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
45. *Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2000.– 464 с.
46. *Романес Д.* Духовная революция человека. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1905. – 618 с.
47. *Рубинштейн Р.И.* Тот // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – Т. 2. – С. 521-522.
48. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 766 с.
49. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1980. – 406 с.
50. Сказки цыган СССР / запись текстов, пер. Е Друца и А. Гесслера. – М.: Наука, 1991. – 398 с.

51. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 862 с.
52. *Томаселло М.* Истоки человеческого общения / пер. с англ. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 328 с.
53. *Тэйлор Э.* Доисторический быт человечества и начало цивилизации // Пер. с англ. – М.: Преснов, 1868. – 508 с.
54. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1964-1973. – Т.1-4.
55. *Фромм Э.* Душа человека / пер. с нем. – М.: Республика, 1992. – 430 с. (мыслители XX века).
56. *Хадрович Л., Гальди Л.* Венгерско-русский словарь. Около 40 000 слов. Будапешт: ТЕРРА, 1971. – 804 с.
57. *Хомский Н.* О природе и языке. – М.: КомКнига, 2005. – 288 с.
58. *Чеснов Я.В.* Проглоченное знание и этнический облик // Фольклор и этнография: Проблема реконструкции фактов традиционной культуры: Сб. ст. Л.: Наука, 1990. – С. 169-180.
59. Чёрный хлеб – зёг-нянь / пер. с удм. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 113 с.
60. *Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Блендова Н.С.* Происхождение знакового поведения. – М.: Научный мир, 2004. – 280 с.
61. *Эльконин Д.Б.* Детская психология (Развитие ребёнка от рождения до 7 лет). – М.: Учпедгиз, 1960. – 328 с.
62. *Bulwer J.* Chirologia: Or the natural language of the hand and Chironomia: Or the art of manual rhetoric. (ed. Cleary J.W.) // Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois Univ. Press, 1974 (1st edition – 1644).
63. *Corballis M.C.* From Hand to Mouth: The origins of language. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2002. – XII. – 257 p.
64. *Corballis M.C.* From hand to mouth: The gestural origins of language // Language evolution / Ed. by Christiansen M.H., Kirby S. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – P. 201–218.
65. *Deacon T. W.* The Symbolic Species: The co-evolution of language and the brain. – NY, London. Norton & Company, 1967. – 527 p.

66. *Dessalles J.-L.* Language and hominid politics // The evolutionary emergence of language: Social function and the origins of linguistic form / Ed. by Knight Chr., Studdert-Kennedy M., Hurford J.R. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. – P. 62–80.

67. *Fouts R.S., Fouts P.H.* Chimpanzee's use of sign language / Eds. Cavalieri P., Singer P. Great ape project: Equality beyond humanity. N. Y.: St. Martin's Press, 1993. – P. 28-41.

68. *Gardner R.A., Gardner B.T.* Teaching sign language to a chimpanzee // *Science*. – 1969. – V. 165. – P. 664-672.

69. *Gibson K.R.* The biocultural human brain, seasonal migrations, and the emergence of the Upper Paleolithic // *Modelling the Early Human Mind*. – Cambridge: McDonald Institute Monographs, 1996. – P. 33-46.

70. *Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T.* The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science*. – 2002. – Vol. 298. – P. 1569–1579.

71. *Hayes K., Hayes C.* The intellectual development of a home-raised chimpanzee // *Proceedings of American Philosophical Society*. – 1951. – V. 95. – P. 105 – 109.

72. *Hockett C.D.* The origin of speech // *Scientific American*. – 1960. – Ч. 203. – P. 96-99.

73. *Hockett C.D.* The problem of universals in language // *Universals of language*. Cambridge: MIT Press, 1963. – P. 170-193.

74. *Kendon A.* Some consideration for a theory of language origins // *Man*. – 1991. – Vol. 26. – P. 199-221.

75. *Koep L.* Das himmlische Buch in Antike und Christentum: Eine religionsgeschichtlich Untersuchung zur altchristlichen Bildersprache. Theophaneia: Beiträge zur Religions und Kirchengeschichte des Altertums 8. – Bonn: Pater Hanstein, 1952. – S. 15-17.

76. *Krebs J.R., Dawkins R.* Animal signals: Mind reading and manipulation // *Behavioural ecology: An evolutionary approach* / Ed. by Krebs J.R., Davies N.B. – 2nd ed. – Oxford: Blackwell Scientific Publications, 1984. – P. 380–402.

77. *Kroeber A.L.* Gros ventre myths and tales // *Anthropological papers*. Amer. Museum of Natural History, 1907. – Vol. 1. – Pt. III. – P. 55-139.

78. *Krohn K.* Die folkloristische Arbeitsmethode. – Oslo: H. Aschehoug & Co, 1926. – 425 s.

79. *Leroi-Gourhan A.* Les maines de Gargas. Essai pour une étude d'ensemble//Le fil du temps. Ethnologie et préhistoire (1935-1970). – Paris: Fayard, 1983. – P. 222-240.

80. *Lopez S.R., Perello E.R., Giraldo H.C.* El santuario extremeño E. R. de las manos // Trabajos de preistoria. – Madrid. – 1999. – Vol. 56. – № 2. – P. 59-84.

81. *Lorblanchet M.* Avertissement // L'Art préhistorique paléolithique. – Paris, 1993. – P. 5–6.

82. *Luquet G.-H.* L'art et religion des hommes fossils. – Paris: Masson, 1926. – 420 p.

83. *McPherron S.P., Alemseged Z., Marean C.W., Wynn J.G., Reed D., Geraads D., Bobe R., Bearat H.A.* Evidence for stone-tool-assisted consumption of animal tissues before 3.39 million years ago at Dikika, Ethiopia // *Nature*. – 2010. – Vol. 466. – P. 857–860.

84. *Miller G.F.* The mating mind: How sexual choice shaped the evolution of human nature. – N.Y.: Doubleday/Heinemann, 2000. – 503 p.

85. *Milo R.G., Quiatt D.* Glottogenesis and anatomically modern Homo sapiens // *Current Anthropology*. – 1993. – Vol. 34. – P. 569-598.

86. *Morwood M.J., Brown P., Jatmiko, Sutikna T., Saptomo E.W., Westaway K.E., Due R.A., Roberts R.G., Maeda T., Wasisto S., Djubiantono T.* Further evidence for small-bodied hominins from the Late Pleistocene of Flores, Indonesia // *Nature*. – 2005. – Vol. 437. – P. 1012–1017.

87. *Paget R.A.S.* The origins of language with special reference to the Paleolithic age // *Cahiers d'histoire mondiale*. – 1956. – T. 1. – N2. – P. 399-426.

88. *Patterson F.* Innovative uses of language by a gorilla: a case study / Ed. Nelson K.E. *Children's Language*. V. 2. N. Y.: Gardner Press. – 1980. – P. 497-561.

89. *Patterson F.* The mind of the gorilla: Conversation and conservation // *Primates: The road to self-sustaining populations* / Ed. by Benirschke K. – N.Y.: Springer, 1986. – P. 933–947.

90. *Pinker S.* Language as an adaptation to the cognitive niche // *Language evolution* / Ed. by Christiansen M.H., Kirby S. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – P. 16–37.
91. *Terrace H.S., Petitto L.A., Sanders R.J., Bever T.G.* Can an ape create a sentence? // *Science*. – 1979. – № 206. – P. 891-900.
92. *Tobias P.V.* Evidence for the early beginnings // *Cambridge Archeological Journal*. – 1998. – Vol. 8. – № 1. – P. 72-78.
93. *Tomasello M.* *The cultural origins of human cognition*. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1999. – 248 p.
94. *Tomasello M.* *Constructing a language: A usage-based approach to language acquisition*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. – 388 p.
95. *Tomasello M.* *Origins of Human Communication*. – Cambridge, MA; London, UK: MIT Press, 2008. – 394 p.
96. *Wright R.V.S.* Imitative learning of a flaked stone technology – the case of an orangutan // *Mankind*. – 1972. – Vol. 8. – Issue 4. – P. 296–306.

Глава 3

ПРОЦЕСС ВВЕДЕНИЯ В КУЛЬТУРУ ЕСТЕСТВЕННЫХ ФОРМ ТОПОНИМИКИ И ТОПОГРАФИИ И ОТРАЖЕНИЕ ЭТОГО ПРОЦЕССА В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ, МИФЕ, ОБРЯДЕ

У детины заболит пальчик,
У матери – сердце.

Русская народная пословица

3.1. Процесс введения в культуру естественных форм топонимики и топографии

Введение в культуру топонимики и топографии неразрывно связано с культивированием общения, сочувствия, сострадания, сознательной заботы о своём и чужом организме. В работе «Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе» показано, что *«процесс введения в культуру заботы о здоровье не мог начаться без введения в культуру второй сигнальной системы, моделирующей наши внутренние состояния – первую сигнальную систему. Среди моделей, отражающих наши внутренние состояния, особо актуальны для медицинской семиотики геометрические модели, отличающиеся выразительностью и содержательностью. С этими моделями – ликами (личинами), накладываемыми на тело и манифестирующими лихо, лишения, связаны истоки лечения, лекарства. Факты свидетельствуют, что процесс введения в культуру геометрических моделей и приобщения к сознательной заботе о здоровье начинается*

задолго до того, как ребёнок освоит звуковой язык и научится ходить. Этот процесс АБСОЛЮТНО не изучен исследователями, хотя он играет фундаментальную роль не только при осмыслении истоков медицины, но и при осмыслении антропосоциокультурогенеза» [13, с. 143]. В этой работе также показано, что процесс введения в культуру геометрических моделей, вызвавших к жизни топографическую анатомию, диагностику, позволяет пролить свет на истоки широкого спектра моделирующих систем: маски, пантомимы, архитектуры, костюма, театра, сказки, мифа и других феноменов культуры. Осмысление этого процесса крайне актуально при изучении истоков мифологического мировоззрения, истоков «бытийного географизма».

В работах [9-17] показано, что забота о здоровье детей побуждает матерей практически с первых дней жизни младенцев приучать их осмысленно пользоваться руками – естественной координатной системой, универсальной сетью геометрических категорий, позволяющей постигать существенные, внутренние проблемы, связанные с функционированием организма человека. Показывая ребёнку, как следует сознательно манифестировать, а также структурировать больные места посредством маски (координатной системы), мать вводит в культуру естественные формы топонимики и топографии, которые позволяют не только понимать внутренние проблемы ребёнка, но и внутренние состояния матери. Демонстрируя болезненные состояния, развивая у ребёнка способность чувствовать чужую боль, как свою, матери получают возможность культивировать не только медицинскую семиотику, топографическую анатомию, но и человека, общество. Манифестируя обиду, страдания посредством маски (координатной системы) можно научить младенца делиться едой, игрушками и другими благами. Всё

это придаёт процессу сознательного использования естественной маски – оборотничеству фундаментальную роль в исходных формах социализации и инкультурации. Научившись воспринимать чужую боль, как свою, научившись делиться, договариваться, ребёнок становится социальным существом. В 6-7 лет он, пользуясь навыками геометрического моделирования, зачастую сам становится воспитателем своих младших братьев и сестёр. В этой связи материнские руки, исходную координатную систему можно рассматривать в качестве первого и основного социального лифта, который возносит ребёнка из животного царства в социум.

В процессе приобщения младенца к рукотворной координатной системе (маске, лику, личине) и её проецированию на тело (оборотничеству) можно выделить шесть последовательных этапов, играющих фундаментальную роль в психогенезе, социогенезе, культурогенезе. Этот процесс предельно наглядно демонстрирует неразрывную связь сознательного использования исходной координатной системы (маски, лика, личины) не только с лечебным процессом, с лекарской практикой, но и с культурой чувств, с культурой мышления, с культурой общения, без которых не может быть осмысленной заботы о здоровье, культурного социума (общества), а также сознательного накопления и развития географических знаний, навыков. В работе [9] впервые показано, что процесс введения в культуру исходной маски (координатной системы) является спектаклем, который лежит в основе пантомимы, обряда, волшебной сказки, мифа, театрального искусства.

На первом этапе приобщения младенца к осмысленной топонимике и топографии мать просто закрывает своё лицо руками (естественной маской, координатной системой), а потом открывает его к великой радости младенца. Анало-

гичные операции она проделывает и с руками ребёнка: «полетели-полетели, на головку сели».

Второй этап протекает в форме игры в прятки («тю-тю»): мать закрывает лицо руками и побуждает ребёнка отыскивать его под рукотворной маской, рукотворной постройкой.

На третьем этапе мать посредством рукотворной сети (маски, чары, личины), геометрических **построений** начинает моделировать свои **настроения** и состояния: боль, обиду, мёртвый сон, смерть, а также побуждает ребёнка вступать в силовую борьбу с её пятами (пастями), горстями, символизирующими напасти, горести, смерть, злые чары, обидчиков, похитителей, поглотителей, людоедов, великанов, богов, злых духов и т. д. Геометрические построения, символизирующие настроения, душевные состояния, знакомят младенца с различного рода **чудовищами**, а также с **чудо-вещами**, чудесными помощниками, советчиками, божествами, сказочными существами. В роли этих антиподов выступают две материнских руки.

Успешное освобождение материнского лица от чудовищ, злых чар, похитителей, поглотителей, победа молодых героев над старыми божествами, разрушение застенков, крепостей сопровождается бурным восторгом матерей и чествованием маленьких героев. Этот восторг вызван пониманием того, что в младенце пробудился человек, что ребёнок способен понимать её состояния, а также сочувствовать ей.

На четвёртом этапе мать посредством маски начинает манифестировать ребёнку связь между её внутренними состояниями и поведением ребёнка. Это позволяет приобщить ребёнка к технике безопасности, к социальным нормам поведения, а также к умению не только понимать, но и выражать свои внутренние состояния посредством геометрических структур, рукотворных построек, масок, пантомимы.

На пятом этапе мать, подталкивая пальцы ребёнка, прикрывающие, **мнущие** болезненное место, молча показывает, каким образом, используя естественную координатную или мерную сеть из пальцев, можно обмениваться **мнениями**, определить эпицентр боли, её границы, а также размеры поражённого участка у страдальцев. Её болезненные **толчки** учат ребёнка «понимать **толк**», осмысленно «**толковать**». Очевидно, что «стать **толковым**», научиться пользоваться системой координат, воспринимать чужую боль как свою, а также высказывать своё **мнение** можно и без усвоения звукового языка, который не столь содержателен и актуален, как язык геометрических моделей.

На шестом этапе происходит жестовая и звуковая «оцифровка» координатной сетки, исходного универсума посредством пальцевых игр, пальцевого и звукового счёта. В ходе этих игр ребёнок учится структурировать, описывать рукотворный универсум (рис. 1), колыбель человечества, своё родовое гнездо, а также самые разные помещения, пространства, ландшафты посредством языка жестов, неразрывно связанного с языком математики, языком медицины, языком архитектуры, языком костюма, языком географии.

Сеть, наложенная на **раны**, положила представления о первых **странах**, которые подверглись самому **раннему** геометрическому структурированию и картографированию. Исходная координатная система (рис. 1) – колыбель человечества позволяет не только познакомиться с этими странами, но и весьма наглядно показать, что математические методы широко использовались при описании уже самых первых стран.

Исходная координатная система позволяет также познакомиться со сказочными царствами. Так, например, последовательно касаясь большим пальцем подушечек на четырёх

смежных пальцах, мы можем добраться до тридевятого (три и девятого) царства. Следующие царства следует искать на другой ладони или на большом пальце. Подобного рода перемещения по первоизданной карте породили представления о сказочных скороходах. К такого рода скороходам относится, например, Мальчик-с-пальчик.

Перемещение большого пальца по сказочным царствам породили количественные представления, системы счисления, а также познакомили наших предков с путешествиями по сказочным странам, царствам. **Количественные** представления познакомили и со сказочными путеводителями: сказочными **колечками**, клубочками, которые перекачываясь, показывают путь в сказочные царства.

Надо сказать, что исходная сеть (рис. 1), порождённая пальцами (пастями), породила представление не только о небе (нёбе), но о небесных царствах, которые обеспечили изначальную геометризацию и оцифровку неба (нёба). В зависимости от систем счисления и расположения того или иного божества на небе (нёбе) мифы говорят о самом разном количестве небес: 3, 9, 13 и т.д. Властелин колец (большой палец), пребывающий на тридесятом (три и десятom) небе, может добраться до любого неба и найти в нём опору (рис. 31). Небесные царства являются исконной средой обитания не только божеств. Изначально там пребывают безгрешные люди – младенцы. Только познав добро и зло, они спускаются с небес. Фольклористы, мифологи, историки географии глубоко заблуждаются, отрицая существование сказочных, мифических небес, а также пытаясь осмыслить мифологический космогенез, мифологизированное мировоззрение, игнорируя человеческую телесность, математическое моделирование, исходные формы топонимики и топографии. Следует заметить, что седьмое небо следует искать не на руке, а во рту. Когда мы захлёбыва-

емся от восторга, кончик нашего языка касается неба в районе седьмых от центра зубов.

Пальцевые игры знакомят ребёнка со сказочными существами, которые населяют сказочные страны. Сказочные козы бодают детей, доводят их до икоты, а также учат «казать», сказывать. Сказочные **сороки** кормят детишек, учат показывать **сроки**: годы, дни, часы и т.д. Следует заметить, что дети могут показывать свой возраст задолго до того, как научатся говорить.

Координатная система, прикрывающая, обозначающая **кровь**, является не только первой картой, но первым рукотворным **кровом**, первой **кроватью**, которые вводятся в культуру изначально. В ходе геометрического моделирования, «оцифровки» геометрических структур, происходит детальное знакомство ребёнка с первым кровом, родовым гнездом человечества, исходной средой обитания и другими архитектурными и географическими архетипами, лежащими в основе моделирования и организации построек, ландшафтов.

Процесс приобщения к сознательному использованию исходной координатной системы является также процессом введения в культуру первой маски, лика, личины, величин, оборотничества, а также театра, который изначально был и местом действия, и местом обитания первых творцов, первых тварей. Серия из четырёх (греч. **tetra**) смежных пальцев на ладони (рис. 1) позволяет продемонстрировать первый театр, первых актёров, а также первого режиссёра (рис. 31) – Властелина колец, Властелина кулис, который держит всю эту труппу или трубу в кулаке. Именно исходный театр способен наиболее наглядно продемонстрировать самые страшные трагедии и драмы. Не случайно исходную систему координат называли маской смерти, ящиком Пандоры. Этот

ящик, порождённый божевами, подвергся осмыслению уже первыми врачевателями. Он играет неоценимую роль в диагностике.

Поскольку процесс введения в культуру естественной координатной системы (маски) играет фундаментальную роль в антропосоциокультурогенезе, не следует удивляться тому, что этот процесс нашёл детальное отражение в традиционном мифологизированном сознании. По этой причине осмысление волшебных сказок и мифов предельно актуально для понимания причин и методов сознательной геометризации человеком себя и окружающей действительности, которая лежит в основе «бытийного географизма», мифологического мировоззрения.

3.2. Отражение исходной формы театрализованного действия в сказке и мифе

Чудесная сказка и миф являются традиционным феноменами человеческой культуры. Структурной разницы между мифом и сказкой может не существовать: зачастую одинаковые повествования могут рассматриваться одним племенем, как миф, а другим – как сказка. Широко распространёно мнение, что различие между ними выражает оппозицию сакрального и профанного. Кроме того, предполагается, что сакральное первично, а профанное вторично. Миф отражает господствующие верования, мифологизированные обряды, мистические таинства, доступные только для посвящённых. Сказка общеизвестна, поэтому считается, что она возникла в ходе деритуализации мифа, а потому вторична, однако ещё выдающийся русский филолог **А.Н. Веселовский** (1838 – 1906) весьма решительно боролся с попытками выводить сказки из мифа. Он находил, что «теория более

рациональна, по которой не миф перешёл в эпос или сказку, а наоборот – сказка повлияла на образы мифа» [8, с. 658]. По его мнению, «схемы сказок должны были жить раньше в земных отношениях и лишь впоследствии подведены под них отношения небесные» [Там же. С. 658]. Следует заметить, что младенческому уму глубоко чужды мистические обряды, сакральность. Именно поэтому «устаи младенца глаголет истина». Изначально все люди усваивают сказки, и только со временем некоторые из них приобщаются к мифу, поэтому решающую роль в формировании первобытного мировоззрения играет сказка.

Подобно **В. Вундту**, сводившему истоки языка к внешним выразительным рефлекторным психическим актам, движениям, отражающим наши внутренние, глубинные состояния, процессы, **Веселовский** связывал истоки сказки с простейшими психическими актами. Он писал: «*Остаётся признать, что простейшие формы сказки служат простейшими образами психических актов...*» [Там же. С. 658]. Таким образом, в основе сказки лежат не мифологизированные обряды, а простейшие образы наших психических актов. Сказкой изначально называлось не описание, а именно показывание психических актов. Слова *сказка* и *показывание* изначально были синонимами, также как синонимами являются слова *смазка* и *помазание*. Таким образом слово *сказка* (укр. *казка*), изначально обозначало то, что очевидно, продемонстрировано и может быть наглядно подтверждено. Об этом свидетельствуют «ревизские сказки», которые упоминаются в «Мёртвых душах» **Н.В. Гоголя**. Есть все основания считать, что известный советский фольклорист **В.Я. Пропп** глубоко прав, утверждая: «*То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали...*» [26, с. 353]. Есть основания считать, что и басни, побасенки изначально

выступали в качестве зрелищ («совидений»). Так, например, в украинском языке *до побачення` до свидання`*.

Опираться на идеи **В. Вундта** и **А.Н. Веселовского** есть все основания. Дело в том, что на манифестации простейших психических актов, состояний (боли, обиды, радости, возмущения, страха и т.д.) основаны традиционные воспитательные приёмы, технологии, которые используют матери на самых ранних стадиях социализации, инкультурации младенцев, приобщения их к осмысленным формам топофилии, топофобии. Есть все основания считать, что именно эта манифестация ввела и вводит в культуру математику, топониимику, топографию, а также вторичные знаковые системы – обряд, звуковую сказку, миф.

В процессе изучения сказки исследователи постоянно сталкиваются с загадками. Одной из них является поразительное сходство сказок в самых разных частях ойкумены. Эта общность отмечена у народов, между которыми культурные контакты не могли поддерживаться вследствие крайней удалённости, наличия непреодолимых преград. Наиболее впечатляющие схождения обнаружены у волшебной сказки, истоки которой часто видели в народной фантазии. Есть множество оснований полагать, что, пролив свет на природу сказочных универсалий, можно будет постигнуть и природу мифических универсалий, которые являются переосмыслением первых.

Исследователями предприняты многочисленные попытки объяснить природу схождений, регулярностей в волшебных сказках разных народов. Несмотря на множество выдвинутых гипотез, общепринятый взгляд на природу сказочных универсалий до сих пор не выработан.

Наиболее архаичная форма сказки должна происходить из жестового показа. В настоящее время сказкой считается то, что было всего лишь звуковым сопровождением подлин-

ной сказки, подлинного показа, подлинного спектакля. Это сопровождение бесконечно моложе подлинной сказки. Универсальная природа исходного языка математики, исходных форм воспитательного процесса, связанного с приобщением к топонимике, топографии, сочувствию, состраданию, породили схожесть сказочной образности, сказочных сюжетов.

Лишённая изначального зрительного ряда, отрешённая от врачебной практики, от математики, топонимике, топографии, звуковая сказка будит воображение, причём не только у детей. Подвиги сказочных героев в традиционных обществах глубоко волнуют и взрослых. До недавних пор слушание сказок было любимым времяпрепровождением в сельской местности в зимнее время в Европе. Во многих регионах Азии, Африки, Америки, Австралии эта традиция до сих пор не изжита. Курдский писатель **А. Мирази** пишет: *«Сказители старшего поколения свидетельствуют, что их деды и прадеды слушали и сами рассказывали нескончаемые, длившиеся по несколько часов, а порой и дней повествования. Нам в детстве также посчастливилось услышать чарующие сказки 90-летней сказочницы Хама Давреш, уроженки Карской области (Турция)»* [21, с. 15].

Исследователи зафиксировали не только интерес к сказочным событиям, но и глубокую веру в сказочные чудеса, которая изначально была свойственна разным народам. У русских вера в сказочные чудеса была широко распространена ещё в XIX веке. Так, например, по свидетельству **И.А. Худякова** в конце 50-х, начале 60-х годов XIX в. *«вера в языческое чудесное ещё в высшей степени распространена в народе»* [6, с. 284]. Обосновывая этот факт, **Ф.И. Буслаев** в своём труде «Славянские сказки» писал: *«Художественная правда сказок – если можно так выразиться – основывается на том, что все они у народов индоевропейских поражают*

исследователя удивительным сродством. Сушья неправда, бессмысленная ложь не могли бы пронестись на расстоянии веков по многим народам и племенам общим согласием в главных мотивах сказочного предания, и не могли бы так твёрдо укрепиться в национальности каждого» [5, с. 309].

Цивилизация разрушает веру в сказку. Подавляющая масса цивилизованных людей уже не верит в сказочные чудеса и склонна трактовать сверхъестественное, как неестественное. Между тем, слова *це оудо*, *це оудеса*, *це оудо* и *оудо* изначально не несли в себе ничего таинственного, поскольку сопровождали показ подлинных чудес, которые неразрывно связаны с нашими органами (*удами*, *оудами*, *оудесами*) [38]. Чтобы увидеть Чудо-Юдо, достаточно обратить внимание на две наши пясти (пасти), которые до сих пор обозначают разные напасти, зверскую боль и т. д. Эти органы способны обозначить и самого человека, склонного чудить. До сих пор мы говорим «чудак-человек».

Неверие в сказочные чудеса свойственно даже исследователям волшебной сказки. Так, например, известный советский фольклорист **В.Я. Пропп** в статье «Фольклор и действительность» категорически заявляет: «Сказка есть нарочитая и поэтическая фикция» [27, с. 87]. **Проппу** вторит другой известный исследователь фольклора – **В.П. Аникин**. В книге «Русская народная сказка» он утверждает, что «сказка воспроизводит невероятные события, дела, поступки. В сказке реальность представлена неправдоподобно» [2, с. 29]. Вместе с тем, он вынужден констатировать, что ещё в середине XIX века у многих сказок не было «установки на вымысел». **Н.В. Новиков** в своей книге «Образы восточнославянской волшебной сказки» также отмечает, «что в древнерусской письменности, насколько нам известно, представление о сказке как лишь о поэтическом вымысле не отражено

*и встречается только в сборниках пословиц и поговорок XVII–XIX вв. и сказках XIX–XX вв.» [24, с. 16]. Тем не менее, выделение вымысла в качестве основы сказки свойственно многим авторам теоретических трудов и учебных пособий по фольклористике: **А.Н. Церетелеву, А.Н. Веселовскому, И.Я. Порфирьеву, П.О. Морозову, П.Н. Сакулину, Ю.М. Соколову, Э.В. Померанцевой** и др.*

Неверие в сказочные чудеса, противопоставление чудесного и исторического порождает непреодолимые проблемы при выявлении исторических корней волшебной сказки. Оно побуждает исследователей искать истоки волшебной сказки в мистических обрядах, гипертрофированной фантазии, которые являются формами превратного отражения действительности. Всё это создаёт предельно искажённое представление об истоках веры в чудеса, о природе сказочных универсалий.

Масса проблем возникает и у тех исследователей, которые интуитивно верят в реальность сказочного мира. Так, например, профессор филологии Оксфордского университета **Дж.Р. Толкиен** относится к миру волшебной сказки очень и очень серьезно, не считая его вымыслом. Вместе с тем он находит, что искать корни волшебной сказки – крайне трудная, неблагодарная задача. В своей статье «*О волшебных историях*» он отмечает: «*Вопрос: “Где скрыто начало чуда и волшебства?” – без сомнения приведет нас к самым фундаментальным и вечным вопросам нашего мира*» [36, с. 28]. С этим трудно не согласиться. Есть все основания предполагать, что истоки чудесной сказки способны решить и фундаментальные проблемы, связанные с истоками «бытийного географизма».

В работе «Подлинные истоки волшебной сказки» [10] впервые показано, что постигнуть природу «звуковой сказ-

ки» можно только через посредство исходной формы математического моделирования, с которой нас знакомят матери в ходе приобщения к медицинской семиотике, топонимики, топографии, к сознательной заботе о здоровье. Истоки волшебной сказки во всех деталях раскрывают истоки введения в культуру начертательной геометрии, первых карт.

Пальцы руки (исходная матрица, система координат) являются первым **плацем**, **паласом**, матрацем, матом, на которых мы возлежим, пребывая на родительских руках. Первозданная матрица, мат являются также знаковыми системами, позволяющими не только «материться», обкладывать больные места (благой мат, многоэтажный мат), но и манифестировать исходный духовный и материальный мир во всех его ипостасях. Благой мат бесконечно архаичнее мало вразумительного «звукового мата». Этот мат свойственен всем приматам, поскольку имеет рефлекторную основу.

Две руки являются дверками в сказочный мир, полный чудес, достатка, заботы и любви, а также в мир страданий и слёз. Исходная сеть категорий, исходная **матрица** состоят из двух половин: **матери и отца**. Таким образом, язык жестов отнюдь не исключает различения знаков по родам, более того, он предполагает и средний род, когда мужские и женские суставы сливаются в единый образ. Язык жестов, язык математики (протоязык, метаязык) проливает свет на истоки и внутренние связи корней вторичного – звукового языка. Протоязык подсказывает, что родители (англ., франц. **parents**) выступают в качестве первого **принтера**, с которым связаны первые осмысленные впечатления, первые печатные книги, таблицы судеб, книги мёртвых, татуировка, орнамент, карты и т.д.

Обращать внимание на изначальную печатную продукцию, на первые карты, а также разбираться в сказочных

существах, их повадках побуждает зверская боль, медицинская практика, воспитательный процесс. С матрицей, исходной сетью категорий мы впервые знакомимся, когда учимся жаловаться, сетовать, сочувствовать, разбираться в горстях, манифестирующих горести. Связь между сетью и сетованием можно проследить в разносистемных языках, поскольку именно координатная сеть (сито и оси) из пальцев позволяет разбираться в жизненно важных ситуациях. Так, например, в казахском языке *тор* `сетка`, `сеть`; *торығу* `отчаиваться` [19]. Именно **в сети** передавались первые осмысленные **вести**, поэтому анализ исходной сети предельно актуален при обращении к истокам знакового поведения, моделирующих систем. Прикрытая («заныкивая», «заначивая») больные места, исходная сеть выступает в качестве первого **знака**, с которым связаны истоки топонимики, истоки топографии.

Пясти (пасти), манифестирующие зверскую боль, придают сказочным родителям звероподобный облик. Материнские руки ввели в культуру как язык зверей, так и представления о сказочном браке, о звероподобных патерах, патронах. **Пятеро** пальцев руки – сказочные **патеры, пятерни, патроны** – заботились о детях в те времена, когда вся забота о детях лежала исключительно на плечах самок. Вторая рука (собственно мат) изначально прикладывается непосредственно к телу при обозначении матери, а также больного места (благой мат). Эта маска породила представление о звероподобной матери, мачехе, маске, оборотничестве. **Серия** пальцев, образующих мат, **жменю**, породила представления **шири земной**. Отсюда – Мать Сыра-Земля. В дальнейшем сказочного патера (отца), сказочную мать (мать-зверя, мать-землю) мы будем соотносить с руками, а родителей в современном представлении – с лицами женского и мужского пола.

При агонии или смертельной боли сказочный патер покрывает сказочную мать (мат), образуя матрицу (маску смерти, координатную систему). Эта матрица позволяет структурировать больное место. Наложение рук, сведение рук, свадьба, покрытие, брак изначально рассматривались как смертельная схватка между полами. Связь марьяжа, амура, с мором, со смертью можно проследить на неограниченном лингвистическом, фольклорном, мифологическом материале. Глубоко права советский фольклорист **В.К. Соколова**, которая в статье «Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре)» говорит о генетической связи между смертью и браком. Она пишет: «Сходство здесь генетическое: метафора смерть – свадьба возникла на основе древних представлений» [31, с. 192].

Сватовство как смертельная схватка является древнейшим мотивом, который получил повсеместное распространение: «Китаби Коркут», «Манас», «Сорок девушек», «Тысяча и одна ночь», «Давид Сосунский», «Шахнаме» Фирдоуси и др. Этот мотив хорошо известен исследователям, однако единый взгляд на истоки этого мотива до сих пор отсутствует. Между тем, рассматривая подобные браки как рефлекторный захват или сложение рук в процессе сетования, можно объяснить многое. Естественная пара, состоящая из отца и матери, позволяет сформировать исходную матрицу, исходное мерное пространство, а также заполнить его челядинцами, целыми единицами, первыми актёрами.

Связь сказочных супругов с нашими ладонями подтверждает тот факт, что в др. русском лада `супруг`, укр. ладо, лада `супруг`, `супруга` [38]. Те лады и породили представления о челяди, леди, людях и т. д. Сказочная семья породила се-

миозис. Связь семиозиса с диагностикой человечество пронесло сквозь тысячелетия. Так, например, термин *семиозис* использовался древнегреческим физиологом Галеном из Пергама при постановке диагноза. Только через тысячелетия этот термин был заимствован представителями других наук.

Посредством сказочного марьяжа (фр. *marriage* `супружество`, `судьба`) мы учимся мерить, намереваться, считать, думать. Любые попытки отождествления сказочных родителей, сказочных форм брака-смерти с современными представлениями о родителях, супружестве и смерти не имеют малейших оснований. Между тем, такие попытки в фольклористике традиционны. Так, например, полностью игнорирует природу сказочного супружества **В.Я. Пропп**, который в своей работе «Исторические корни волшебной сказки» пишет: «Герой ищет невесту вдалеке, а не у себя. Возможно, что здесь отразились явления экзогамии: очевидно, невесту почему-то нельзя брать из своей среды» [26, с. 22]. Выводя сказку из мифологизированных обрядов, он забывает, что у мифических героев было в обычае нарушать экзогамию, а инцест был в порядке вещей. Зачастую первые люди оказывались братом и сестрой. Кроме того, сказочные герои, сказочные существа зачастую непосредственно соотносятся с суставами рук (мальчик с пальчик, мужичёк-кулачёк, шиш, дюймовочка), поэтому нет оснований искать истоки образов сказочного социума вне исходной моделирующей системы, связанной с манифестацией наших психических актов, а также выводить сказочные персонажи из мифологизированных обрядов. Есть все основания полагать, что сказочная матрица-маска, порождённая материнскими руками, прольёт свет на широкий спектр мистических обрядов, в которых используются не природные маски, не исконная моделиру-

ющая система – математика, а вторичные моделирующие системы.

В сказках говорящие и мыслящие животные регулярно похищают сказочных женщин, держат их в заточении, и от этого брака рождаются сказочные существа, сказочные герои. У народов Европы наибольшее число текстов, повествующих о том, как медведь унёс женщину в свою берлогу и прижил с ней сына, относится к жанру сказки, а не мифа. Исходные матрицы, сети, стены, сцены позволяют не только стенать, лезть на стенку, устраивать сцены, но дают возможность увидеть первые застенки, в которых содержатся сказочные матери, а также сказочные дети, рождённые в сказочном браке (матрице). Эти дети зачастую являются животными. Сказочные зверообразные родители могут без проблем порождать змей (рис. 7), коз (рис. 6), единорогов (рис. 15), кентавров (рис. 12). Рождение сказочного героя может происходить прямо из пасти (пясти), головы сказочного животного или изо рта сказочной матери. В курдской сказке «Змеёныш» пастух день за днём ждал, когда жена родит ему ребёнка. И вот по божьей воле выполз у неё изо рта змеёныш. Муж вернулся домой, обрадовался: *«Слава богу! Жена моя долгие годы не могла родить ребёнка, хорошо хоть этого змеёныша родила»* [21, № 16]. В тангутской версии эпоса «Гесер» герой говорит из утробы матери: *«Мать! Я выйду через голову!»* [25, с. 5, 6]. В полном вооружении выходит из головы Зевса и Афина, причём её появлению предшествовало поедание тотемического существа (супруги). Вот как этот процесс описан у древнегреческого писателя Апполодора: *«Зевс сошёлся с Метидой, принимавшей различные образы, чтобы избежать его любви. Когда она оказалась беременной, Зевс проглотил её прежде, чем она родила, ибо она обещала, после того как вначале родит деву, произвести на свет*

сына, который станет властителем неба. Испугавшись этого, Зевс и пожрал её. Когда же наступило время родов, Прометей ударил Зевса по голове топором (некоторые называют и Гефеста). Из головы выскочила в полном вооружении Афина...» [3, с. 8, 9]. Поглощение Зевсом Метиды не может вызвать удивления при учёте исходной формы брака, когда одна родительская пясть (пасть) захватывает другую, формируя исходную маску. Пальцы (**палы**) и **ладони** позволяют продемонстрировать рождённую Зевсом Афины **Палладу**, а также змею, выползающую из её головы.

Автор книги «Мифологическая анатомия» **Л.Е. Этинген** (1930 – 2012) отмечает, что «в сравнительном языкознании “рот” соотносится со значением “рожать”. Отсюда происходит представление о “родящем рте” В древнекитайских поэтических представлениях выплёвывание приравнялось к появлению на свет. Титан Кронос изрыгнул на свет братьев и сестёр Зевса» [40, с. 221]. Любые попытки искать первые пасти, рты, древних божеств вне руки приматов лишены всяческих оснований.

Сказочные герои – первые актёры первого театра могут проникать в головы животных: входить в одно ухо, а выходить из другого. Следует сказать, что в сказках регулярно попадают такие персонажи, как Иван коровий сын, Иван Быкович, Иван Сученко, Медведко. Таким образом, тотемизм, животное происхождение героев более ярко отражены именно в сказке, а не в мифе.

Сказочные персонажи могут представать в образе пальцев, палиц, булав, булавок, кулаков, клюк. «Я твой сынок, народился из твоего мизинчика» [4, № 300]. «Начал он ходить по подземельному царству, набрёл на избушку, взошёл туда – в избушке сидит дочь бабы-яги да ковёр вышивает. Увидела гостя и вскрикнула «Ах, Сосна-богатырь! Сейчас

моя матушка придёт; куда тебя спрятать от неё?» Взяла оборотила его в булавку и воткнула в пяльцы» [Там же. № 142]. Обращение к рукам, к сказочным родителям позволяет понять, почему у бездетных родителей сыном становится палец. Может показаться, что в настоящее время пеленать палец и нянчиться с ним никому и в голову не придёт. Между тем, порезав палец, мы тщательно бинтуем его и «нянчимся» с ним. Аналогичным образом поступают с пальцем и сказочные старики и старухи. Таким образом, обращение к жизненной практике позволяет постигать смысл древних учений о подлинных снастях, о подлинных человеческих ценностях.

Ладони дают представления не только о первых челядинцах, но и об исходных целых единицах. Надо сказать, что суставы пальцев, которые демонстрировали больное место («бобо»), изначально назывались бобами, бабками, бабами, бобылями и т.д. Для выяснения эпицентра боли по бабкам при диагностике последовательно ударяют кончиками пальцев. Подбивают бабки и при счёте на пальцах. Отсюда пошла практика гадания на бобах, игра в бабки, а также слова и выражения: «провести на бобах», «подбивать бабки», «бабло», «бой-баба» и т. д. Следует, заметить, что в татарском языке *баба* `дед`, *баблар* `предки` [35]. Первозданную популяцию сказочных предков можно пересчитать по пальцам (рис. 33).

Сеть из пальцев, прикрывающая **рану**, относится к самым **ранним** сказаниям (показам), нашедшим отражение в языке, словесности. **Сеть** и **рана** породили представления не только о **стране, странствии**, но и о **старине**, сатирах, штырях, штырьках, стариках, старухах, которые в **раннии** времена составляли первый социум, первый универсум. Использование изначальной матрицы в диагностических целях предполагает захват в пять (пасть) сказочным супругом

его сказочной жены, затаскивание сказочной жены на небо (нёбо), а также на большое место («бобо») и последующую передачу супруги в пасть (пять) врачевателя или сочувствующего лица, которое разберёт мерное устройство (мёртвую супругу) по косточкам. Подобного рода практика детально отражена в русских сказках, где старик посредством своих зубов транспортирует старуху на небо, лезет с нею на боб, а в качестве врачующего, сочувствующего лица выступает Лиса-лекарка, Лиса-плакальщица, которая поглощает старуху, разбирает её по косточкам [4, № 18, 21, 22]. Любые попытки осмысления подобного рода текстов, игнорируя медицинскую семиотику, топографическую анатомию лишены всяческих оснований. Лишены оснований и утверждения, что волшебные (лечебные) сказки всегда имеют счастливый конец. Следует заметить, что сказки о мужьях-людоедах, женихах-людоедах, поедающих своих жён, невест, существуют у самых разных народов.

Сказочная форма брака, знаковые женихи и жёнушки – проливают свет на сказочных невест, которые регулярно вступают в смертельную схватку со своими женихами и готовы сами съесть их или заключить под пол, в роли которого выступают сами представительницы прекрасного пола – окровавленные кровожадные красные девы, сдавливающие кровавую рану. **В.Я. Пропп** в своей книге «Исторические корни волшебной сказки» с полным основанием пишет: *«Те, кто представляют себе царевну сказки только как “душу – красную девицу”, “неоценённую красу”, что “ни в сказке сказать, ни пером написать”, ошибаются. С одной стороны, она, правда, верная невеста, она ждёт своего суженого, она отказывает всем, кто домогается её руки в отсутствие жениха. С другой стороны, она существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убивать, утопить, искалечить,*

обокрасть своего жениха, и главная задача героя, дошедшего или почти дошедшего до её обладания, – это укротить её» [28, с. 298]. Смертельная схватка жениха и невесты приводит к формированию **семьи**, лежащей в основе **семиозиса**.

Сказочная невеста, как и сказочная мать, изначально ассоциировалась с пястью (пастью). Она имела звероподобный облик и нуждалась в укрощении, поскольку норовила проглотить своего жениха во время брачного поединка, формирования матрицы, лежащей у истоков картографического процесса, у истоков топонимики и топографии. Только со временем личность невесты стала отождествляться с человеческим лицом. Рассмотрение сказочной матрицы, способов её формирования, применения, а также сокровенная печать позволяет пролить свет на природу столь противоречивого образа невесты в чудесной сказке, а также на природу кровавой печати, которой она наделяет жениха при общении с ней.

Поскольку изначально свадьба, обручение ассоциировались с наложением рук – маской смерти, она вызывала ужас. Этот ужас чувствуется во многих сказках, в которых жених вступает в единоборство с невестой, которая стремится наложить на него руку во время брачной ночи. *«Вот лёг Иван-царевич спать с богатырь-девкой. Вдруг богатырь-девка положила ему на грудь руку. Ивану-царевичу сделалось дурно...»* [4, № 202]. *«Только легли опочивать, она волшебной силой наложила на него руку»* [6, № 19].

В результате коварства представительниц слабого пола сказочные женихи часто оказываются под полом, где содержатся страдальцы (пациенты). Так, например, Ирина мягкая перина в русской сказке говорит незадачливому герою: *«Ложись к стенке, а я лягу на край!»* Несчастный доверился злодейке, а *«она его под серёдку подхватила, прошибла им пол, и*

улетел он в погреб» [4, № 175]. Очевидно, что в качестве пола изначально выступала сама представительница женского пола, а брачное ложе, кровавая кровать, да и сам брак были своеобразными бирками на теле страдальцев. Совместное наложение рук позволяет обозначить больной орган, обеспечить структурирование боли, анестезию. Чтобы невеста перестала быть невестой, необходимо поймать её в сеть. В сети сказочная невеста становится сказочной супругой.

Следует заметить, что в диагностических целях следует допустить к сказочной невесте руку врача, спасителя, друга, который должен основательно помять её, чтобы выявить эпицентр боли. Нет ничего удивительного в том, что вместо жениха с кровожадной невестой часто укладывается его друг-спаситель, друг-охранитель. Его друг («евонный» друг) со временем превратился в Ивана-дурака. *«Коли хочешь быть жив, позволь мне лечь с королевой на твоё место»* [Там же. № 136]. Игнорируя диагностику, топографию, топонимику, игнорируя сказочный (показной) характер сказочного брака, сказочных героев, можно только гадать о природе столь странных брачных обычаев.

Диагностика обычно осуществляется тремя смежными **пальцами**, которыми постукивают по пальцам пациента или **попирают** их, поэтому дружки героев сказок нередко крепко потчуют невест **плетьми**, тремя сортами **прутьев** и т.д. *«Потом Иван-царевич взял её за косу, здёнул с кровати и стал этими плетьюми драть её. Как исхлестал её, так и бросил её на кровать»* [32, № 72]. Только после этого он даёт возможность жениху воспользоваться брачным ложем.

В брачном поединке в сказках разных народов нередко участвуют целые армии (нем. Arm `рука`; казах. кол `рука`, `армия`). *«Як дойшов ён да етай рати и спросив, тут го-*

лос сказал ему, што усе три рати победила Анастасия Прекрасная, а сама теперь в шатре аддыхая. Фёдор наехав. Приехавши да шатра, привязав каня и, вашедши в палату, лёг сбоку. Анастасия Прекрасная проснулась и, разбудивши Тугарина, кажа: “А што, ти будем биться, ти мириться?”» [4, № 160].

Есть все основания связать истоки образа воинственной Анастасии с анестезией, которая достигается наложением матрицы на рану. Невеста, прикрывающая рану, является исходной печатью, которая достаётся жениху вместе с невестой. Во многих сказках царевна во время состязания за её руку отдаёт печатку или ставит печать герою. Такой случай, например, мы имеем в сказке «Сивко-Бурко»: «Разлетелся на царском дворе, так все двенадцать стёкол и разбил, и поцеловал царевну Неоценённую Красоту, а она ему прямо в лоб клеймо и приложила» [Там же. № 182].

Не теория, а феноменальная интуиция подсказала **В.Я. Пропну**, что в свадебном поединке «рана играет роль кровавого клейма» [28, с. 299]. Именно сокровенная печать сближает сказочного жениха и сказочную невесту. Этим подтверждается изначальная связь сказочного брака с наложением бирки, с истоками начертательной геометрии, сознательной топонимии, топографии. Следует заметить, что в Индии сохранился обряд раскрашивания рук невесты перед свадьбой, который называется *Mehdi* (рис. 50).

Смертельная схватка между полами, а также диагностическая практика, породили представления о бабе-яге-воительнице, а также о герое, который помогает старику-богатырю, смертельно боящемуся схватки со старухой-богатыршей – бабой-ягой (бабой его, его женой – ягишной). Старику-богатырь настоятельно рекомендует герою не топтать поле бабы-яги, однако герой даже не помышляет выполнять наказ

Рис. 50. Древний ритуал раскрашивания рук – Mehndi. Индия

трусливого богатыря. Он смело топчет поле бабы-яги, что, разумеется, вызывает негодование у этой представительницы сказочного женского пола. Баба-яга посмотрела в подзорную трубу, села на коня и в поле. Иван-царевич, не долго думая, ударил её палицей, сбил её девять голов, а тело разрубил [24, с. 161]. Многоголовость бабы-яги predetermined структурой матрицы, которая со временем подверглась дифференциации на целый ряд сестёр и дочек бабы-яги, а диагностический процесс (топтание

поля) стал ассоциироваться с последовательным обходом бабы-яги и её сестёр, а также пребыванием с ними в бане. При этом прутья, которыми потчевали непокорных невест, трансформировались в обычный банный веник.

Баба-яга и её сёстры умеют прясть. Когда царский сын *«доезжает до избушки, входит туда, а в избушке ягишна – сидит за пряслицей, прядёт шёлковую кудельку на золотом веретенце и говорит: “Куда, руска коска Иван-царевич поехал”»* [4, № 174]. Баба-яга страдает слепотой (рис. 21) по причине отсутствия на её лице глаз. Пальцы не могут склоняться вперёд, поэтому своих жертв баба-яга стремится посадить на лопатку (за спину), однако чаще всего она оказывается сама на лопатке у героя, который также не может склоняться вперёд.

Сказочная избушка бабы-яги может поворачиваться, чтобы впустить героя (рис. 21).

Процесс приобщения детей к топонимии, топографии, исходной системе координат нашёл детальнейшее отражение в звуковой волшебной сказке и мифе. Во многих сказках подчёркнуто, что действие происходит в незапамятные времена. Первые времена своего бытия люди не помнят, но прекрасно помнят их матери, поэтому «бабым сказкам» следует верить. Во многих сказках подчёркнута исключительная юность героев, которые часто растут не по дням, а по часам. В русской сказке «Кощей бессмертный» отец говорит герою, который собирается отправиться на поиски невесты: «*Что ты дидятко! Куда поедешь? Ты всего девятысучный!*» [4, № 157].

Практически любая проблема ставит сказочных героев в тупик, вызывает у них слёзы, побуждает пользоваться чужими советами, прибегать к помощи всякого рода учителей, помощников. Многие сказочные герои (как и все мы в младенчестве) не приспособлены к труду, крайне неряшливы и обладают предельно низким интеллектом. Зачастую это младшие дети в семье, абсолютно не приспособленные к жизни. Подчас они не могут самостоятельно ни питаться, ни передвигаться. В азербайджанской сказке говорится следующее: «*У Ахмеда была старая мать, и жили они в маленькой хате. Он был настолько ленив, что ел только тогда, когда прохожие клали ему пищу прямо в рот; если же они этого не делали, он оставался голодным*» [1, с. 132]. Ахмед зачастую забывал даже своё имя. Это, впрочем, не мешает сказочным гипертрофированным дурачкам совершать такого рода подвиги, которые вызывают бурный восторг и умиление у окружающих. Героизация младенцев характерна и для мифов. Так, например, младенец Геракл сумел расправиться со

змеями, которые поселились в его колыбельке. Материнские руки позволяют увидеть и этих змей, и эту колыбельку.

В основе сюжета волшебной сказки очень часто лежит повествование о преодолении потери или достижении цели при помощи чудесных средств, волшебных помощников. В экспозиции сказки присутствуют обычно два поколения: старшее и младшее. В сказке регулярно происходят отлучка или смерть представителей старшего поколения.

Завязка сказки часто связана с тем, что главный герой или героиня отправляются на поиски любимого лица, которое оказалось в беде, вызванной нарушением запретов, непослушанием, происками злых сил, колдунов и т. д. Это знаменует начало противодействия, то есть отправку героя на поиски пропавшего лица, пребывающего у чудовищ, разбойников, людоедов, в царстве мёртвых и т. д.

Кульминация волшебной сказки заключается в описании того, как главный герой, героиня, близнецы (руки младенцев) сражаются с бесконечно более сильными похитителями, поглотителями любимых лиц.

Развязка повествует о том, как герои разрушают злые чары, царства смерти, а также выпускают из подземелий, темниц, загробного мира на свет божий любимые лица: матерей, сестёр, братьев, невесток, красавиц. Обычно герой (героиня) в конце приобретает более высокий социальный статус, чем он был в начале.

В сказках часто упоминается живая, а также мёртвая вода. Под «мёртвой водой» следует понимать слёзы мнимых покойников, а под «живой водой» – слёзы сострадающих им героев. По вполне объяснимым причинам живая вода способствует мгновенному исцелению мнимых покойников.

Надо сказать, что знакомиться с диагностикой, с маской смерти, с зверской болью, отправляться на борьбу с несрав-

ненно более сильными противниками (материнскими руками) маленьких героев чаще всего побуждает мать их, которая заблаговременно умирает и выступает в образе злобной мачехи (маски), побуждающей своего супруга (другую руку) отправлять своё любимое чадо на верную смерть. Часто герои подвергаются различного рода испытаниям, оказываются покинутыми в дремучем лесу, сброшенными в пропасть, отправленными на съедение к чудовищу. *«Думал, думал наш мужик и повёз свою дочь в лес. Едет лесом – глядит: стоит избушка на курьих ножках»* [4, № 102]. *«Повёз он свою дочь в лес и оставил там, в землянке»* [32, № 118]. **Дюжина углов** на четырёх согнутых смежных пальцах позволяет увидеть сказочные **джунгли**, а также понять математическую природу сказочного леса, без посещения которого невозможно постигнуть азы математики, азы диагностики. Сказочная чаша, является также «чашей терпения» (естественным терапевтическим средством), без осмысления которой невозможно осмыслить прототерапию.

Младший брат в мифах и сказках регулярно оказывается в безвыходном положении по вине своих старших братьев. В подобной ситуации оказался, например, Ивашко – герой русской сказки «Три царства – медное, серебряное и золотое» [4, № 128], который на ремнях (раменах) спустился в пропасть и отыскал в пропасти невест для своих братьев. Коварные братья оставили его в пропасти, и он был вынужден самостоятельно выбираться из неё. Пара пястей позволяет обнаружить пропасти, в которых скрываются не только невестки, любящие играть с младенцами в прятки, но и различного рода многоголовые чудовища, сторожащие красавиц. Младенцам приходится прикладывать невероятные усилия, чтобы освободить от этих чудовищ красавиц, которые достаются злокозненным старшим братьям. Надо ска-

зять, что жены старших братьев любят поиграть с маленькими деверями в прятки, особенно если их подсаживают к ним мужья (старшие братья героев). В пропастях младенцы зачастую разыскивают не только невесток, но и матерей, сестёр и других притворщиц, вступая при этом в борьбу с различного рода чудовищами.

Ивашко, в конечном счёте, простил своих братьев, которые некогда были младшими и наверняка не могли избежать участи Ивашки. Категорически против реабилитации братьев выступают многие исследователи фольклора и мифологи, которые видят в поступках братьев злой умысел. В этом отношении особого упоминания заслуживает работа советско-российского культуролога, филолога, основателя исследовательской школы теоретической фольклористики **Е.М. Мелетинского** (1918 – 2005) «Герой волшебной сказки». В ней дан подробный обзор предшествующих трактовок мотива младшего сына-дурачка в сказочном эпосе, а также приведено этнографическое объяснение, которое было впервые выдвинуто антропологической школой. Это объяснение видит в основе идеализации младшего брата минорат (привилегии младшего брата в наследственном праве). По мнению **Мелетинского**, *«ключом к проблеме генезиса сказок о вражде старших и младшего братьев являются сказки о дележе наследства... Социальную почву для идеализации младшего брата создаёт разложение патриархальной общины и возникновение классового неравенства. Одно из самых существенных последствий разложения патриархальной семьи – переход от общинной собственности большой семьи к частной индивидуальной собственности малой семьи, который получил известное выражение в борьбе минората и майората... Идеализация младшего брата в сказке есть идеализация социально обездоленного в результате разложения*

родового коллективизма индивида» [22, с. 159, 160]. Подобного рода взгляды свидетельствуют о полном непонимании природы сказочных героев, характера их подвигов. В решающей степени это обусловлено тем, что истоками волшебной (лечебной) сказки занимаются не историки математики, медицины, географии, а люди весьма далёкие от естествознания и точных наук.

Исходная координатная система позволяет продемонстрировать лабиринт, содержащий большое количество замкнутых помещений (рис. 1), а также Минотавра, который ничем не отличается от «Золотого тельца» (рис. 11). Этому тельцу мы все поклоняемся, когда умываемся, причитаем и т. д. Мудрые древние греки не без умысла посылали своих детей на съедение к Минотавру – естественному ментору. Борьба с ним не столь опасна, как принято думать. Каждый читающий эти строки много раз побеждал это чудовище, причём в самом раннем детстве, а также постигал устройство лабиринта – естественной математической структуры, с которой связаны истоки счёта.

С естественной маской, с лабиринтом связаны и представления о сказочной библиотеке – «либереи» (от лат. Liber – книга), которая хранится в таинственной пещере, за семью печатями. Во многих сказках подробно описано, как герои попадают в эту библиотеку и набираются в ней знаний.

Надо сказать, что маленькие герои зачастую добровольно отправляются на поиски лиц, оказавшихся во власти чар колдунов, чародеев, водяных, леших и т. д. Любой ребёнок может видеть, как его отца (отнюдь не сказочного) хватает за бороду рука водяного, высунувшаяся из рукотворного водоёма. Такое может случиться без всякого умысла, если попытаться испить из ладони холодной воды при наличии чувствительности зубов к холоду. Сочувствие побуждает

ребёнка посещать царство водяного, в котором не сложно узнать руку страдальца, которая прикрывает бороду и зубы. Нет ничего удивительного в том, что получил широкое распространение сказочный мотив, согласно которому морской царь, хозяин пруда или водяной требуют от человека, который попал в беду, отдать на съедение или в науку его младшего ребёнка для обучения оборотничеству. Пребывая у водяного, лешего, ребёнок учится сочувствовать, а также постигает азы диагностики, оборотничества.

Манифестируя мёртвый сон, смерть, горе, любимые лица могут пребывать в сонном царстве, в гробу, в горе, на дне водоёма, также менять свой облик, превращаясь в страшных чудовищ. Похищенные сказочными чудовищами, животными, злодеями лица чаще всего содержатся в заточении: в чреве животного, в подземелье, в замке людоеда, у братьев-разбойников и т.д. Сказочные невесты могут содержаться в заточении также по воле сказочных родителей, образующих сказочную матрицу. Они также могут быть хозяйками сказочного царства и бдительно оборонять его.

Пятеро пальцев (сказочный патер, нем. **Vater**), выступающие в роли естественной маски (**хари**), проливают свет на сказочного **ветра, вихря** который регулярно захватывает женщин, детей и уносит в своё логово, царство. В качестве чудовища, с которым сражаются сказочные герои, часто выступает отец-зверь, который держит супругу взаперти. Очень часто подростки свергают тирана-отца. Сказочная матрица, материнское притворство, детская жалость, диагностическая практика проливают свет на загадочные мотивы, связанные со стремлением героев свергнуть своего отца, занять его место. Смертельные схватки богатырей со своими отцами, сыновьями, дочерьми нашли яркое отражение в русских былинах.

Дети влюбчивы. Со временем ребёнок в качестве любимого лица начинает выбирать не только мать, но и иных представительниц женского пола и сказочных патеров, скрывающих любимые лица, ждёт участь отца Эдипа. Не следует удивляться тому, что сказочные красавицы абсолютно не сочувствуют своим отцам. Более того, зачастую именно они подсказывают героям, как можно расправиться с отцами, которые держат их в заточении в башнях или бассейнах, где они проливают горячие слёзы.

В роли сказочных похитителей любимых лиц часто выступают колдуны, напускающие свои чары на красавиц, заключающие их в свои чертоги, царства. Наши **ладони** позволяют без проблем пролить свет на природу сказочного **колдуна** – Кощея Бессмертного. Этот колдун в сказках часто фигурирует в качестве похитителя любимых лиц, что выдаёт в нём маску. «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У этого царя было три сына, все они были на возрасте. Только мать их вдруг унёс Кош Бессмертный» [4, № 156]. Следует заметить, что в татарском языке *кош* (птица) [35, с. 288]. Наши «птеродактили», которые начинают порхать, когда мы поперхнёмся или испытываем позывы ко сну, дают возможность чисто рефлекторно реконструировать облик злодея, похищающего любимые лица (рис. 51).

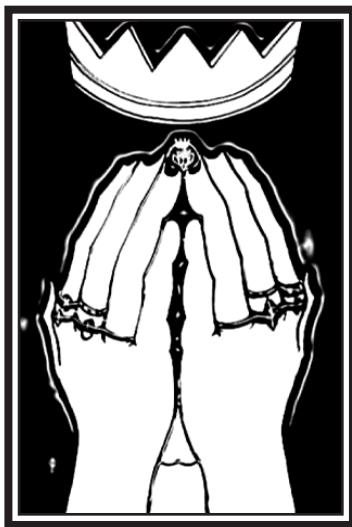

Рис. 51. Кощей.
Реконструкция В.А. Воронцова

Ладони позволяют воспроизводить не только сказочных колдунов, но и познакомить с чародейством, поскольку являются естественными чарами (чарками), которые могут прижиматься к лицу, телу чисто рефлекторно, символизируя горе, боль, смерть. Знаковая роль естественной координатной сети, естественной чары (рис.1) более, чем очевидна. Наряду со «смертной чарой», олицетворяющей смерть, существует «чаша терпения», играющая терапевтические функции. Чаша терпения может останавливать кровь, умерять боль, успокаивать. Она может лопаться, когда «терпению приходит конец».

Чары, нападающие на человека, породили множество сказок о чертях, чертогах, чародеях, злых волшебниках, заточающих любимые лица в своих сказочных чертогах. Именно они породили представления о сказочных и мифических царях, царствах. Очевидно, что природа этих царей и царств знаковая, поэтому их не следует отождествлять с теми царями и царствами, которые находятся в поле зрения историков. Не следует также отрицать существование «чертей рогатых», поскольку их рогами мы всё трогаем, а также манифестируем наиболее архаичные формы топонимики.

Чары Кощея, повергающие сказочных красавиц в сон, позволяют увидеть воочию царство ужасного Кощея – сложенные ладони (рис. 26). Кощеево царство напоминает о космическом яйце, из которого появился мир, в котором мы изначально обитаем, пока нас не сбудут с рук. Чтобы покончить с Кощеем, похищающим любимые лица, необходимо раздавить яйцо. Структура Кощея, его царства позволяет пролить свет на сказочных жар-птиц (рис. 9), на огненных драконов (рис. 8).

Есть все основания считать, что Кощей склонен похищать женщин и девушек по их полному согласию. Так, например,

героини сказок зачастую сами возвращаются к Кощею. Самым ярким подтверждением власти женщин над Кощеем является образ Кощея-жертвы, Кощея-пленника, который держится в заточении в подвешенном состоянии у женщин. В русской сказке «Марья Моревна» героиня держит кощея в чулане, в котором *«висит Кощей Бессмертный, и на двенадцати цепях прикован»* [4, № 159]. Образ Кощея (рис. 51) со всей наглядностью свидетельствует, что подвешен он в темнице отнюдь не без участия женских рук.

По вполне объяснимым причинам Кощей приобретает необычайную силу, если дать ему напиток. Дело в том, что, когда мы наполняем чары этого чародея водой или слезами, ладони плотно сближаются и Кощей напрягается.

Надо сказать, что сказочные царства, чертоги, подземелья, скрывающие любимые лица, малодоступны для младенцев, которые зачастую не могут дотянуться до лица плачущей матери, сестры, невестки, чтобы освободить их от ужасных чар, сказочных чудовищ и т.д. Помочь им могут только руки взрослых. В работе «О первой маске и её роли в генезисе древних верований и знаковых систем» показано, что *«природная маска – рука обслуживает человека в качестве транспортной системы во времена, когда он только появился на свет и лишён возможности самостоятельно перемещаться»* [16, с. 209]. Не следует удивляться тому, что транспортировка героев в сказке, мифе оказывается зачастую тесно связана с оборотничеством: с превращением в сказочных животных и птиц или с путешествием в их чреве.

В волшебных сказках герои зачастую проглатываются животными, которые используются в качестве транспортного средства в первых путешествиях. *«Джигит, недолго думая, в пасть забрался – и помчался Лев в далёкое ущелье»* [34, №. 47]. Вспомнив про родительские руки, пясти, совсем

не сложно реконструировать пасть льва, в которой путешествует герой. С учётом того, что существует **левая** рука, не сложно предсказать появление в сказке чудесных **львов**. Львы в русских сказках могут быть оборотнями, что вполне естественно, поскольку пасть (пасть) позволяет нам превращаться в зверя. *«Как услышала это красная девица, тотчас начала дуться, надулась и сделалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича целиком»* [4, № 155]. К слову сказать, дуться девицы до сих пор не разучились. Не разучились они и захватывать в пасть (пасть) младенцев.

Транспортировка в чреве животного весьма архаична. Она широко распространена в мифах и сказках. В татарской сказке переправа героя через море осуществляется в чреве черепахи. *«А ну, полезай ко мне в рот», – говорит Черепаха. Так и сделал джигит, а черепаха с плеском нырнула в морскую пучину»* [34, № 47]. Наш естественный черпак позволяет без проблем реконструировать сказочную черепаху, на которой покоится первозданный мир. Дискредитируя столь распространённое древнее поверье, историки географии создают проблемы, причём не только себе.

Часто герой вынужден проникать в пасть животного (маску смерти), чтобы попасть в мир иной, в котором пребывают любимые лица. **В.Я. Пропп** пишет: *«Герой поглощается, затем в желудке поглотителя переносится в другую страну и там выхаркивается или вырезывает себя. Этот поглотитель часто убивается героем, и здесь кроется начало змеборства»* [28, с. 232]. Очевидно, что в этом случае герой (рука младенца) поглощается рукой, изображающей смерть любимого лица. В чреве животного (маске смерти) часто располагается мир иной, в котором пребывают погибшие, умершие, пропавшие. Так, например, в Америке (племя нутка) записано: *«Однажды мать героя проезжала в ма-*

ленькой лодке. Лодку унесло от берега, и вот появился кит и проглотил лодку вместе с женщиной. Когда герой узнал, что случилось с матерью, он решил отомстить. Вместе с братьями он по реке спустился в море. Они стали петь песню. Когда они пропели её два раза, вода расступилась, и кит проглотил лодку. Герой кричал своим братьям, чтобы они правили лодку прямо в чрево. В чреве они разрезали кишки и отрезали ему сердце. От этого кит сдох...» [41, с. 82]. Ладонки матери способны продемонстрировать и утлую лодочку, и океан, и кита, в пасти которого оказалась лодочка.

В сказках и мифах разных народов герои часто путешествуют на чудесных птицах. Пальцы матери – сказочные птицы (пятаки), соколы (шкалы) полифункциональны, поэтому чудесные птицы способны не только транспортировать, но и вещать, обучать, лечить и т. д. Так, например, являясь естественной маской, сказочные соколы могут обучать оборотничеству. «Спасибо, Иван-царевич! – сказал сокол. За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьём всякий раз, как захочешь» [4, № 162]. Следует заметить, что обернуться в сказочного муравья не сложнее, чем замуровать себя в царстве Кощея (рис. 26) с помощью естественного мурла.

Как и маски, сказочные соколы могут обручаться, выступать в качестве сказочных женихов, добрых молодцев и т. д. «Только заблаговестили заутреню, прилетел Ясен Сокол, ударился о крылец, сделался удал добрый молодец...» [Там же. № 314]. «Откуда ни возьмись – взвился перед ней Финист ясен сокол, цветные перышки, впорхнул в окошечко, ударился об пол и стал молодцем» [Там же. № 235]. Следует заметить, что ударяется сказочный сокол не о деревянное крыльцо и не о деревянный пол, а о лебяжье крыло (рис. 13) представительницы иного пола. Именно обручение делает его добрым молодцем.

В качестве транспортного средства может выступать и жар-птица (рис.9). *«Садись скорей на меня, – сказала жар-птица, – и полетим, куда тебе надобно; а то баба-яга съест тебя!»* [Там же. № 32].

Горло, чрево сказочного существа, в котором мы изначально транспортируемся, со временем трансформировалось в орла. Очень часто герой русской сказки путешествует, оборотившись («обвернувшись») орлом. Так, например, *«Буря-богатырь ударился оземь, оборотился орлом и прилетел во дворец»* [Там же. № 136]. Таких примеров великое множество. Есть все основания рассматривать удар о мать-землю, как просьбу ребёнка взять его на руки. *«Налетает птица орёл и овернула его сырой кожей, здынула его на золотую гору»* [30, № 49]. Птицы могут транспортировать похищенного героя, спасая его от беды. *«А гусак понёс Иваньку в тоя село, где родители»* [4, № 109].

Сказочные птицы способны захватывать в своё чрево всё, что подвернётся, однако они лишены пищеварительного тракта и вынуждены всё выплёвывать обратно. При переносе на руках младенца птахи захватывают его шею, ноги. Нет ничего удивительного в том, что герои сказок при транспортировке зачастую вынуждены жертвовать транспортному средству свои органы. Так, обстоит дело и с Моголь-птицей, которой малолетний герой пожертвовал мясо со своих ног, но всё кончилось для него благополучно, поскольку Моголь-птица *«выхаркала икры»* [4, № 157]. Аналогично поступает и сказочный орёл, который транспортирует Ивашку. *«Вот орёл выхватил у Ивашки из холки кусок мяса, съел и вытащил его в ту же дыру на Русь. Когда сошёл Ивашко с орла, орёл выхватил кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла»* [Там же. № 128]. Надо сказать, что материнские руки (руци) позволяют про-

демонстрировать сказочную изначальную Русь. В татарской сказке герой также жертвует кусок ляжки поднявшей его птице, однако на земле «птица обратно выплюнула тот кусок мяса и обратно приклеила его к ляжке солдата» [34, № 39]. Нет никаких оснований связывать истоки этих мотивов с наблюдениями за обычными птицами.

Чудесные вещи (знаковые) птицы транспортируют героев не только в сказках, но и в мифах. Такой птицей в иранской мифологии является Симург (рис. 52). Эта птица обладает способностью не только транспортировать, но и воспитывать. Благой Симург нашёл в пустыне человеческого младенца Заля и воспитал его в своём гнезде. Это гнездо есть смысл соотнести с первым нашим укрытием – материнскими руками, а также с первой маской.

Рис. 52. Симург. Позолоченное серебряное блюдо. VII–VIII вв. н. э. Британский музей

По вполне объяснимым причинам чудесные птицы являются транспортными средствами не только героев, но и древних божеств – демонов. К такого рода птицам относится Гаруда (др. инд. Garuda `пожиратель`). В древнеиндийской мифологии Гаруда – «царь птиц, ездовое животное (вахана) Вишну» [23, с. 266]. Считается, что Гаруда может принимать человеческий облик. Часто изображается в виде человека со сложенными ладонями (рис. 53), что подтверждает связь этой мифической птицы с человеческими руками.

Следует заметить, что не только птицы, но и сказочные животные зачастую крылаты и могут переносить героя по

Рис. 53. Статуя Гаруды.
Сквер Дурбар.
Катманду, Непал

воздуху. Так, например, в сказках регулярно упоминаются крылатые кони, в которых не сложно узнать наши верхние конечности. Сказочные кони могут рассыпать серебро, испражняться деньгами [4, № 186]. Удивляться этому не приходится, если речь идёт о руках.

Чтобы быть проводниками в загробный мир, в «царство горя», в «море слёз» сказочные кони должны обитать не только в могиле, но и в водоёмах. *«Вот в самую полночь поднялась погода, всколыхнулось море и выходит из морской глубины чудная кобылица...»* [Там же. № 105]. *«У твоего батюшки есть тридцать лошадей – все, как одна; поди домой, прикажи конюхам напоить из синя моря; которая лошадь наперёд выдвинется, забредёт в воду по самую шею, и как станет пить – на синем море начнут волны подыматься, из берега в берег колыхаться, – ту и бери!»* [Там же. № 105]. *«Ходит тут по лугу конь необыкновенной красоты, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Василий-царевич взял рассолил воду в реке, и конь выпил всю досуха. Ну, этот конь ему очень понравился; подбежал Василий-царевич и вскочил на него верхом»* [Там же. № 177]. Следует заметить, что руки могут не только пребывать в водоёмах, но и создавать их.

Сказочные кони традиционно не только носят на себе героя, но и являются его главными советчиками. Они могут выступать в роли маски, сообщая герою свой облик [Там же. № 179, 180]. Игнорируя природу естественной маски, мож-

но глубоко заблуждаться не только относительно природы сказочных коней, но и относительно изначального смысла волшебных сказок.

Ошибочный взгляд на природу сказочной действительности побудил **В.Я. Пронна** отождествить «сказочных коней», с которыми мы знакомимся в первые минуты пребывания на свете, с обычными конями. Он утверждал, что *«конь, лошадь, вступает в человеческую культуру и в человеческое сознание позже, чем животные леса»* [28, с. 169]. При этом он совершенно не учитывает изначальный образ жизни человека, когда он не может обходиться без сказочного транспортного средства, каковым являются верхние **конечности** матери, породившие представления о сказочной **коннице**.

Пальцы (палы) позволяют обнаружить палую лошадь, в которую оборачивается (завёртывается) герой, чтобы попасть на высокую гору. Так, например, в татарской народной сказке герой забирается в брюхо лошади, которую подхватывают птицы. Таким образом он достигает вершины горы, в недрах которой находит себе невесту [34, № 10].

Подкормив своей плотью коня-кондора, полученного от отца, которого хватил мнимая кондрашка (хандра), можно получить великолепное транспортное средство. Сказочные животные, птахи могут подниматься выше лица стоящего человека («леса стоячего» в сказках). Это помогает герою отыскать похищенную чудовищем мать, освободить от злых чар красавицу и т. д. Во многих сказках подчёркивается, что обычные кони из обычного табуна абсолютно непригодны для богатырских подвигов. Притворство «живых покойников» приводят к тому, что сказочного коня часто обнаруживают под могильной плитой, в застенке. Исконная связь между пальцами и подобного рода плитами достаточно очевидна. Германский филолог **Я. Негелейн** указывает, что на

греческих и даже позднее на христианских могильных плитах имеется конь. «Он *непременный атрибут героса, т.е. в более позднее время умершего мужчины вообще*» [41, с. 378].

Следует отметить скорость, с которой ухитряются перемещаться сказочные кони. «*«Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?» – «Плюнуть не успеешь!» Сел на того коня и очутился на своей земле*» [4, № 139]. Объясняется это тем, что дальние миры располагались в дланях людей, которые окружали героя. Изначальная связь коня с кончиной, с конечностями, со смертным одром, с палой лошадьёю должна учитываться при реконструкции смысла древних сказаний. Пальцы (палы), агония породили представление о жар-птицах, об огненных драконах, огненных конях. «Подымается конь, из роту дышит пламя, а из ушей идёт жар, а из-под хвоста головешки валяются» [29, с. 83].

В мифах и сказках герои часто путешествуют на загадочных лодках, кораблях, коврах-самолётах, которые способны преодолевать не только огненные реки, но и воздушные пространства. «*Увидишь перед собой готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно*» [4, № 144]. «*Вдруг лодка поднялась по воздуху, и мигом, словно стрела пущенная привезла их к большой каменистой горе*» [Там же. № 138]. «*Толкнул царевну на ковёр и велел ему [ковру – В.В.] снести себя в сказочный лес*», «*села на ковёр-самолёт и была такова*» [Там же. № 192]. «*Корабль-самоплав-самолёт, неси меня, куда мне думно, куда нужно, в тридесято царство, к змею трёхглавому...*» [29, с. 165]. Игнорируя антропоцентризм, антропоморфизм первобытного сознания, **В. Пропп** всерьёз рассматривал обычных птиц в качестве транспортного средства. Он полагал, что «*летучий корабль так же эволюционировал из птицы, как и конь*» [28, с. 211]. Между тем есть все основания считать, что сказочные плоты, челны – человеческая плоть, че-

ловеческие члены, игнорируя которые невозможно осмыслить древнейшие транспортные средства, древнейшие путешествия и открытия.

Как и в случае с орлом, перевоз в лодочке (ладошке) может быть связан с жертвой органов. Героя заранее предупреждают: *«Есть на пути три реки широкие, на тех реках три перевоза: на первом перевозе отсекут тебе правую руку, на втором – левую ногу и на третьем – голову снимут»* [4, № 173].

Наши члены-челны, наши чудесные ковшики позволяют познакомиться с Ноевым ковчегом (рис. 54), в котором размещены все твари (сотворённые существа), причём по парам. В этом ковчеге прекрасно уживаются и сказочные козы, и сказочные волки. В нём обитают и мифический Ной (ивр. *Ноах*) со своим семейством. Есть серьёзные основания соотносить имя Ноаха и его семейство с ногтями. Во время всемирного потопа Ноах не утонул в потоках слез, а пристал на **горе**, которая изначально располагалась на **горюющей** «Матери-земле».

В игры с младенцами матери вовлекают и других членов семьи, которые с младенчества знают все тонкости этих игр. Не остаются в стороне и отцы, причём отнюдь не сказочные. Они также начинают сочинять трагедии, ставить спектакли, пытаясь разжалобить ребёнка. Эти спектакли нашли детальное отражение в сказках и мифах. Чаще всего отцы просто

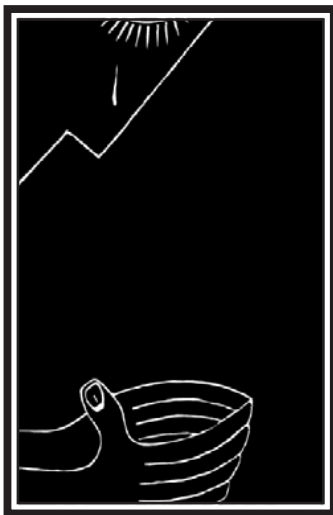

Рис. 54. Ноев ковчег.
Реконструкция
В.А. Воронцова

прикрывают лицо руками и, погрузившись во мглу (сказочную могилу), требуют, чтобы дети оказывали им знаки внимания. О том, что смерть отца мнимая, догадываются только старшие дети. Младенцы искренне верят, что отец заснул «вечным сном», и дежурят у могилы, которая скрывала любимое лицо. В зависимости от отношения к ней, эта могила могла распахиваться и трансформироваться в чудовище или в чудо-вещи.

В татарской сказке говорится: *«Заболел однажды отец. Призывает он сыновей и даёт такой наказ: “Как схоронят меня, приходите ко мне на могилу, откараульте три ночи. Есть у меня три сундука. Кто придёт на могилу, тому и владеть этими сундуками”»* [34, № 7]. В русской сказке отец, умирая, приказал детям ходить по очереди на его могилу и ночевать там. *«Когда умер старик, и его похоронили, большому брату не захотелось идти на отцовскую могилу. “Дай дураку пирог, – сказал он своей жене, – пусть пойдёт за меня, ночует на могиле”. Дурак взял пирог, положил на плечо дубину и пошёл на отцовскую могилу. В самую полночь вдруг свалился с могилы камень, земля раскрылась, встал старик (он был колдун) и спросил: “Кто пришёл ночевать?” – “Я, батюшка, твой сын дурак”. – “Ну, дурак, коли ты пришёл, подарю тебе за то подарок”. После того старик свиснул-гаркнул богатырским посвистом, молодецким покриком: “Сивка-бурка, вещь каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!” Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышет; и как прибежал, то и стал перед стариком как вкопанный. “Вот тебе конь, – сказал отец, – владей по смерть свою”»* [4, № 564]. Вполне возможно, что изначально транспортное средство представало в образе тотемного предка – Сивого бирюка, который со временем стал Сивкой-буркой. Сивыми они названы по цвету волос на материнских руках.

Героические поступки младенцев, свидетельствующие об их любви к ближним, вызывают восторг у окружающих. Этот восторг, а также чествование героев, наделение их всякого рода благами и титулами нашли отражение в волшебной сказке и мифе.

Процесс введения топонимики и топографии в культуру неразрывно связан с воспитательным процессом, лежащим у истоков психогенеза, социогенеза, культурогенеза. С процессом введения в культуру исходной координатной системы связаны самые разные сюжетные схемы сказки, которые без особых сложностей поддаются реконструкции с учётом природы сказочных персонажей, а также традиционных задач воспитательного процесса, связанных с культивированием, сочувствия, сострадания, сознания. Нехитрые воспитательные приёмы породили целый ряд взаимосвязанных сюжетных ходов, наблюдаемых в волшебных сказках самых разных народов, проживающих в самых отдаленных местах ойкумены: недостача (похищение, смерть любимого лица, заточение любимого лица в столп, терем и т.д.), отправка героя (в лес, к людоеду, на съедение чудовищу, в мир иной, в иное царство и т.д.), поглощение героя (пастью чудовища, спуск его в пропасть, в подземелье, под воду и т.д.), пребывание героя (в чреве, пещере, дворце чудовища, в могиле, в лесной избушке, большом доме и т.д.), встреча (с похищенными или умершими родственниками, с лешим, с водяным, с невестой), получение инструкций (от похищенных или умерших родственников, невесты, яги, обучение у лешего, водяного и т.д.), получение волшебных средств, помощников (от умерших или живых родственников, невесты, яги, лешего, водяного и т. д.), расправа (с чудовищем, похитителем, соперниками, псевдогероями, отцом невесты), повышение социального статуса героя.

Выводы: *актуальность топонимики и топографии побуждает матерей вводить в их в культуру на самых ранних стадиях психогенеза, социогенеза, культурогенеза. Вводя в культуру рефлексорные формы топонимики и топографии, мать знакомит ребёнка с естественной координатной системой – рукотворным универсумом. Знакомство с этим универсумом позволяет ребёнку приобщиться к навыкам математического моделирования внутренних состояний, постигнуть предельно динамичную и содержательную исходную среду обитания, научиться осмысленно относиться к ней, а также обозначать, структурировать, измерять различных её места. Приведённые факты свидетельствуют, что процесс введения в культуру топонимики и топографии предельно детально отражён в волшебной (лечебной) сказке, а также в мифах разных народов.*

Литература

1. Азербайджанские сказки. – Баку: Изд. АН АзССР, 1947. – 512 с.
2. Аникин В.П. Русская народная сказка. Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1977. – 208 с.
3. Аполлодор. Мифологическая библиотека /пер. с древнегреч. – Воронеж: АСТ: Астрель, 2004. – 350 с.
4. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. – М.: Наука, 1984-1986.
5. Буслаев Ф. Славянские сказки // Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной поэзии и искусства. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – Т. 1. – С. 308-354.
6. Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. – М.: Наука, 1964. – 301 с.
7. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Л.: Гослитиздат, 1940. – 648 с.

8. *Веселовский А.Н.* Поэтика мифа // Веселовский А.Н. Мерлин и Соломон: Избранные работы. – М.: Эксмо-пресс; СПб.: TerraFantastica, 2001. – 864 с.
9. *Воронцов В.А.* О театре волжских булгар и природе театрального искусства. – Казань: Интелпресс, 2008. – 212 с.
10. *Воронцов В.А.* Подлинные истоки волшебной сказки. – Казань: Intelpress+, 2011. – 268 с.
11. *Воронцов В.А.* Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропосоциокультурогенеза. – Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. – 415 с.
12. *Воронцов В.А.* Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. – Казань: Центр инновац. технологий, 2015. – 252 с.
13. *Воронцов В.А.* Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе. – Казань: Центр инновац. исследований, 2015. – 264 с.
14. *Воронцов В.А.* Истоки протоархитектуры в свете генерализованной трудовой. – Казань: Центр инновац. технологий, 2016. – 284 с.
15. *Воронцов В.А.* Естественные истоки математики и её роль в психогенезе // Вопросы философии и психологии. – 2016. – № 3. – С. 142-148.
16. *Воронцов В.А.* О первой маске и её роли в генезисе древних верований и знаковых систем: научное издание. – Казань: Центр инновационных технологий, 2017. – 260 с.
17. *Воронцов В.А.* Природа первой маски и её роль в антропосоциокультурогенезе // Философская антропология. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 151-167
18. История медицины (материалы к курсу истории медицины) / ред. Б.П. Петров. – М.: Медгиз, 1954. – Т.1. – 282 с.
19. Казахско-русский словарь / сост. Х. Махмудов, Г. Мусабаев. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССРС, 1954. – 574 с.
20. *Коргуев М.М.* Сказки М.М. Коргуева. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. – 676 с.
21. Курдские сказки, легенды и предания / пер. с курдс. – М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1989. – 624 с.

22. *Мелетинский Е.М.* Герои волшебной сказки. – М.: Изд. вост. лит-ры, 1958. – 262 с.
23. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1991-1992.
24. *Новиков В.Н.* Образы восточнославянской волшебной сказки. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
25. *Потанин Н.* Тунгуско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. – СПб: Тип. А.С. Суворина, 1893. – 470 с.
26. *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки. – М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1946. – 384 с.
27. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность // Фольклор и действительность. – М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1976. – С. 83-115.
28. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 368 с.
29. Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / Сост. Р.П. Матвеев. – Новосибирск: Наука, 1984. – 335 с.
30. *Смирнов А.М.* Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества // Зап. Рус. геогр. об-ва по отд. этногр. – 1917. – Т. XLIV. – Вып. 1-2.
31. *Соколова В.К.* Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.; Наука, 1977. – С. 188-195.
32. *Соколов Б., Соколов Ю.* Сказки и песни Белозёрского края. – М.: Отд. рус. яз. и слов. имп. АН, 1915. – 666 с.
33. *Тайлор Э.Б.* Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.
34. Татарское народное творчество: В 14 т. – Казань: Раннур, 2001. – Т. 2. – 400 с. (Волшебные сказки)
35. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 862 с.
36. *Толкиен Дж.Р.* О волшебных историях // Дерево и лист. – М.: Прогресс; Гносис, 1991. – С. 10-111.
37. *Толстой Л.Н.* Что такое искусство / Л.Н. Толстой. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Худож. лит., 1964. – Т. 15. – С. 44-242.

38. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-т. – М.: Прогресс, 1964-1973. – Т. 1-4.
39. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
40. Этинген Л.Е. Мифологическая анатомия. Изд. 2-е, доп. – М.: Инст. общегуманитарных исслед., 2009. – 528 с.
41. Negelein J. Das Pferd im Seelenglauben und Totenkult // ZV. – 1901. – Bd. 11. – S. 378.

Глава 4

ОЦИФРОВКА МИКРОКОСМА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕГО ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ, ОПИСАНИИ И ОБУСТРОЙСТВЕ МАКРОКОСМА

Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют.

Протагор

4.1. Оцифровка микрокосма и его использование при обозначении и описании макрокосма

Связь мифологического космогенеза с врачебной практикой уже давно зафиксирована исследователями. Так, например, *М. Элиаде* в книге «Мифы, сновидения, мистерии» пишет: «Было установлено, что многие народы, от наиболее примитивных до наиболее цивилизованных (например, народы Месопотамии), в качестве терапевтического средства использовали декламацию космогонического мифа» [25, с. 51]. Так, например, в древней Месопотамии «Заговор против зубной боли» начинался так:

*Когда Ану сотворил небо,
Небеса сотворили землю,
Земля сотворила реки,
Реки сотворили протоки,
          протоки сотворили болота,
Болота червя сотворили [27, с. 202].*

Рукотворный универсум до сих пор позволяет умерить боль.

Осмысленная забота о здоровье предполагает описание и осмысление не только психических состояний человека. В рамках языка жестов, ручного мышления, математического моделирования произошло изначальное комплексное осмысление и микрокосма, и макрокосма, включавшего не только окружающую человека природу, но и телесность матери, которая выступает в качестве исходного его окружения (Матери-природы). Именно её стан подвергся изначальному обозначению, структурированию, картографированию посредством рук, рукотворной матрицы.

Математическое моделирование окружающей действительности традиционно происходило путём проецирования микрокосма (исходной координатной системы) на макрокосм. Проецирование заключалось в помещении между органом зрения и моделируемым объектом рукотворной геометрической модели. Придание элементам макрокосма геометрических структур рукотворного универсума (микрокосма) позволило нашим предкам прочувствовать и понять себя и окружающий мир как продукты творческой деятельности. Телесные и духовные потребности побудили их также предпринять энергичные меры по усовершенствованию окружающего мира и своей телесности.

Осмысленное использование координатной системы предполагает её оцифровку. Элементы нашей естественной сети, наши естественные меры, кумиры, могут не только выступать в качестве первых единиц, чисел, но и в качестве первых цифр, которые можно обнаружить в «чудесных книгах». Так, например, римские цифры – не что иное, как изображение пальцев. Римские цифры, изображающие один, два, три и четыре, в точности похожи на выпрямленные пальцы.

Римская цифра V выглядит как раскрытая ладонь с оттопыренным большим пальцем, а цифра X это две скрещенные руки.

В языке жестов и цифры, и числа могут манифестироваться молча, поскольку они живые и являются элементами важнейшего органа человека – руки. Издревле они являлись также божествами (рис. 31, 33), духовными сущностями, манифестирующими состояние нашего духа. Использование этих божеств в исходной системе координат (микрокосме), в обозначении и координировании больных мест детально отражено в древних сказаниях, которые позволяют понять, почему наши предки ассоциировали болезни с «божьими карами», «божьим наказанием». Следует заметить, что **наказом, наказанием** изначально назывался **показ, показания**, осуществляемые посредством языка жестов. Божества, которые изначально имели звероподобный вид, могли манифестировать «зверскую боль» посредством погружения больного места в координатную систему, поэтому их способность наказывать (показывать), судить, рядить, участвовать в «страшном суде» (диагнозе, прогнозе) и **судьбе** не может вызывать сомнений. Существует великое множество древних изображений, отразивших присутствие антропоморфных животных во время страшного суда. Так, например, различные животные присутствуют на суде Осириса (рис. 55).

Солнечные и лунные образы на ногтях породили представления о солнечных и лунных божествах, о солнечных и лунных царствах, структурировавших исходную местность. Эти сказочные и мифические персонажи обитали на сказочных кустах, деревьях, которые не сложно отождествить с кистями рук. Солнечные божества в немалой степени способствовали вычленению в исходном универсуме первых

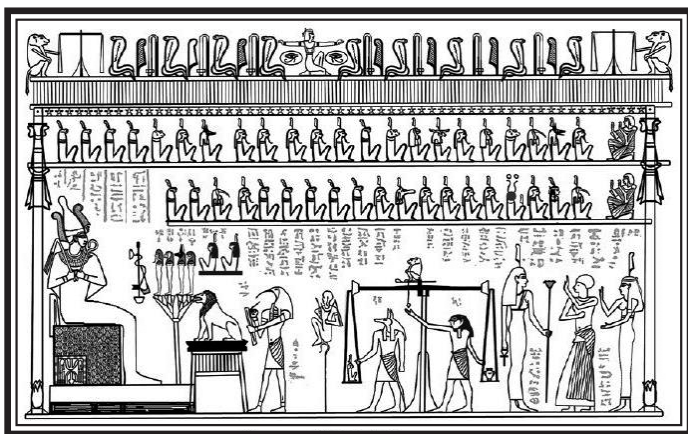

Рис. 55. Суд Осириса (схема древнеегипетского изображения на папирусе; VI в. до н. э., «Книга мёртвых»; музей «Эрмитаж», г. Санкт-Петербург, Россия)

единиц (соло), а также появлению счёта, жестовой манифестации чисел, которая породила представления о цифрах, а также обеспечила оцифровку исходной матрицы.

В сказках регулярно упоминаются 10 солнц, 10 лун, которые могут вступать в брачные отношения. Есть множество оснований считать, что изначально солнечные и лунные божества, групповой брак не использовались для отражения годовых циклов, сезонов (поскольку их было десять), а служили для отражения болезненных процессов, протекающих в организме, посредством рукотворной матрицы, благого мата. По вполне объяснимым причинам эти сказочные солнца, символизирующие больное место, подвергались побиванию при диагностике, как и сказочные невесты во время брачной ночи. Известна, например, китайская легенда, которая называется «Десять солнц». В этой легенде говорится о том, что в незапамятные времена далеко-далеко на севере страны Хэйчи расстилалась пустынная равнина. Росло на

равнине лишь одно громадное дерево с двумя стволами. Это было волшебное дерево – фушань. Жили на этом дереве десять братьев солнц-птиц. Они были сыновьями бога богов Ди Цзюня, правившего всеми божествами.

Десять солнц-птиц как-то, разыгравшись, взлетели все вместе на небо. Наступила страшная жара, появились и страшные чудовища, которые начали пожирать людей. Видя страдания своих подданных, справедливейший император Яо обратился к Ди Цзюню. Бог богов сам не знал, как унять своих разыгравшихся детей – солнц. Посоветовавшись со своей супругой Си Хэ, он решил послать на землю храброго и умного Хоу И, славившегося среди богов своим необычайным искусством стрельбы из лука. Хоу И, захватив свой волшебный красный лук и белый колчан, полный стрел с оперением из хвоста птицы-феникса, спустился на землю.

Как раз наступило время обеда, и все десять солнц парили в самом зените, и на земле стояла жара, как в пламени печи. Хоу И, заслонившись ладонью, посмотрел на небо, ни слова не говоря, вытащил из колчана стрелу, наложив её на тетиву своего волшебного лука, и выстрелил. Небо побагровело, и поднялась буря с дождём и грозой. Быстро всё стихло, и люди увидели: лежит у их ног солнце-птица. Одна за другой падали на землю золотые птицы, сбитые искусным стрелком. На земле стало прохладнее, и уже не так слепил свет, наконец, осталось одно солнце [26, с. 57-61].

Обращение к жизненным реалиям, к нашей конституции, к нашему микрокосму, к естественной матрице позволяет без труда обнаружить у человека дерево с двумя стволами (руки), а также рассмотреть на его ветвях десять солнечных братьев. Наши пясти (пасти) позволяют также обнаружить небеса, на которые слетались 10 солнц. В основе этой легенды лежит чисто диагностическая практика, в ходе которой первый це-

литель (врачеватель) прицельно стремится выделить один единственный указующий перст пациента, который демонстрирует больной орган, эпицентр боли и т. д. Связь этой легенды с истоками осознанной топонимики и топографии не может вызывать сомнений. Со временем эта легенда была переосмыслена и использована для объяснения удивительного феномена: наличия в макрокосме всего одного солнца.

Диагностика осуществляется пальцами целителей, которые были первыми стрелками. Нет ничего удивительного в том, что в качестве стрелка, подбивающего лишние солнца, в мифологии монголов и ойротов выступает *Эрхий-мерген* («стрелок Большой палец») [10]. Есть все основания полагать, что пальцы (палы), а также диагностическая практика породили и образ опального стрелка в русских сказках, который охотится за жар-птицей, похищает у неё перо – палец пациента.

Аполлон, расстрелявший из лука сыновей Ниобы, принадлежит к подобной категории лучников-целителей. Это придаёт этому образу весьма противоречивые черты. С одной стороны, он светлое, солнечное лучистое божество, его эпитеты Пеан или Пеон («разрешитель болезней»), Простат («заступник»), Акесий («целитель»). С другой стороны, он прорицатель. Аполлону-прорицателю приписывается основание святилищ в Малой Азии – в Кларосе, Дидимах, Колофоне, Кумах. Его прорицания далеко не всегда оптимистичны, а зачастую несут смерть людям. По вполне объяснимым причинам это солнечное божество издревле связывалось с растительным миром. Он – Дафний, т.е. лавровый, «прорицающий из лавра», «любящий лавровое дерево» Дафну. Вспомнив про дерево, на котором обитали солнечные божества в китайской легенде, легко объяснить, почему Аполлон прорицал из дерева.

Использование чисел при диагнозе и прогнозе («страшном суде») породило глубокую веру, что числа могут оказывать влияние на **судьбу** человека. Существуют также специальные заговоры, помогающие нейтрализовать негативное воздействие чисел. Не только «чертова дюжина» в дате рождения может быть опасна. Негативное влияние оказывают также цифры 6, 8 и 0. Крайне негативно воспринимается число зверя – 666. Для снятия негативного влияния каждого из упомянутых чисел существуют специальные заговоры, сопровождающиеся надлежащими обрядами.

Для того чтобы пролить свет на истоки счёта, на первые числа, исследователи практикуют изучение языка, народных преданий, песен, считалок, которые сохранили многое из того, что связано с истоками математики. Ценную информацию даёт также наблюдение за детьми, когда они учатся говорить и считать, поскольку ребёнок в ходе культурогенеза как бы повторяет пройденные человечеством шаги. Особый интерес придаётся данным, полученным в ходе изучения языка, счёта у первобытных народов. Вместе с тем до сих пор игнорируются математические операции, лежащие в основе медицинской семиотики, топографической анатомии. Игнорируя смертные муки, наложение рук, сведение счётов с жизнью и другие математические модели, отражающие наши внутренние состояния, невозможно постигнуть истоки счёта, его изначальную связь с медициной, с истоками топонимики и топографии.

Хотя **пальцевой** счёт непосредственно связан с осмыслением и описанием исходного **платца**, исходного **платья**, исходных **палат**, констатацией и измерением всего, на что наложен наш естественный мерный инструмент, историки предпочитают «гадать» о причинах, которые побудили наших предков ввести в культуру число. Всё это побуждает

раскрыть в деталях связь исходной культурной среды с исходными числами, с системами счислений, с исходной системой координат.

Историки математики не сомневаются в том, что изначально для счёта использовались естественные органы. Это нашло отражение даже во вторичном (звуковом) языке. Так, например, в татарском языке *сан* `число`, `количество`; *сан* `член`, `часть тела` и т. д. [18, с. 467]. Не может вызывать сомнений, что именно пальцы (палы) были первыми счётными «пал-очками». Исследователи единодушны в том, что жестовый счёт, жестовое представление числа наиболее архаичны. Множество племён и народов издревле пользуется десятичной системой счёта. Они считают единицами до десяти, десятками – до сотни, сотнями – до тысячи и т. д. Откуда такое предпочтение десятке? Есть все основания считать, что отвлечённый счёт возник из предметного, наглядного, а что может быть более доступным для счёта, чем пальцы. Дети, когда учатся считать, обычно прибегают к помощи пальцев рук. При счёте они последовательно пригибают один палец за другим, или же, предварительно прижав все пальцы к ладони, поочерёдно разгибают их. То же самое часто делают и взрослые. Когда нечто может быть сосчитано легко, мы говорим, что «это можно сосчитать по пальцам». Многие первобытные племена до сих пор широко используют счёт на пальцах. Несколько тысячелетий назад так считали и цивилизованные народы: вавилоняне, египтяне, китайцы, даже греки и римляне.

Наши пальцы связаны самым непосредственным образом с исходным печатным процессом. Проницательные исследователи даже истоки письменности связывают с пальцевым счётом. Так, например, **В.В. Иванов** в своей книге «Чёт и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем» пишет: «*Есть*

основания видеть ранние следы пальцевого счета и в самой ранней иероглифической «письменности» человечества – знаках и зарубках, сделанных ещё в каменном веке» [7, с. 67]. Самое раннее свидетельство записи чисел посредством зарубок найдено при раскопках в Свазиленде (Южная Африка). Это малоберцовая кость бабуина с двадцатью девятью пометками, относящаяся к 35-му тысячелетию до нашей эры. Она напоминает календарные палочки, которые до сих пор используются в Намибии. Эти палочки позволяют фиксировать ход времени. В Западной Европе также были найдены кости неолитического периода. На лучевую кость предплечья волка, найденную в Чешской Республике и датированную 30-м тысячелетием до нашей эры, нанесено пятьдесят пять меток, разбитых на два ряда из пяти групп. Исследователи не сомневаются, что в данном случае речь идёт о фиксации количества. Детальный анализ этих знаков, сделанный, **Б.А. Фроловым**, привел его к выводу, что в них особенно выделяются группы по 5 и 10 знаков, следовательно, с помощью таких зарубок человек фиксировал результаты сосчитанного по пальцам [22, с. 116].

Тот факт, что счет на пальцах у всех первобытных народов предшествует именам числительным устной речи, подтверждает и происхождение самих числительных. Во многих языках, например, в африканских (зулусский и другие языки банту), числительные обозначают только действия над пальцами рук. Таким образом, «ручные понятия» были необходимы для первобытной арифметики у всех народов, и без них они не мыслили арифметику.

Древний счёт посредством пальцев наложил неизгладимую печать на системы счисления, практикуемые во всех человеческих сообществах. Касаясь большим пальцем подушечек четырёх смежных пальцев, можно пролить свет на

природу троичной, 4-ричной и 12-ричной систем, а количество пальцев на руке проливает свет на природу 5-ричной системы. Использование суставов руки при счёте позволяет пролить свет и на 60-ричную систему счисления. Она получается, если пальцы одной руки использовать для счёта до 12-ти, а пальцы другой руки использовать для обозначения единиц более высокого разряда. Таким способом удаётся зафиксировать 5 12-ричных циклов – 60.

Следы 12-ричной и 60-ричной систем счисления сохранились до нашего времени. Стоит вспомнить счёт дюжинами, счёт часов в сутках, измерение углов градусами, минутами и секундами.

Надо сказать, что словесный счёт отнюдь не обеспечил себе безраздельное господство, причём не только у детей и первобытных людей. Словесный счёт не может устроить и цивилизованных людей, которые предпочитают производить вычисления молча, используя графику, различного рода счётные устройства.

Число играет большую роль в мифологических системах и зачастую олицетворяется: троица, патыры, пенаты и т. д. **Д.Я. Стройк** в своей книге «Краткий очерк по истории математики» пишет: «Современная “нумерология” – пережиток магических обрядов, восходящих к неолитической, а может быть, даже к палеолитической эпохе» [16, с. 28]. Традиционные взгляды на природу чисел современная наука склонна рассматривать как числовые суеверия. По поводу этих суеверий автор книги «Математика и суеверия» **Е.М. Чистякова** пишет: «Числовые суеверия обычно заключаются в том, что приписывают числам некоторые символические отношения между числами, с одной стороны, и божественными личностями – с другой. Числовая мистика подобного рода проходит через всю историю человеческой культуры,

вплоть до наших дней, и используется служителями культа для пропаганды религиозных взглядов» [24, с. 5]. Между тем изначальная связь «подателей всех благ» с числовыми рядами достаточно очевидна (рис. 33), поэтому к беспочвенным предрассудкам следует отнести попытки отрицать изначальную связь чисел и божественных архитекторов, воспроизводящих рукотворный универсум, первые заслоны, первые убежища.

При раскопках Ниневийской библиотеки в долине Тигра и Евфрата были обнаружены памятники древней шумерской культуры, относящиеся ко времени примерно за 2400 лет до нашей эры. Среди них учёные нашли табличку, на которой имена шестидесяти богов были обозначены числами от единицы до шестидесяти. Отдельно от имен богов был помещён список добрых и злых духов, причём для обозначения их имен применялись, по всей вероятности, дроби. Даже понятие числа было обожествлено шумерскими жрецами. Число, согласно их определению, – тайна, которую божество Эа поверяет своему сыну [Там же. С. 6]. Надо сказать, что божественные патроны (пятерни) до сих пор играют фундаментальную роль в ходе приобщения к счёту.

Исходная математическая структура, позволяющая предельно наглядно выражать наши душевные состояния, должна была породить представления о духах, душах, которые издревле были единицами счёта, позволявшими говорить о количестве душ. Эти **души** делились на части по **душечками** на пальцах и позволяли душевно общаться, а также обозначать, одушевлять всё и вся посредством проецирования.

Наши естественные сети могут не только сеять, но и веять, поэтому нет ничего удивительного в том, что именно они породили представления об ароматах (англ. arm 'рука'), духах, целые армии которых могут проноситься по воздуху,

нападать на несчастных. Души, духи в мифологизированном сознании активны, наблюдаемы, материальны. Изначально душа могла трудиться, а дух мог захватывать. Это было очевидно всякому, кто пытался разобраться в чужих горестях (горстях), «лезть в чужую душу». Душа может крепко держаться за тело, отходить от него. У человека две руки, два выбора душ (единиц). Эти выборы, эти фибры могут вибрировать (фибрилировать).

Чисто лингвистически можно показать, что представлений о душе неразрывно связано с оцифровкой исходной координатной сети (матрицы), с нашими исходными единицами (соло, коло, кольцами), количественными представлениями, порождёнными извилами души (согнутыми в дуги пальцами), жёстами боли и отчаяния. Так, например, англ. *soul* `душа`; лат. *spira* `изгиб`, `извив`, *spiritus* `душа`; нем. *Geist* `дух`, санск. *hasta* `жест`.

Дуги из пальцев издревле подверглись членению при счёте на дюжину составляющих, позволяющих нам «сдюжить». Обнаружить эту дюжину можно касаясь большим пальцем суставов четырёх смежных пальцев. Сустав большого пальца позволяет обнаружить и «чертову дюжину» – 13. Врачебная практика породила представление о «добрых» и «злых» духах (джинах). Обнаружить на руке джина, не сложнее, чем дюжину. Для вызывания джинов можно использовать вместо лампы Аладдина ладони. По вполне объяснимым причинам добрые джины в сказках транспортируют героев, всё делают за них. **Все духи, все души** на руках назывались изначально **воздухом (воздушьями)**, поэтому души изначально имели воздушную природу, что не мешало им быть весомыми, зримыми.

Без путешествий в «страну духов» невозможно представить врачебную практику, поэтому и каждый врач беско-

нечное количество раз встречался с масками смерти, лез в чужую душу, анализировал её извивы. Не только врачеватели, но и каждый читающий эти строки с детства знаком с джинами, дугами, духами, которые скрывают любимые лица и побуждают нас вступать с ними в борьбу. Изначально мы пользуемся и их услугами.

Дуги, духи, души, подушечки – наши демоны, монстры позволяют демонстрировать не только целые единицы, но и дроби. Так, например, наши монстры (моноштыри) делятся естественным образом на три сустава, а демоны (большие пальцы) на два. Если абстрагироваться от предрассудков и ориентироваться исключительно на очевидные реалии, связанные с истоками счёта, то математической табличке из Ниневийской библиотеки, связывающей дроби с духами, следует верить.

Язык, сказки и мифы связывают истоки численных методов с духовными процессами, а не с обработкой камня, бронзы, железа. Оцифровка исходных геометрических структур неразрывно связана с верой в духов, с анимизмом, с верой в демонов, демонические силы, которые присущи исходным счётным устройствам, исходным логическим аппаратам, расположенным в черепных коробках тотемных существ, в первых матрицах, с которыми связаны представления о микрокосме, космическом разуме.

Пальцевой счёт играет большую роль в мифологических системах. Нумерация изначально была связана с геометрическими структурами (мерными сетками) и служила для беззвучного или звукового обозначения их элементов, выступавших в рукотворном универсуме в качестве кумиров, духов и других божественных сущностей. Смертельная боль, попытки её умерить посредством рукотворных укрытий – естественных терапевтических средств породили представ-

ление об измерении, а кровавые оттиски – представления о первых шифрах, цифрах, непосредственно связанных с рукотворным миром, игнорируя который невозможно разобраться не только в истоках в истоках математики, медицины, но и в истоках географии.

Если мы вспомним про чудесные книги, про сокровенную печать, про наливающиеся кровью буквы, про сетки-стихи, соло-слова, то неизбежно придём к мысли, что число окровавленных суставов изначально считывалось с ладони, поскольку являлось естественной цифрой, воспроизводившейся на первой карте. В «Этимологическом словаре русского языка» **М. Фасмера**, слово *число* производится из праславянского «*čit-clo, родственного читать» [21]. Надо сказать, что у программистов кодовое число в качестве слова вновь прочно утвердилось. Игнорируя жестовое число-слово, невозможно понять, каким образом оно породило исходную меру, исходный мир. Между тем, исходное число-слово способны пролить свет на многие тайны, связанные с первобытным мировоззрением на микрокосм и макрокосм.

В.Н. Топоров в статье «Числа» пишет: «В архаичных традициях Ч. могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, “космизирующее значение”. Тем самым Ч. становились образом мира и отсюда – средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций» [19, с. 629]. Связь чисел с исходными мерами, мирами, кумирами, божествами более чем очевидна. Тамильский поэт VII в. **Аппар**, который наверняка знал традиционный язык жестов, писал о Шиве: «Он число и цифра для числа» [Цит. по 10, II, с. 630].

Изначально счёт самым тесным образом был связан с обозначением и со структуризацией первого неба (нёба).

Касаясь кончиком большого пальца подушечек остальных четырёх пальцев, мы можем познакомиться не только с 12 мышцами, но и с 12 сказочными месяцами, которые могут накормить и обогреть, а также сурово наказать. Раздвинув пальцы (палы) на ладонях, мы можем увидеть бесплотных пламенных ангелов, а также первый транспортир, который транспортирует нас на небеса в первые минуты появления на свет. Божьи вестники обитают **в сети**, посредством которой изначально передавались божественные **вести**. При проецировании микрокосма на макрокосм, ангелы перестали соотноситься с нашими руками, с микрокосмом.

Ладони (долони, длани) матери являются первыми долинами, которые мы не только изначально обживаем, но и используем в качестве мерного устройства. Есть все основания считать, что именно они породили представления о длине. Также есть серьёзные основания считать, что **серия** из четырёх пальцев руки породила представление о **шири**. Следует заметить, что в казахском языке *сере* «мера (толщины), равная ширине слегка раздвинутых четырёх пальцев» [8, с. 299]. В том, что исходные долины, доли самой природой поделены на доли и имеют координатную сетку, нет оснований сомневаться. Есть все основания полагать, что **материнские руки** – сказочные представители мужского и женского **пола** были первыми **полями, материками**, которые подверглись математической оценке, причём задолго до появления земледелия. С учётом того, что Гея изначально ассоциировалась с женщиной, есть все основания считать, что и истоки геометрии, истоки картографии, истоки географии связаны с описанием материнской телесности и лишь со временем были распространены на макрокосм.

Естественная система координат является подвижной. По очевидным причинам сказочные царства могут скаты-

ваться, переноситься («скатали свои царства в яички, забрали с собой») [2, № 140]. «Шарик, – говорит, – доведёт тебя до средней сестры, а в этом колечке всё медное царство» [Там же. № 129]. «Медное царство», как и «хозяйку медной горы», следует искать в мизинце. Изначальные площади могут делиться, складываться, «оцифровываться чисто рефлекторно», без привлечения звукового языка.

Транспортироваться издревле могли не только царства, но рукотворные материки. Исходная форма брака, исходная геометрическая структура позволяют продемонстрировать Европу, транспортируемую Зевсом. Именно эту Европу все люди изначально населяют. Таким образом верхние **конечности** являются первыми **континентами**, которые были изначально населены, изначально структурированы, изначально измерены. Всё это свидетельствует о том, что географические представления сложились в ходе осмысления человеческой телесности и только со временем были спроецированы на окружающую действительность.

Путём проецирования на окружающую действительность наша естественную координатная сеть, наши небеса, наши материки позволяют обозначать и структурировать макрокосм, его элементы. Рукотворные геометрические модели позволяют выделить макрокосмический объект, вычленив его оси, описать его форму, показать предыдущие и последующие позиции. Так, например, координатная система из пальцев рук, или кольцо из пальцев (**соло на очке**) может манифестировать траекторию **солнышка** на небе (рис. 4), под землёй или за тучами. Многочисленные мифы, былины, легенды повествуют о том, как впервые были описаны объекты макрокосма посредством микрокосма, исходной координатной системы, исходной формы брака, исходной рукотворной постройке. Обширная подборка по-

добного рода сказаний приведена в книге *Э.К. Краппа* «Легенды и предания о Солнце, Луне, звёздах и планетах» [9]. Понять смысл этих легенд, преданий невозможно, если игнорировать «рукотворный универсум», «рукотворную систему координат».

Издравле было установлено, что дневное светило движется по небосводу отнюдь не произвольно. Его движение строго предопределено, и мифы повествуют о том, как был установлен этот порядок. Так, например, *Крапп* в своей книге [Там же. С. 95] пишет, что в основе полинезийского мифа о ловце Солнца лежит поверье о том, что некогда полубог сумел поймать Солнце в свою сеть и побудить его двигаться по определённом маршруту. *Крапп* также сообщает, что индейцы племени кахто, живущие в округе Мендисино в северной Калифорнии, верят, что Солнце изначально было опутано и стало на путь истинный с помощью Койота. Именно Койот освободил Солнце из подземной темницы и вывел его на правильный путь, держась за обрывки ремней, которыми оно было опутано [Там же. С. 96]. Под темницей здесь надо подразумевать ночное пребывание солнца под землёй. Руки позволяют воспроизвести этого Койота, демонстрирующего путь солнца из подземелья на небосвод, а также путы, которые были сброшены на светило. Игнорируя рукотворные построения, *Крапп* не смог должным образом объяснить смысл большинства собранных им мифов, преданий, легенд.

Наш микрокосм, исходная система координат (рис. 1), позволяет понять, почему в мифах солнце, солнечные божества, солнечные герои зачастую оказываются посаженными в ящик, сундук, гроб, погреб, темницу. В былине «Погребение Святогора» исполин Святогор оказался в гробу. Вот как это произошло:

*Ехали они тут, Святогор и Илья, куда ли, бог знает.
Едут, едут, глядят – на гроб наехали.
Стоит гроб большой, никому не в пору.
Пустой стоит. Святогор говорит Ильи:
– Ну, попробуй, ложись, не на тебя ли рублен?
Илья послушался, лёг –
Ровно малый ребёнок в гробу.
Не по нём гроб-то строен.
А Святогор лег – в самый раз ему.
Ну, попробовал, вставать хочет.
И не выйти ему из гроба-то: крышка нахлопнулась*
[3, с. 49–50].

В исполине Святогоре (рис. 24), которого не держала земля, совсем не сложно узнать дневное светило, которое регулярно проваливается под землю. Наши ладони, пригоршни позволяют воспроизвести и Меч-кладенец, и Мировую гору, и гроб Святогора. Есть все основания полагать, что Святогор был заключён в гроб в весьма отдалённые от нас времена, когда только рукотворная система координат позволяла вычленил его из окружающей действительности, а также продемонстрировать его поведение. Не следует думать, что спутник Святогора – былинный богатырь Илья смог избежать подобной участи. Только крайняя нужда побудила князя Владимира Красное Солнышко выпустить его из погреба.

Естественная система координат (рис. 1) позволяет выделять и манифестировать движение не только макрокосмических объектов, но и их элементов. Так, например, она позволяет демонстрировать вертикальную ось солнца, позиции этой оси на линии горизонта (восходы) в разные времена года, а также движение этой оси под землёй. Не следует удивляться тому, что Осирис (ось Pa) был также заключён в

гроб коварным Сетом (вспомним про координатную сеть) и породил множество всходов (рис. 56). Не следует удивляться и тому, что Осирис считался и богом подземного мира, который половину года проводит под землёй, и богом растительности. Есть все основания полагать, что восходом («в ось ходом») изначально называлось движение вдоль вертикальной оси. Игнорируя подобного рода представления, методы фиксации осей, невозможно постигнуть природу многих феноменов ландшафтной архитектуры наших предков.

Зеро из пальцев позволяет обозначить озеро, причём и в микрокосме, и в макрокосме. В русской сказке «Царевна-лягушка» [2, № 267-269] героиня порождает географические объекты простыми взмахами руки, и в этом нет ничего удивительного, поскольку исходный язык человечества, исходная моделирующая система, исходный микрокосм позволяют это делать.

Три оси системы координат, спроецированной на землю, породили представление о земле как **острове**, который возник на дне первозданного водоёма, каковым являются

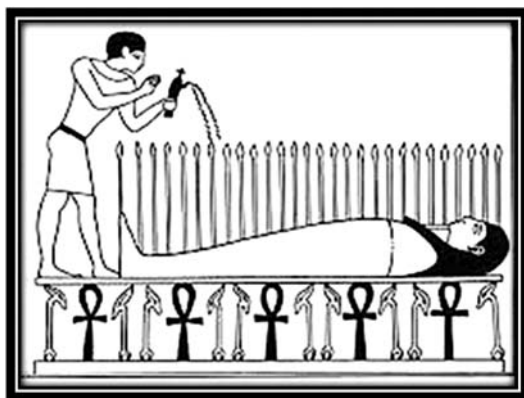

Рис. 56. Прорастающий Осирис
(барельеф из Фил, Египет)

наши руки, исходная система координат. По вполне объяснимым причинам земля, материки могут покоиться на рогах быка (рис. 11). *«Так, киргизы в старину полагали, что земля утверждена на огромном сивом быке. Те же представления зафиксированы и у многих других тюркских народов от Поволжья до Кавказа и Крыма. Считалось, что бык, устав держать землю, перемещает её с одного рога на другой, отчего и происходят землетрясения»* [5, с. 45]. Здесь уместно вспомнить про греческий миф, в котором Европа перемещается на Зевсе, принявшем образ быка.

Наш естественный водоём (**черпак**) породил широко распространённый миф о том, что земля держится на **черепахе**. Так, например, согласно преданию ирокезов, в самом начале творения собравшиеся на совет звери решили извлечь землю со дна океана. *«Когда же эта задача была решена, встала задача: на чём укрепить её? Взять на себя ответственность подпирать вселенную согласилась черепаха Хах-хунах. На её крепкий панцирь были помещены извлечённые со дна кусочки ила, которые, постепенно разросшись, образовали нынешнюю землю»* [Там же. С. 52].

Змееподобная рука матери (рис. 7) является нашей первой опорой. Не следует удивляться тому, что слова **змея** и **земля** (***земень**) [21] имеют общий корень, который (по всей видимости) восходит к корню в слове **жменя** `пригорошня`. **Серия** из пяти (греч. **πέντε**) пальцев вполне могла породить представление о **серпентарии**. Всё это делает объяснимым тот факт, что в архаичных представлениях о мироздании важное место отведено змее. *«В этом качестве она, например, известна батакам Суматры, верящим в то, что землю держит на голове космическая рогатая змея Нага Падоха, движения которой будто бы и вызывают землетрясения. У многих народов мира бытует мнение, что прибежищем змей*

служит преисподняя. Более того, сама преисподняя рисуется в облике фантастического змея. В качестве примера можно назвать средневековые христианские воззрения, по которым ад есть не что иное, как колоссальный ужасный змей с разверстой пастью, пожирающий души грешников. Эти представления нашли отражение в многочисленных иконах и лубках на религиозные темы» [5, с. 53-54].

В русском фольклоре земля часто размещается на ките. По этому поводу **А.Н. Афанасьев** пишет следующее: «Между нашим простонародьем существует предание, что мир стоит на спине колоссального кита, и когда чудовище это, подавляемое тяжестью земного круга, поводит хвостом, то бывает землетрясение» [1, с. 195-196]. Связать загадочного кита с кистью руки, которая является нашей первой опорой достаточно просто. Дело в том, что слово *кита* в целом ряде славянских языков означает «кисть» [20]. При проецировании исходной матрицы на нижний мир, на кисти (ките) нижней руки располагается жменя второй руки. Всё это и породило представление о змее под земной поверхностью.

Осмысленная забота об организме, сознательное отношение к окружающей действительности предполагает фиксацию временных отрезков: возраста, времени суток, сезонов и т. д. Сказочная матрица, чудесное древо позволяют описать не только пространственные, но и временные отрезки. Касаясь кончиком большого пальца подушечек четырёх пальцев, мы можем познакомиться не только с 12 мышцами, но и с 12 сказочными месяцами, которые могут накормить и обогреть, а также сурово наказать. Раздвинув пальцы (палы) на ладонях, мы можем увидеть бесплотных пламенных ангелов. Эти небожители, божи вестники обитают в сети, посредством которой изначально передавались божественные вести.

Изначально счёт самым тесным образом был связан с обозначением и со структуризацией первого неба (нёба), пяти (пасти) – исконной среды обитания не только небожителей, но и человека. Угодить пальцем в перевозданное небо можно при счёте на пальцах, а также при диагностике. В сказках богатыри часто забрасывают палицы в небо. Так, например, в сказке «Иван Попялов» герой подкидывает палицу в гору и через сутки ловит её, подставив свой лоб. Аналогично он поступает со второй и третьей палицей [2, № 135]. Такое вполне возможно при подсчёте суток или дней на пальцах, с которыми связаны исходные представления о палицах (бактериях), богатырях. Соотнести Попялова логично с крайним суставом большого пальца (пала). Именно он склонен ловить палицы на свою голову при счёте на пальцах. Сказочные герои не только забрасывают палицы в небо (нёбо), но и сами залезают на него, а также наедаются там. Есть все основания полагать, что изначально таким образом были зафиксированы и оцифрованы первое небо, первый наш дом, первый стол. Таким образом изначально были зафиксированы и календарные циклы. В ходе такой фиксации зоны превратились в сезоны и т.д.

Счёт на пальцах, связанный с календарными циклами, породил великое множество сказок, мифов, преданий. Существуют сказки, мифы, которые с большими подробностями воспроизводят календарный счёт с использованием чудесных растений. **Зеро** из пальцев позволяет пролить свет на загадочного **жреца**, а также на загадочный куст, осмыслению которых посвящена монография **Дж. Фрэзера** «Золотая ветвь». Согласно древним италийским преданиям, этот загадочный жрец бродил вокруг загадочного куста целый год и погибал после того, как на этом кусте обламывали ветку. **Фрэзер** писал: «Следует ответить на два воп-

роса: во-первых, почему жрец Дианы Немийской, Царь Леса, должен был убивать своего предшественника? Во-вторых, почему перед этим он должен был сорвать с дерева ветвь, которая, по общему мнению древних, была не чем иным, как Золотой ветвью Виргилия» [23, с. 17]. Наша кисть позволяет продемонстрировать загадочный куст, загадочного жреца, который в течение года бродит возле этого куста, а также загадочную ветвь, причём реконструировать с математической точностью. Манифестируя годовой цикл, большой палец руки («жрец») последовательно обходит 12 суставов четырёх смежных пальцев, когда он касается последнего сустава (корня мизинца), мизинец чисто рефлексивно подламывается и большой палец другой руки («новый жрец») обрушивает его на голову предшественника. Связь подобного рода сюжетов со счётом на пальцах, обусловленным годовым циклом, прослеживается в целом ряде мифов и сказок.

Гибель злосчастного скандинавского бога Бальдра во многом напоминает гибель жреца Дианы нимейской. Миф о Бальдре известен по «Прорицанию вёльвы» («Старшая Эдда») [14], по стихотворению эддического стиля «Сны Бальдра» [15], включённому как дополнительная песнь в «Старшую Эдду», а также по «Младшей Эдде», где имеется прозаический рассказ о Бальдре. Этот бог служил в качестве мишени, на которую другие божества обрушивали своё смертоносное оружие. При этом Бальдр оставался невредимым. Такое бывает при счёте на пальцах, когда наши «пальцы» поочерёдно ударяют о большой палец. Смерть Бальдра наступила после того, как слепой бог Хёд (большой палец другой руки) ударил его веткой-прутом из омелы (мизинцем). Надо сказать, что мизинец сам подламывается и об-

рушивается на голову Бальдра, когда Бальдр касается его корня при подсчёте месяцев, и Хёду остаётся только зафиксировать мизинец на голове жертвы в знак окончания цикла. Гибель Бальдра вызывала горячую скорбь у асов – древних германских божеств, вечных соперников своих антагонистов – ванов. Миф о смерти Бальдра является своеобразным предисловием к скандинавскому эсхатологическому циклу – смерть его служит как бы предвестием гибели богов и всего мира. В новом мире, который наступает после гибели старого, Бальдер возрождается и примиряется со своим убийцей Хёдом. Слепота Хёда вполне очевидна. Чтобы обзавестись очами или очками (приступить к счёту), он должен покончить с предшественником. Зная устройство нашего «умного дома», который является «биокомпьютером», а также древнейший двоичный код, можно без всяких проблем пролить свет на природу асов и ванов. Очевидно, что асы, горюющие о Бальдере и чувствующие гибель своего мира, это согнутые в кольца пальцы руки (англ. *eye* `глаз`, `очко`; мн. *eyes*), а ваны – пальцы другой руки, готовые начать отсчёт нового времени (англ. *one* `один`). Следует напомнить, что в древненемецком *biog* `сустав` [17, с. 48].

По мнению **Дж. Фрэзера**, у истоков обряда с загадочным кустом лежит образ Дианы, привезённый в связке веток [23, с. 10]. Диана (*Diana*) в римской мифологии – богиня растительности, олицетворение луны. Обнаружить лунное божество (лунки) на кончиках наших кистей отнюдь – не проблема. Кроме того, имя Дианы может обозначать двухгодичный цикл, который может демонстрироваться последовательным подсчётом сезонов, месяцев на обеих руках, в ходе которого и возникают образы ломаемых веток, сменяющих друг друга жрецов, прошлого и наступившего года.

4.2. Обустройство макрокосма на принципах макрокосма

Рукотворный микрокосм, сказочная матрица, чудесные существа, чудесные небеса, горы, реки, озёра, леса и связанные с ними чудеса традиционно играли системообразующую роль не только при описании макромира, но и при постройке жилищ, культовых сооружений. Огромную роль они играли и в ландшафтной архитектуре, масштабы которой поражают современных архитекторов. Мир нашего младенчества, первые времена, золотой век, сказочный микрокосм, сказочные родители, сказочные животные побудили наших предков организовать нечто подобное в макромире. Сознательное копирование исходных форм человеческого бытия, сказочной действительности породило массу обрядов, смысл которых до сих пор в высшей степени загадочен для исследователей. Так, например, издревле был широко распространён обряд инициации, во время которого посвящаемый пролезал через сооружение, выполненное в форме огромного животного. При этом он как бы переваривался в чреве животного и извергался искушённым в тайнах, которые делают человека человеком. *А.Р. Радклифф-Браун* в своей книге «Миф о радуге-змее на юго-востоке Австралии» сообщает, что в Австралии огромную змею, используемую для подобных целей, имитировало высохшее русло реки или навес, а впереди ставился расколотый кусок дерева, изображающий пасть [28, с. 344]. Для совершения этого обряда иногда выстраивались специальные помещения, имеющие форму животного, причём дверь этого помещения представляла собой пасть. Тут же производилось обрезание, причём в качестве пуповины служили крайняя плоть или палец посвящаемого. По всей видимости, для проведения аналогичного обряда служила

гигантская насыпь или курган в виде змеи, приведённый на рис. 57. Длина этого грандиозного сооружения – 411 м. Природа подобного рода сооружений и обрядов до сих пор представляет загадку для исследователей. **В. Пропп** пишет по поводу такого обряда, что ему «*неясны побудительные причины его, не ясно, что собственно заставило производить этот обряд, чего ожидали от его выполнения, не ясны исторические основы его*» [13, с. 227].

Очевидно, что эти мифологизированные обряды являются формой воспроизведения мифа. Обряд бесконечно моложе жестовой сказки (показа), поскольку не имеет рефлекторной формы. Кроме того, в обрядах используется чуждая младенчеству атрибутика, а не естественная среда обитания младенцев – материнские руки. Всё это подтверждает вторичность мифа по отношению к пантомиме, жестовой сказке, с которой нас знакомят материнские руки, рукотворные змеи (рис. 7). Знакомство с этими обрядами подтверждает фундаментальную роль материнских рук, сказочных змей, с которыми все знакомы с первых дней жизни в становлении не только сказочных, но и мифологических архетипов, мифологизированных обрядов, а также соответствующих ри-

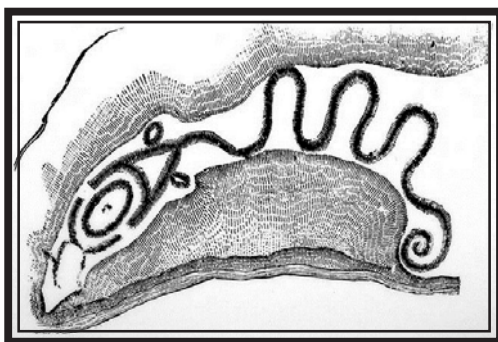

Рис. 57. Змеиный курган. Штат Огайо, США

туальных сооружений, воспроизводивших первые времена человеческого бытия.

Поглощением младенца родительскими пятами (пастями), его пребыванием в пастях тотемных животных, его пестованием тотемами издревле символизировалось приобщение к тотему, предкам, поэтому во время инициаций, воспроизводивших начальные времена, воспроизводилось пожирание мальчика или юноши мифическим животным. Предполагалось, что именно во время пребывания в чреве животного посвящаемый познает его структуру, его потенции, осваивая нормы общежития. После выхаркивания или извержения он становился полноправным членом общества.

Со временем ритуальные постройки для инициаций, принесения жертв божествам начинают достигать совершенно фантастических размеров. Так, например, существуют геоглифы, которые можно обозреть только с помощью авиации или со спутника. Такого рода памятники, воспроизводящие губы и пясти (пасти), фаланги, требующей жертв Земли, приведены на рис. 58, 59.

Пясть (пасть) руки, сомкнутая в кулак, породила представление о кольцах или системах колец, разделённых на сегменты. Вполне возможно, что древний культовый центр – Аркаим (рис. 60) был возведён вокруг подобного изображения, которое присутствовало на данном месте в виде геоглифа с незапамятных времён.

Счёт на пальцах породил представление о спиральном лабиринте, о «кругах ада». Следует заметить, что «семь кругов ада» в нашем кулаке образованы четырьмя смежными пальцами и кольцевыми щелями между ними. Мифологизированная традиция принесения детей в жертву тотемным существам, духам предков, божествам, а также их освобож-

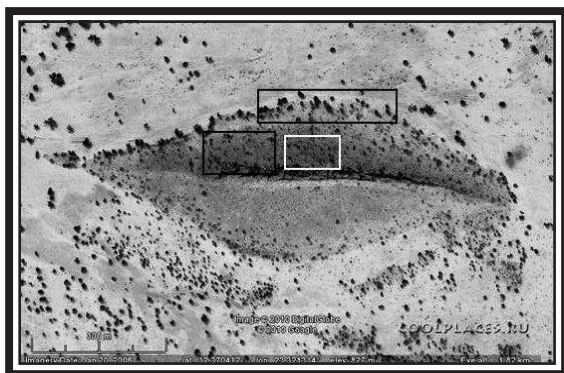

Рис. 58. Геоглиф «Губы» (Западный Дарфур, Судан)

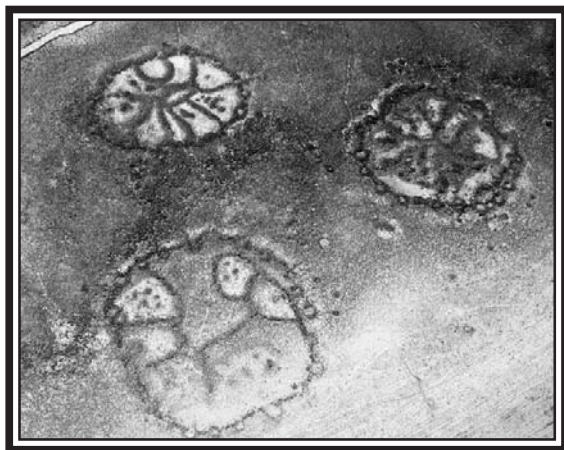

Рис. 59. Геоглифы, воспроизводящие пяти Земли (Ближний Восток)

дение из чрева привело также к появлению каменных лабиринтов, символизовавших пищеварительный тракт, пройти через который должен был ребёнок в ходе мифологизированного обряда жертвоприношения. Дети, которых ведут или несут на заклание в лабиринты, изображены на рис. 61, 62.

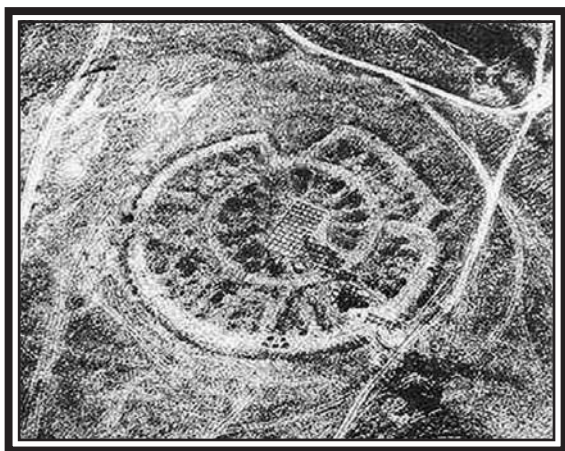

Рис. 60. Аркаим (Кизильский р-он, Челябинской области, Россия)

Рис. 61. Геоглифы на холме Керро-Питандос
(пустыня Атакама, Чили)

Имитация заклания ребёнка могла производиться на камне или каменном туре, расположенном в центре каменного лабиринта (рис. 63). По всей видимости, эти камни, каменные туры (груды камней) символизировали челюсти божества, которому младенцы приносились в жертву. Есть все основания полагать, что эти каменные туры имеют отно-

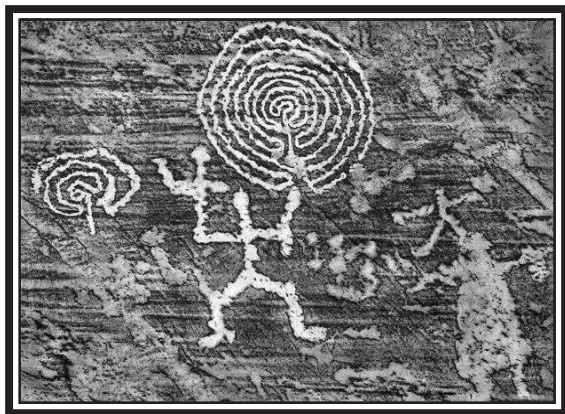

Рис. 62. Петроглифы (Валь Камоник, Италия)

Рис. 63. Каменный лабиринт (остров Олений, Белое море)

шение к Минотавру, которому древние греки якобы жертвовали своих детей, пока его не убил Тезей.

Следует заметить, что рисунки лабиринтов древнее соответствующих построек. Они зачастую воспроизводились на скалах, камнях, которые стали соотноситься с первопредками или с их органами. Первые изображения появились

практически в одно и то же самое время, но в совершенно разных частях ойкумены, из-за чего нельзя объяснить это взаимным влиянием культур одной на другую. Картинки и рисунки лабиринтов, которые относятся к одному и тому же периоду, обнаружили в таких регионах, как: Северная Америка, Индия, Суматра, Европа. Лабиринты на рисунках имеют разную форму. Они могут напоминать трещины в скале, сложенной из плитняка. Часто лабиринт имеет форму пищеварительного тракта человека, если на человека смотреть сверху. При этом пищевод оказывается в центре и выполняется в виде челюсти, а анальное отверстие, изображающее выход из лабиринта, – сбоку.

Чтобы выяснить, какие лабиринты наиболее адекватно отражают ту реальность, которая породила мифы, подобные мифу о Минотавре, необходимо обратиться к архитектурному архетипу лабиринта – матрице, а также к её «оцифровке». Именно матрица породила представление об исходном помещении, об исходном жертвеннике, о пасти тотемного существа, жилище-желудке. При «оцифровке матрицы», большой палец (мифический герой) обходит все помещения лабиринта, пока не наткнется на Минотавра. Каснувшись нижней подушечки большого пальца, он обрушивает эту палицу на голову Минотавра (рис. 12).

Ближе всего к классическому лабиринту фигуры, которые воспроизводятся детьми, играющими в классики. Следует заметить, что у разных народов существуют поверья – будто бы в лабиринтах следует перемещаться скачками. Именно так поступают дети, когда играют в классики. Именно так происходит оцифровка первоначальной матрицы.

Часто вход в чрево Земли оформлялся в виде спиральной выемки, по образу которой воспроизведены ритуальные колодцы в пустыне Наска (рис. 64). Различного рода колодцы,

провалы, пропасти издревле также использовались для человеческих и иных жертвоприношений.

Естественные пещеры в скалах побудили мифологизированное сознание рассматривать их в качестве естественных входов в загробный мир, в обитель духов, в чрево божеств, требующих жертвоприношений. Мифологизированное сознание полагало, что именно в таких лабиринтах мифические герои изначально совершали свои героические подвиги. Повторить эти подвиги необходимо было во время обряда инициации. Юным героям предстояло вместо Минотавра (рис. 12) поразить макет медведя или изображения бизона, мамонта, нарисованные древними художниками на стенах пещеры, а также отметить своё пребывание в пещере отпечатком ладони, или полосами на стенах пещеры («макаронами»).

В местах, где наблюдался дефицит естественных пещер, а также возникала конкуренция за право их обустройства и использования, появляются искусственные пещеры: дольмены, выполненные в виде каменных мешков, вход в которые мог напоминать челюсть (рис. 64) или задний проход (рис. 65). Подобного рода сооружения породили массу вопросов у исследователей. Так, например, исследователей глубоко волнует вопрос: почему многие из этих сооружений, создание которых требует титанических усилий, имеют малую площадь и малопригодны для проживания в них сообществ, а некоторые вообще недоступны для проникновения в них взрослых людей? Убедительный ответ на этот вопрос можно получить, если учесть, что обряд инициации совершался над детьми и подростками, которые должны были во время обряда пройти «школу жизни» в скулах или чреве тотемного существа. Следует заметить, что слово *саркофаг* – греческого происхождения и означает «едящий мясо». Это подтверждает изначальную связь подобного рода сооруже-

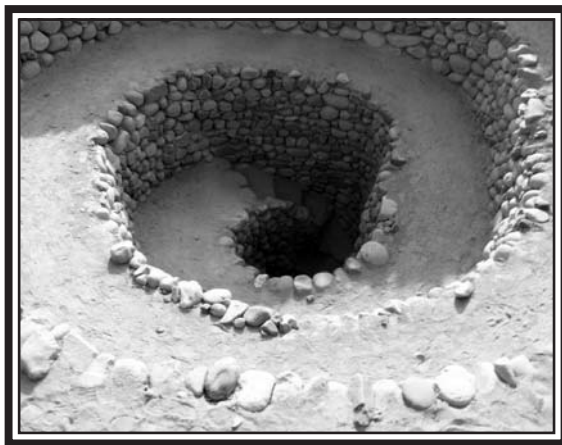

Рис. 64. Священный колодец (плато Наска, Чили)

Рис. 65. Дольмен «Святомир»
(долина реки Жане, Западный Кавказ)

ний с челюстями тотемных животных. По всей видимости, использование саркофагов при погребении означало возвращение в чрево Матери-земли. Об этом свидетельствует и сооружение насыпей, курганов над саркофагами.

Рис. 66. Дольмен «Лунный» (гора Нексис, Краснодарский край)

Надо сказать, что исследователи регулярно встречаются с пещерами, гротами искусственного происхождения, которые недоступны для проникновения взрослого человека. Кто мог сооружать «каменные мешки» в скалах, горах, если в них могли пробраться только дети? Такой вопрос часто ставит в тупик исследователей. Ответ на этот вопрос дают мифы, предания, сказки, в которых подобного рода строительством занимаются карлики. Карлики (люди низкого роста) попадают среди представителей всех рас и социумов.

Мифологемы, связывающие изначальное существование человечества с пребыванием в чреве, челюстях тотемных животных, побуждали наших предков воспроизводить для ритуалов жилища из шкур обычных диких животных с каркасом из их рёбер, бивней, челюстей и т. д., хотя это порождало массу строительных проблем. Реконструкция одного такого жилища приведена на рис. 67.

При счёте можно попасть пальцем в первозданное небо и удержать его им (рис. 18). Сказки и мифы свидетельству-

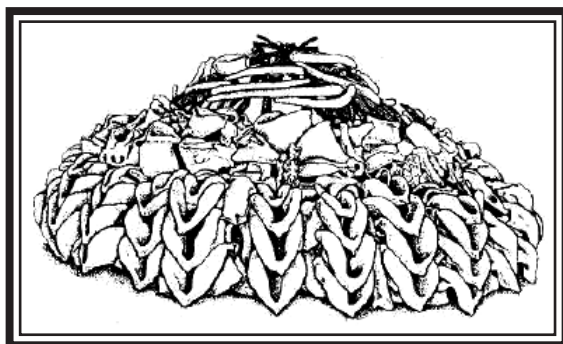

Рис. 67. Вариант реконструкция жилища из костей мамонта (заповедник Костёнки, Россия)

Рис. 68. Геоглиф «Ллилит» (заповедник Паракас, Перу)

ют, что изначально люди обитали рядом с Отцом Небесным, что издревле можно было забираться на Небо и наедаться там, однако со временем оно стало недоступным для людей. Во время грозы Небо оскаливается и грозит поглотить Землю со всеми обитателями. Его побаивались не только дети. Запуганным небесными грозами обитателям Земли оста-

валось надеяться, что Небо не примет исходное состояние, обрушившись на Землю, поскольку побоится высоких гор, острых скал, высоких деревьев, которые могут проколоть его. О том, что скалы рассматривались в качестве зубов, которые поддерживают небо, свидетельствуют изображения, подобные приведённому на рис. 68. Склон горы над данным геоглифом его создатели воспринимали как раздел между верхним (небесным) и нижним (земным) зубами. То, что зубы, челюсти снабжены глазами, нас не должно удивлять. Именно челюсти предков (рис. 7) породили представления об исполненных очами небожителях, о способности пожирать очами. Изобразив на пальцах зеро, можно увидеть первый орган зрения, первый орган «пожирания», а также соответствующее жестовое слово, позволившее обозначить подобного рода органы.

Возлагавшиеся надежды на спасение от неминуемой гибели привели к обожествлению окружающих гор, скал, высоких деревьев, рощ. Без всякой надежды оказывались только те, кто не видел вокруг себя высоких гор, растений, острых скал. Это привело к восстанию их против Неба, которое произошло задолго до появления Вавилонской башни и породило ландшафтную архитектуру.

Чтобы усовершенствовать ландшафт и утратить Небо, люди стали воспроизводить геоглифы, петроглифы, выкладки из камня с образами героев, которые угрожают Небу палицами (рис. 69) или держат палки, способные проколоть небо при его попытке обрушиться на землю (рис. 70). Припугнуть Небо могли и образы огромных трезубцев или растений (рис. 71) на склоне холмов, а также изображения могучих и быстрых животных, которые своими рогами или копытами могли повредить Небо при его попытке обрушиться на Землю. Подобного рода изображения достигают

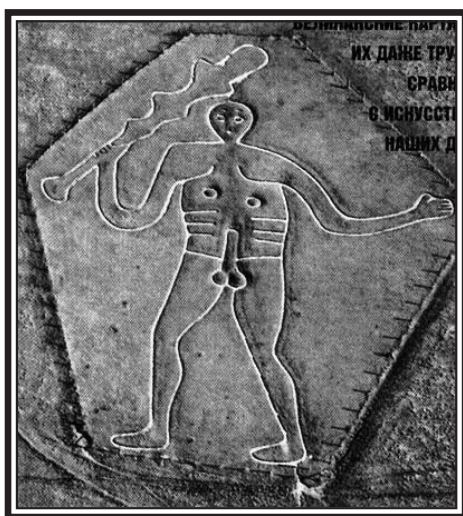

Рис. 69. Геоглиф великана «Керн-Аббаса»
(Деревня Дорсет, Англия)

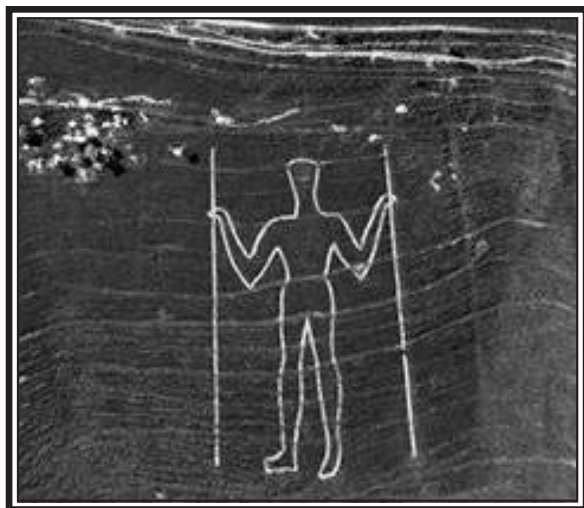

Рис. 70. Геоглиф «Лонгмен» на склоне холма Улигминголл
(Южная Англия, графство Дорсет)

Рис. 71. Геоглиф «Андский канделябр» (район г. Писко, Перу)

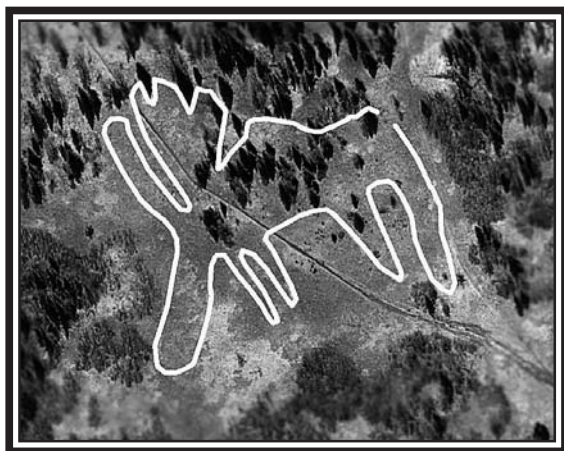

Рис. 72. Геоглиф «Зюраткульский лось»
(гора Зюраткуль Южный Урал)

воистину фантастических размеров. Так, например, геоглиф «Зюраткульский лось» (рис. 72), выполненный на склоне горы, занимает квадратный участок размером 250 на 250 м. Он считается самым большим и самым древним из подобного рода геоглифов.

Рис. 73. Китовая аллея (остров Ытыгран, Чукотский полуостров)

Рис. 74. Круг «Бродгара» (Оркейские острова, Великобритания)

Надо сказать, что далеко не везде и не всегда люди полагались на возможность запугать Небо простыми изображениями. Радикальным средством для устрашения Неба считалось снабжение Земли элементами челюстной системы, способной проколоть небесный свод или дать ему опору. К подобного рода сооружениям относятся китовые аллеи (рис. 73), одиночные или собранные в группы менгиры

Рис. 75. Аллеи менгиров (Карнак, Франция)

Рис. 76. Маои острова Пасхи

(рис. 74), а также их аллеи (рис. 75). Чтобы «покуситься» на Небо, эти аллеи могли простирались до самого горизонта (кажущегося соприкосновения Неба и Земли).

Для фиксации Неба обитатели острова Пасхи воспроизвели каменные статуи в виде сдвоенных передних резцов челюстной системы человека (рис. 76), которые изначально были снабжены шляпами из розового камня, служившими в качестве дёсен Небу (Нёбу). То, что сдвоенные зубы служи-

Рис. 77. Изображение на обратной стороне маои «Моаи Хоа-Хака-Нана-Иа» с острова Пасхи (Британский музей, Лондон)

ли в качестве опоры для Неба и катящегося по нему солнца, подтверждает изображение, приведённое на рис. 77.

Надо сказать, что великое множество древних сооружений свидетельствуют о весьма архаичной практике принесения младенцев и взрослых в жертву, которая не связана с обрядом инициации, но имеет самое непосредственное отношение к проецированию микрокосма (маски смерти) на макрокосм. Маска смерти, знаковые рукотворные постройки, неразрывно связанные с медицинской семиотикой, породили массу строительных суеверий, которые до сих пор в ходу у многих народов. Мёртвая хватка инициировала у разных народов поверья в необходимость строительных жертв, чтобы сооружать намертво. Не менее широко распространено поверье, что каждое новое здание строится на «чью-либо голову», т. е. в нём кто-либо должен в скором времени умереть. Богатая подборка таких поверий приведена в книге

Д. Зеленина «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов» [6]. Так, например, «в Шотландии прежде широко была распространена вера в то, что постройка нового дома влечёт за собою скорую смерть хозяина» [Там же. С. 31]. У немцев есть поверие: «Кто первым войдёт в новый дом, тот ранее всех прочих в данной семье умрёт, почему на новоселье сначала в новый дом пускают кошку или собаку, петуха или курицу, или какое-либо иное животное и носят его по всем помещениям» [Там же. С. 31]. В связи с этим поверьем, великорусы прежде при первом входе в новый дом на пороге избы отрубали голову у курицы и мясо этой курицы не ели. «В бывшей Владимирской и других северных губерниях в новую избу сначала пускали ночевать петуха или кошку, особенно чёрной масти, и только потом уже переселялись на жительство сами хозяева. Некоторые старики, впрочем, намеренно первыми вступали в новую избу, желая тем показать, что они готовы умереть. Украинцы на Полтавщине прежде боялись присутствовать при закладке нового здания, так как верили, будто бы плотник может заложить «на голову» присутствующего человека, и этот последний вскоре умрёт» [Там же. С. 32].

Османские турки свято верили, что «пока дом строится, хозяин не умрёт» [Там же. С. 33]. Сходные поверья привели к обыкновению не доводить постройку в деталях до полного конца.

Поскольку маска смерти, рукотворный универсум возводятся при всяком горе, «украинцы некогда верили, что дом может быть заложен на болезнь, смерть, хилость детей, падёж скота, размножение червей. Закладывали обычно на чью-либо голову, иначе и поп не будет святить здания» [Там же. С. 35]. Всё это подтверждает мысль о том, что истоки ма-

тематического моделирования, начертательной геометрии неразрывно связаны с болезнью, смертью, медицинской семиотикой и должны изучаться в неразрывной связи с тотальной **НАУКОЙ** – медициной.

Издревле было замечено, что прочные рукотворные сооружения получаются не только при «мёртвой хватке». Так, например, материнские руки крепко удерживают тела младенцев. Подобного рода сооружения, покоящиеся на плечах матерей и предназначенные для перенесения детей, стали называться «детинцами». При возведении детинцев из дерева или камня мысль о необходимости для прочности возводить постройки на телах младенцев и матерей привела к появлению предрассудков, жертвами которых стали матери и дети. Так, например, в одной широко распространённой легенде о постройке казанской крепости говорится: *«Тогда, сказывают, был странный обычай: перед тем, как построить новый город совершали в память этого события какое-нибудь великое дело. По обычаю того времени, и при основании этого города должны были совершить что-нибудь. Галим-бик заставил бросить жребий между одним своим приближённым и своим сыном. На кого выйдет жребий, того необходимо было закопать живым в фундамент, в память строящегося города. Жребий выпал на долю собственного сына»* Галимбик-хана» [4, с. 89].

Идею заклания ребёнка нельзя приписать только основателям Казани. Так, например, у югославов есть баллада, которая называется «Построение минарета Дервиш-паши». Баллада повествует о том, как построенный мастерами минарет обрушивался до тех пор, пока Дервиш-паша не решил пожертвовать своим сыном. Несчастливая мать ребёнка, услышав о решении закласть её сына, умалывает пашу:

*Господин паша, прошу пощады,
Прекрати постройку минарета.
Сын для нас дороже минарета [11, с. 179].*

Мольба несчастной супруги не сломила волю паши. Упрямый паша твёрдо решил довести дело до конца. Увидев, как уносят её любимое чадо на заклание, несчастная мать согласна балладе:

*Закричала так, что дом весь вздрогнул,
С горя начала она бегать
По комнате из угла в угол,
Запнулась о молитвенный коврик,
И в парадной комнате упала,
Как упала, дух тотчас испустила [Там же. С. 179].*

Ужас, порождённый особенностями строительной технологии, звучит в заключительных строках баллады:

*Минарет паши был воздвигнут
До сих пор он стоит, как прежде.
Закопал паша под минаретом
Верную жену молодую,
Вместе с нею младшего сына [Там же. С. 180].*

Известный этнограф и историк **Э. Б. Тайлор** в своей книге «Миф и обряд в первобытной культуре» привёл многочисленные свидетельства того, что издревле человеческие жертвоприношения при строительстве были широко распространены в самых различных частях ойкумены, что свидетельствует об их глубокой древности. Более того, он показал, что «гнусные обряды, о которых в Европе сохранилось лишь смутное воспоминание, ещё сохраняют своё древнее значение в Африке, Полинезии и Азии в тех обществах, которые являются если не хронологически, то по степени своего развития представителями древнейших ступеней Цивилизации» [20, с. 38–40].

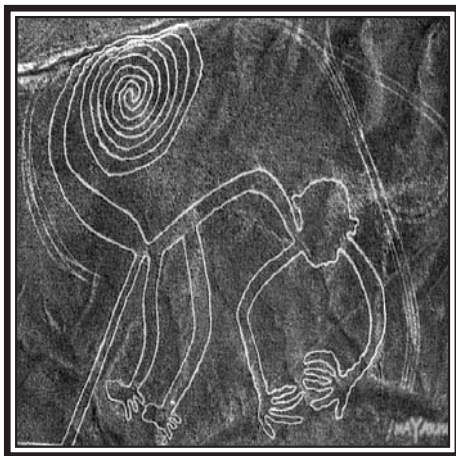

Рис. 78. Геоглиф «Обезьяна» (пустыня Наска, Перу)

Рис. 79. Геоглиф (пустыня Наска, Перу)

По мнению *Тайлора*, этот жуткий обряд «имеет своей целью либо умилостивление жертвой духов земли, либо превращение души самой жертвы в покровительствующего демона» [Там же. С. 37]. Надо сказать, что в науке до сих пор

не выработан единый взгляд на природу демонов, духов, поэтому такого рода объяснения трудно назвать серьёзным вкладом в историю архитектуры. Не являются они откровением и в фольклористике, поскольку оставляют открытыми вопросы, связанные с природой мифических, сказочных строений: волшебных дворцов, мостов, плотин, городов, которые издревле возводились в мгновение ока без видимых проблем, жертв, усилий.

С исходной средой обитания человека (материнскими руками) связаны первые календари, позволяющие обозначать и структурировать годичные временные циклы, которые неразрывно связаны с пальцевым счётом, сказочными животными. Стремление первобытных людей обустроить свою жизнь в соответствии со счастливыми изначальными временами побуждало их воспроизводить подобного рода календари в макроскопическом масштабе. К такого рода сооружениям относятся геоглифы в пустыне Наска, в которых большинство исследователей видит древнюю обсерваторию. Изображения животных, снабжённых человеческими пальцами (рис. 78-79), подчёркивают их связь с исходным животным календарём, с исходными сериями пальцев, породившими первую обсерваторию.

Выводы: *оцифровка микрокосма, который является исходной координатной системой, неразрывно связана с врачебной практикой. Эта практика предполагает также оцифровку рукотворной местности, рукотворных небес. Приведённые факты свидетельствуют, что в процессе проектирования макрокосма на макрокосм исходные формы математического моделирования были широко использованы для обозначения и структурирования макрокосма, его элементов, происходящих в нём процессов.*

Рукотворный микрокосм, его элементы также послужили в качестве моделей при усовершенствовании макрокосма посредством строительства жилищ, ландшафтной архитектуры. Наряду с сознательным проецированием микрокосма на макрокосм издревле осуществлялось и бессознательное проецирование, обусловленное различного рода суевериями.

Литература

1. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни: Избранные статьи. – М.: Современник, 1983. – 464 с.
2. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 3 т. – М.: Наука, 1984-1986.
3. Былины / Сост. В.И. Калугин. – М.: Современник, 1986. – 559 с.
4. *Вахидов С.Г.* Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // Вестник научного общества татароведения, 1926. – №4. – С.82-91.
5. *Евсюков В.В.* Мифы о мироздании: вселенная и религ.-миф представления. – М.: Политиздат, 1986. – 112 с. (Беседы о мире и человеке).
6. *Зеленин Д.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. – М., Л.: Изд. АН СССР, 1937. – 77 с.
7. *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем // Советское радио. – 1978. – 184 с.
8. Казахско-русский словарь / сост. Х. Махмудов, Г. Мусабаев. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1954. – 574 с.
9. *Крафт Э.К.* Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах / пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 656 с.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энцикл., 1991-1992. – Т 1-2.
11. Построение минарета Дервиш паши // Эолова арфа: Антология баллады. – М.: Высш. шк., 1980. – С. 179-180.
12. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность // Фольклор и действительность. – М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1976. – С. 83-85.

13. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: «Изд-во Ленинг. Ун-та, 1986. – 368 с.
14. Прорицание Вёлвы /пер. с древнеисл. // Скандинавский сборник. – Вып. XXV. – Таллинн, 1980. – С. 189–196.
15. Сны Бальдера / пер. с древнеисл. // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Худ.лит-ра, 1975. – С. 334–335.
16. *Стройк Д.Я.* Краткий очерк истории математики / пер. с нем. – М.: Наука, 1969. – 326 с.
17. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1980. – 406 с.
18. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 862 с.
19. *Топоров В.Н.* Числа // МНМ, Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. Энцикл, 1992. – Т.2. – 629–631.
20. *Тайлор Э.Б.* Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.
21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1964–1973. – Т.1–4
22. *Фролов Б.А.* Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука, 1974. – 240 с.
23. *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
24. *Чистякова Е.М.* Математика и религия. – Краснодар: Краснодар. книж. изд-во, 1962. – 63 с.
25. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии // пер. с англ. – М.: RIFL-book, К.: Vakler, 1996. – 288 с.
26. *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая / пер. с кит. – М.: Наука, 1987. – 526 с.
27. Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии. – М.: Худ.слово, 1981. – 351 с.
28. *Radcliff-Brown A.R.* The rainbow-serpent myth in South-East Australia // Oceania. – 1930. – Vol. I. – № 3. – 440 p.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Генерализованная и генерализующая концепция антропогенеза, рассматривающая в качестве ведущей формы трудовой деятельности воспроизводство человека, социума, позволяет пролить свет на причины, которые побуждают считать материнские руки исходной культурной средой (микрокосмом), с которой связаны как первые карты, так и истоки начертательной геометрии, топонимики, топографии, топофилии и топофобии.

Введение в культуру рефлекторных форм начертательной геометрии, топонимики, топографии, топофилии и топофобии инициировалось и инициируется материнским инстинктом, заботой о младенцах, вызвавших к жизни медицину и технику безопасности.

Начертательная геометрия, и возникший на её основе метод координат составляют естественный базис медицинской семиотики, топографической анатомии, в рамках которых сложился широкий спектр географических представлений, терминов, навыков.

Руки матери – исходная среда обитания человека, которая играет фундаментальную роль в процессе становления осмысленного геометрического моделирования, ручного мышления, сознательного взаимодействия с окружающей средой.

Изначально каждый человек обитает в математическом аппарате – разумном универсуме (микрокосме), «биокомпьютере», и знакомится с бесконечно совершенной орудийной системой, с фундаментальными основами математического моделирования внутренней и внешней действительности.

Глубоко правы философы и исследователи, утверждающие вслед за Платоном, что основные знания об окружающем мире человек черпает в младенчестве. Это позволяет ему постигать новое, припоминая старое.

Проекция микрокосма на макрокосм позволила описать не только человеческую конституцию и окружающий мир, но и обозначить весь спектр человеческих чувств. Всё это создало предпосылки для культивирования человека, культурного социума – общества, поэтому роль исходной среды обитания человека в качестве исходной моделирующей системы, обеспечившей становление человека, социума, культуры трудно переоценить.

Тождественность исходной культурной среды, исходных форм моделирования внутренних и внешних процессов, а также целей этого моделирования, обеспечила единство человеческой психики, традиционных форм мировоззрения.

Любые попытки реконструкции изначального смысла волшебной сказки, мифа, древних культов, истоков ландшафтной архитектуры, игнорируя географию микрокосма, игнорируя процесс проецирования микрокосма на макрокосм, создают превратное представление об умственных потенциях наших предков, бесконечно искажают природу мифологического мировоззрения.

Реконструкция подлинного содержания волшебной сказки, мифа, осмысление древних культов и связанных с ними сооружений, а также истоков ландшафтной архитектуры создают предпосылки для предельно убедительного освещения истоков географии.

Сложности, которые возникают при осмыслении мифа и сказки, лишь свидетельствуют о том, насколько звуковой язык менее выразителен по сравнению с наглядным

и чувственным языком геометрии, в рамках которого изначально складывались географические представления, понятия, навыки.

Учёт естественных истоков географии, традиционных методов её введения в культуру позволяет решить широкий спектр проблем в комплексе наук, связанных с освещением природы человека, общества, культуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ИСХОДНАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В МИФОЛОГИЗИРОВАННОМ СОЗНАНИИ.....	37
1.1. Исходная среда обитания человека в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза.....	37
1.2. Отражение исходной среды обитания человека в мифологизированном сознании	58
1.3. Сказочные царства и царство смерти	87
Глава 2. ИСХОДНЫЙ ЯЗЫК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ТОПОГРАФИИ И ТОПОНИМИКИ.....	116
2.1. Взгляды исследователей на исходный язык	116
2.2. Реконструкция исходного языка и его роли в становлении топографии и топонимики	144
Глава 3. ПРОЦЕСС ВВЕДЕНИЯ В КУЛЬТУРУ ЕСТЕСТВЕННЫХ ФОРМ ТОПОНИМИКИ И ТОПОГРАФИИ	182
3.1. Процесс ведение в культуру естественных форм топонимики и топографии	182
3.2. Отражение в мифологическом сознании процесса введения в культуру топонимии и топографии	189
Глава 4. ОЦИФРОВКА МИКРОКОСМА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ, ОПИСАНИИ И ОБУСТРОЙСТВЕ МАКРОКОСМА	230
4.1. Оцифровка микрокосма и использование его при обозначении, описании макрокосма	230
4.2. Обустройство макрокосма на принципах микрокосма ...	254
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	278

Воронцов Владимир Александрович

**ИСТОКИ ГЕОГРАФИИ В СВЕТЕ
ГЕНЕРАЛИЗОВАННОЙ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ
АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗА**

Дизайн обложки,
компьютерная верстка
В. Калинин

На обложке: Римская богиня Земли Теллус (деталь).
Рим. Музей алтаря Августа. (13-9 гг. до н.э.)

ISBN 978-5-93962-860-0

Подписано в печать 22.01.2018. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 16,39.
Тираж 500 экз. Заказ 01-18/04-2

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а.
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19.
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru